

Слово. Том XXIII.

Трилогия: Три нашествия

1. Ритуальное убийство большевицкими изуверами Царской Семьи произошло не без деятельной поддержки масонов, которыми, как выясняется, чисто традиционно просто кишел царственный дом Романовых. А столь крупномасштабного предательства от своих, что и понятно, не мог ожидать никто.

Но является ли это предательство великими князьями венценосного члена своей фамилии случайностью или за ним кроется какая-то упирающаяся в давние эпохи тайна?

2. Красная чума в России уже собрала свою многомиллионную жатву. В прошлом великий народ давно поставлен за грань какой-либо возможности выживания, уменьшаясь на 1–3 млн. в год. Его детей бросают полу безоружными против сформированных международным капиталом иноверческих бандформирований. И даже духовенство подставляет их спины врагу, братаясь с иноверными. Неужели это конец?

Но выход всегда есть — стоит лишь как следует оглянуться.

Лекарство от красной Чумы

Престолонаследие

И вот вновь встает вопрос: какая ветвь правящей в России до масонского переворота фамилии имеет право наследования.

Петроградская газета «Вечерний час» №2 от 29 ноября 1917 года:

«?» «Б.в.кн. Павел Александрович в Смольном институте».

Как уже сообщалось в печати несколько времени тому назад, представителями петроградского военно-револком. По их собственной инициативе, был задержан и доставлен в Смольный б.вел.кн. Павел Александрович. Никаких обвинений не было предъявлено к нему ни при задержании, ни затем при доставлении в Смольный. Здесь б.вел.кн. находился 4 дня, а затем был освобожден. Большой интерес в связи с

текущими событиями представляет отношение обитателей Смольного к Павлу Александровичу.

Как рассказывает один из постоянных посетителей Смольного, б.вел.кн. за все время своего пребывания в Смольном пользовался не только исключительным вниманием, но и особенным, странным для того места почетом...

Его все без исключения, начиная с главы народных комиссаров, Ленина, называли не иначе как ваше императорское высочество. В распоряжении б.вел.кн. был свой штат, ему было предоставлено лучшее в Смольном помещение и подавалась лучшая пища. Ни о каких допросах не было и речи.

В самой почтительнейшей форме главари большевиков испрашивали у него аудиенции, при чем аудиенции эти носили строго конституциональный характер и продолжались очень долго.

Павел Александрович не был лишен свободы и из Смольного несколько раз выезжал, при чем ему выдавался лучший из автомобилей или великолепный открытый экипаж.

Многие, знающие великого князя в лицо, видели его спокойного, без всякой охраны, подъезжающим к Смольному. Сейчас б.вел.кн. проживает в Петрограде, в своем дворце, и пользуется абсолютной свободой”.

Пребывание Великого Князя Павла Александровича в ноябре 1917 года в Смольном подтверждается обрывочными документами, опубликованном в трехтомном сборнике “Петроградский Военно-Революционный Комитет” М., Наука, 1966 г» [123] (с. 9–10).

Но какую тему могли столь долго разрабатывать с представителем Царской фамилии в кулуарах Смольного стремящиеся к власти большевики?

«Вероятно, большевики намеревались использовать Великого Князя в качестве посредника в переговорах между Германским императором Вильгельмом и Государем Императором Николаем Александровичем, чтобы вынудить Его подписать сепаратный мир с Германией» [123] (с. 35).

Сепаратный договор Николаем II подписан не был. Являющимся немецкими шпионами революционерам приходилось искать другие пути вхождения во власть.

Однако же предательство было куда как более распространено как среди членов Царской фамилии, так и среди практически всех иных сил, обязанных быть ориентированными, казалось бы, исключительно на защиту Трона.

«Из мемуарной литературы известно, что некоторые Великие Князья и Князья Императорской Крови были членами различных масонских лож. Подозреваются как масоны — историк Великий Князь Николай Михайлович, Великий Князь Сергей Михайлович, Великий Князь Павел Александрович и Великий Князь Дмитрий Павлович, один из убийц старца Г.Е. Распутина» [123] (с. 36).

В удивительнейшей связи с членом Императорской фамилии в этом убийстве, задуманном левыми, весьма странным образом оказался замешан и лидер правых — Пуришкевич. Может и он имел какое-то отношение к масонству?

«Можно предположить, что масоны воздействовали на Великую Княжну Марию Павловну (старшую) — урожденную Принцессу Мекленбург-Шверинскую — жену Великого Князя Владимира Александровича и мать Великих Князей Кирилла Владимировича, Бориса Владимировича и Андрея Владимировича. Обличает пристрастность Великого Князя Владимира Александровича к масонам содержание и стиль его проекта тронной речи, поданного в виде записки Государю 12 февраля 1917 года, этот документ совершенно исключает самодеятельное происхождение, и по духу и по смыслу это не есть продукт индивидуального творчества, но — продуманная и согласованная во всех направлениях программа социалистического масонского толка» [123] (с. 36).

То же касается и запятнанного связями с масонством великого князя Николая Николаевича, которому было доверено командование Вооруженными силами России. Но предателей у Трона было столько, что опереться было и вообще не на кого:

«И наш последний Государь, “смирненно подражая Христу”, предал Себя в руки грешников, среди которых оказался и свой “протянувший руку в солило”, ибо как же еще назвать того же Василия Шульгина — монархиста, одного из лидеров правых, по доброй воле поехавшего вместе с масоном Гучковым принимать от своего Государя акт об отречении? И разве не поцелуй Иуды выглядит шульгинское объяснение своего поступка: мол, Государю будет легче принимать это тяжелое решение, видя пред собой не только старого врага Трона — Гучкова, но еще и “монархиста” Шульгина!

“Кругом измена, трусость и обман” — эта запись в дневнике сделана Государем именно 2-го марта. И разве Шульгин был один? А ген. Корнилов, явившийся арестовывать Государыню, “украсив” свой русский мундир красным бантом? А Великий Князь Кирилл Владимирович, приведший в мятежную Государственную Думу гвардейский экипаж — в знак поддержки февральского дела?» [123] (с. 48).

Вот именно потомки этого предателя и претендуют сегодня на узурпацию власти в той самой стране, где они являлись пособниками свершенной масонами революции!

«Последнее время советские средства массового оболванивания вопреки своим обычаям стали уделять внимание **монархизму**. Удивление вызывает даже не частота выступлений, но их **тон**. Если раньше в редчайших такого рода публикациях и сюжетах главным было кривляние журналиста, его “ирония”, то сейчас потребителю предлагается “симпатичная” информация. Все чаще коронованные особы мелькают на экране телевизора... Но дальше всех шагнул передовой “Огонек”, который во втором номере за этот год [1990] вслед за материалом о расстреле Царской семьи дал интервью с Его Высочеством Князем Владимиром Кирилловичем, которого этот рупор перестройки ничтоже сумняшеся титулует “Великим” Князем и нынешним “Главою” Дома Романовых» [123] (с. 11).

Тогда же началось муссирование слухов о якобы некой принадлежности к Царской Семье найденных неким Г. Рябовым чьих-то не захороненных на кладбище останков. Однако всем известны факты расследования убийства Царской Семьи Н. Соколова:

«...которое привело к однозначному выводу: тела Царственных Мучеников были сожжены изуверами, а Их Честные Главы отвезены в Москву, ясно, что шумиха, поднятая руководителями Гелия Рябова, имеет в своем основании подлог. Ближайшая цель этого подлога и искусственно созданной вокруг него шумихи — скрыть ритуальный характер убийства и затушевать роль мирового еврейства в его организации и осуществлении» [123] (с. 12).

Участие Владимира Кирилловича в этом подлоге не должно удивлять. Ведь:

«...достаточно обратиться к истории его притязаний, чтобы понять, что его участие в нынешнем подлоге обусловлено подложным обоснованием его исключительных прав на Российский Престол. Один подлог, совершенный в прошлом, тяготеет к другому...» [123] (с. 12).

Все дело в том, что его отец, Кирилл Владимирович, совершенно безосновательно оставил свою законную супругу и порешил жениться на своей двоюродной сестре, принцессе Виктории Мелитте, ради него покинувшей своего законного супруга.

«По Основному Закону Российской Империи (Закон об Императорской Фамилии) всякий член Императорского Дома может вступать в брак, только получив разрешение на него от Царствующего Императора. Великий Князь Кирилл Владимирович добивался разрешения брака со своей двоюродной сестрой, но не получил его. Напротив, Государь потребовал от него слово, что Великий Князь не будет пытаться

устроить этот брак и прекратит всяческие отношения с принцессой Викторией Мелиттой. И Великий Князь дал такое слово» [123] (с. 13).

И это вполне понятно. Ведь даже обыкновенного развода Православная Церковь не приветствует. Потому как причиной развода может являться лишь супружеская неверность. Но здесь была и такая причина, которая вообще отменяет всяческие притязания на подобного рода брак:

«...брак двоюродных братьев и сестер строго запрещен Православной Церковью как близкий к кровосмесительному. Запрет был догматически утвержден на Шестом Вселенском Соборе» [123] (с. 12–13).

«Письмо Государя Николая II Вел. Кн. Кириллу Владимировичу:

26 февраля 1903 года

“Милый Кирилл!.. ты хорошо знаешь, что ни церковными установлениями, ни нашим фамильным законом браки между двоюродными братьями и сестрами не разрешаются. Ни в каком случае и ни для кого я не сделаю исключения из существующих правил, до членов Императорской Фамилии касающихся...

...я, безусловно, запрещаю тебе жениться на ней...”

Твой любящий Н.» [348] (с. 373).

Однако:

«В сентябре 1905 года Великий Князь Кирилл Владимирович тайно обвенчался со своей двоюродной сестрой в православном храме в Германии, нарушив и церковный запрет, и запрет Императора, и собственное слово, данное своему Государю» [123] (с. 13).

Смотрим, что за такое полагается по правилу 6-го Вселенского Собора в г. Труле. Правило за №84 гласит:

«...аще кто совокупляется в общение брака со своею двоюродною сестрою... да подвергаются правилу седьмилетней епитимии, явно по разлучении их от беззаконного супружества» [193] (с. 105).

Но ведь у нас в стране под запретом были браки и с куда как много более дальним родством:

«В начале XX века в России запрещались браки до 6-й степени родства включительно...» [219] (с. 196).

И в явное нарушение этого закона принять решение кровосмесительной «женитьбы» на своей двоюродной сестре!?

Вот от такого беззаконного брака и произошел на свет нынешний беззаконный «наследник».

Так что, являясь плодом беззаконного кровосмесительного греха, который осудил еще Собор в г. Труле, называющий себя «Главой» Дома Романовых, Владимир Кириллович, никакого даже и малейшего права на Русскую Корону не имеет. И его беззаконное появление на свет сродни лишь беззаконному появлению антихриста, но уж никак не наследнику трона в Православном Царстве.

Вот что сказано Николаю I преподобным Серафимом Саровским о завершении его рода в 1919 г.:

«Продлится род твой триста лет и три года. Начался он в доме Ипатьева и кончится в доме Ипатьева. Начался Михаилом и кончится Михаилом» [184] (с. 290).

Однако даже и здесь есть некоторый вполне соответствующий возможному свершению вариант. Николай II 4 марта, получив известие, что его брат Михаил не принял от него престол, но отдал его масонам, изменил свое решение. И переадресовал Российский престол в пользу своего сына Алексея (об этом писали полковники В.М.

Пронин и Д.Н. Тихобразов, генерал А.И. Деникин, историк Г.М. Катков). Но генерал Алексеев (тоже странно звучащая фамилия — как бы генерал Наследника — Алексеев генерал) не отправил эту телеграмму Временному правительству.

А ведь именно это имя зашифровано в пророчествах монаха Авеля:

«И восстанет Царь, имя которого трикратно суждено в истории Российской. Два тезоименитых уже были на Престоле, но не Царском. Он же воссядет на Царском, как третий...» [294] (с. 45).

А ведь назвать трикратно появлявшимся у трона именем, в точности соответствующим всему вышеизложенному, возможно лишь единственное — Алексей.

1. Алексей Михайлович — правящий монарх XVII века.

2. Сын Петра I, Алексей, законный наследник престола, власть которого вероломно была отобрана его отцом-палачом вместе с его жизнью.

3. Алексей, сын Николая II, которому отдана власть его отцом, но, в силу предательства Алексея генерала, не получена.

Ведь если бы имелись в виду три правящих Петра или три правящих Александра, то определение Авеля звучало бы по-другому (Михаил, что сегодня почему-то у всех на устах, в истории нашей имел место быть лишь дважды: первый Романов, который побывал на престоле, и последний Михаил, от престола в пользу масонского Учредительного собрания отказавшийся). Причем Николай II и действительно передал власть свою Наследнику Русского Престола. А имя Наследника — Алексей.

Но утаил Алексеев генерал отданную Царем великомучеником власть, а потому передача эта Царства Русского Алексею так и осталась лишь чисто символической.

Так будет ли правитель у нас Царь, что получается по пророчествам Авеля, Алексей?

«Если еще до будущего соборного решения рассматривать вопрос о том, кто из ныне здравствующих представителей Рода Романовых, чья старшая ветвь остается ближайшей по родству к Последнему Царю-Мученику, можно определенно сказать, что таковым является потомство Великой Княгини Ксении Александровны. В первую очередь ее внук — сын старшего Сына Князя Андрея Александровича (1897–1981) — Князь Михаил Андреевич. Что о нем известно: родился в 1920 году, в 1935–1938 годах он учился в Англии в Винзорской Военной Школе, во время Второй мировой войны служил в Британском флоте лейтенантом морской авиации. Сейчас Князь проживает в Австралии, детей у него нет. За ним следует его родной брат Князь Андрей Андреевич (1923 г.р.) и его сыновья Князь **Алексей (1953 г.р.)**, Петр (1961 г.р.) и Андрей (1963 г.р.). Затем следует сын Князя Федора Александровича... и его сын... Затем очередь детей Князя Никиты Александровича... После исчерпания сначала мужских, а потом женского поколения потомков Великой Княгини Ксении Александровны, следуют дети Великой Княжны Ольги Александровны от морганатического брака, разрешенного еще Самим Государем с полковником Н.Куликовским...» [123] (с. 30).

Итак, кто на сегодняшний день является реально претендующим на Российский престол претендентом?

Так ведь исключительно **Алексей!** И возраст у него на сегодня вполне подходящий.

Но об этом наследнике в средствах массовой информации — полная тишина. А всю рекламу зачатые в содомском грехе Кирилловичи, не имеющие на Российский престол никакого и самого малейшего права...

Здесь, правда, все же следует относиться к пророчествам Авеля достаточно осторожно. Ведь они в разных изданиях и звучат почему-то все по-разному.

Первое, что слишком хорошо бросается в глаза, — это полное несоответствие рода Михаила Романова («Продлится род твой триста лет и три года») роду Николая II — то

же вроде бы как официально носящего фамилию Романов. Но носить — это одно, а соответствовать роду представляющих ее монархов, чья родословная обрывается Петром II, — это совсем другое. Причем, и по женской линии род Николая II, а точнее основателя его династии Павла I, к Романовым отношения также никакого не имеет. О чем заявляет сама родившая Павла I его мать — Екатерина II. Его отцом, в опубликованном самим Николаем II документе, написанном ею же, она называет Салтыкова. Который, между прочим, родом своим принадлежал не к боярскому не имеющему никакого права на власть в России роду Романовых, но к роду Князя Рюрика.

Потому, только еще по данному пункту, само это заявление Авеля является самой настоящей фальшивкой, придуманной если не самими большевиками, то масонами, прекрасно владеющими информацией, официально, якобы дабы не повредить правящей династии, не подлежащей разглашению. Потому-то даже дом этот, где держали в заточении, а затем ритуально убили Царскую Семью, заранее Ипатьевским поименовали, чтобы придать своей версии о пророчествах вещего святого некоторую правдоподобность. Ведь самого подлинника письма Авеля никто из издателей его пророчеств, после произошедших революционных беспорядков, в руках не держал, а потому пророчества, как требовалось заказчиком, были составлены в соответствии с планами большевистской цензуры, дабы придать некоторую роковую последовательность ими произведенному убийству. Благо вся печать в те годы была у них в руках — пиши чего хочешь — бумага все стерпит.

А второе — это: «кончится он Михаилом». Ведь никаким Михаилом род Николая II, что уже на самом деле, вовсе не кончался:

«А.Б. Разумов проанализировал подписи графа Фредерикса на всех трех «отречениях»: “Меня удивила похожесть контрассигнирующих подписей графа Фредерикса на всех трех «отречениях», и я сделал наложение надписей друг на друга. Причем накладывал не слово на слово, а наложил всю надпись целиком, все семь слов сразу, в две строки, с пробелами, промежутками и росчерками. Три автографа на трех разных документах совпали до буквы. Нет разницы даже не между буквами, а между расположением всех семи слов во всех трех документах. Без копирования на стекле добиться такого эффект нельзя» [348] (с. 380).

То есть никаким Михаилом род Царский в России не кончился. Ведь никакого отречения Николаем II подписано не было и подписано быть не могло. Но последним из этого рода, рода все же Рюриковичей, а не Романовых, был все-таки Царевич Алексей, замученный в подземельях Вознесенской горки на древнем языческом алтаре, посвященном Молоху, города богини смерти Екаты (см.: «Жертвоприношение» [готовится к печати]).

Подмененное слово

Вот теперь уже куда как более четко начинает прорисовываться общий план по воцарению лжехриста — антихриста. Большинство масок сорвано и можно спокойно отследить механику тянущейся вот уже два тысячелетия все никак нескончаемой красно-желто-коричневой революции, столь странным образом омрачившей и поразившей, а затем и поглотившей сначала Первую Империю, где нам в качестве пособного материала для рассмотрения основных этапов остались архонт-Дракон и

Александр Македонский, а затем сменившие их Лев с неким «иконоборчеством» в 717 г. в Цареграде и Лев 1917 г. с иной разновидностью иконоборчества — в Петрограде.

И если за давностью лет механизмы свершения двух первых вакханалий просматриваются уже не слишком отчетливо, то недуг, подготовивший столь наудивление легкое падение Третьего Рима, выглядит теперь наиболее отчетливо. Смерть ненавидимой Петром стране подготовили как его «птенцы» с «птенчиками» и их дворянскими гнездовьями, так и предшествующие ему цари достаточно странной династии, впервые за многовековую историю избранной неким таким «гласом народа». Ведь уже сын самого первого из данной династии царей, Алексей Михайлович, упраздняет самое главное препятствие на дороге опутывания России по рукам и ногам бечевою искусственно создаваемого рабства в стране, во всем мире единственно свободной. Это препятствие, только совсем недавно изобретенное для некоей отдушины в случае неповиновения новым властям свободного населения России, именовалось «Юрьевым днем».

То есть, как теперь прослеживается достаточно однозначно, именно пришедшая тогда к власти династия и повинна в созидании сетей для некогда самого свободного в мире человека — русского.

Но и символика внедрившего рабство режима оказывается какой-то уж слишком нам до боли знакомой:

«...при Алексее Михайловиче делали наградные и парадные царские знамена неизменно **красного цвета**» [178] (с. 143).

Так что вновь нами обнаруживаются многочисленные параллели вроде бы и всенародно избранной нами династии с масонскими на нас нашествиями: Петра и Бонапарта, декабристов и ленинского интернационала.

При такой постановке вопроса весьма характерно выглядит и фамилия матери первого царя из пришедшей тогда к власти династии (таблицу см.: «Противостояние. Слово — оружие Русы»):

ШЕСТОВА — *завершение в этом мире числом зверя смешения религий.*

И не больше, и не меньше!

А вот как выглядит фамилия правящих нами в XVII–XVIII вв. царей, угасшая или перед Петром, что наиболее вероятно, или вместе с ним самим:

РОМАНОВ — *внедрение отрицания существования роду людскому.*

Эта фамилия, что и естественно, к династии монархов, нами правящих со второй половины XVIII в., не имеет и малейшего отношения. Ведь фамилия, что всеобщее известно, переходит лишь по отцу. Потому этот перевод совершенно не затрагивает родословную ритуально замученного большевиками Русского Царя и его Семьи.

Но где истоки этого столь странного «гласа народа» при избрании царя, после чего совершенно легально было одето многовековое ярмо на народ, избравший эту столь странную династию?

Ну, во-первых, начинаем наш поиск среди исключительно лживых и исключительно вражьих версий тем простым постулатом, что в каждой бочке лжи обязана быть хоть ложка истины. С которой, собственно, этот ушат грязи обычно и начинается. Ведь для изобретения на сегодняшний день разросшейся в некую чуть ли ни науку лжеисторической версии Фоменко-Зиноно-Синельниковского толка требовалась точка отсчета, когда, по мнению фальсификаторов, и были изобретены нынешние мифологемы, именуемые русской историей.

А они указывают, между прочим, именно на и действительно вполне подходящий для воцарения во всем мире единой ереси момент — смутные времена в России начала XVII столетия. Ведь папа римский протасил на русский трон своего ставленника. Таким образом, и действительно у злоумышленников появлялась уникальнейшая

возможность изобретения своей собственной версии о ходе истории. Мало того, появилась возможность более эффективной борьбы с нашим СЛОВОМ именно путем разуверения нас в действительном ходе событий мировой истории.

А под новую версию фальсификаторы и решили подвести некое якобы первородство латыни и еллинского наречия, изобретая для них и соответствующую мифологему происхождения. Хотя известно, что:

«Слово “древний” может... применяться к более архаичному состоянию языка, т.е. к такому его состоянию, когда формы в нем ближе к своему начальному образцу, и это вне всякого вопроса о датировке. В этом смысле можно было бы сказать, что литовский язык XVIII в. древнее, чем латинский III в. до н.э» [170] (с. 195).

То же относилось и к Священному Писанию, первородными текстами которого объявлялся некий такой «библейский» язык, являющийся, на самом деле, туземным наречием чернокожего населения Палестины. Наш же язык, используемый в те еще времена повсеместно, было решено отеснить на задворки, а его владельцев посадить на дерево и вручить им в руки банан с пальмы.

И вот какие факты, прорывающиеся, буквально, из всех щелей, которые становится просто невозможно умалчивать далее, на сегодняшний день неофальсификаторам приходится обнаруживать:

«...в средние века латинский язык не был разговорным ни в одной части Европы. Его с трудом понимало подавляющее большинство населения даже нынешних романоязычных стран Европы, не говоря уже об Англии. Примечательно, что Турский... собор... датируемый 813 г. [Фоменко с компанией этот православный собор перефутболивают аж к 1510 г. и переименовывают в католический — А.М.]... рекомендовал читать проповеди не на латыни, а “in rustikam romanam linguam”, т.е. “на деревенском романском языке”, как обычно переводят эту фразу. Современное ит. rustiko действительно означает “сельский, мужицкий”. Это *отыменное* прилагательное, то есть производное от имени существительного. Однако исходного однокоренного существительного в романских языках нет. Поэтому “*рустика романа*” означает, скорее, *русско-романское* наречие. В этом нет ничего удивительного, поскольку русско-романское наречие и есть греко-романский диалект праславянского языка.

Весьма вероятно, что литературная латынь была создана ни кем иным, как *Данте Алигьери*, жившим по традиционной хронологии якобы на рубеже XIII–XIV веков. Великий Данте был не только поэтом, писателем и философом — он стал первым *западноевропейским* просветителем, написав трактат “О народной речи”. Его считают создателем литературного итальянского языка, как и Пушкина создателем русского литературного языка в России...» [130] (с. 36).

И вот почему именно пушкинский стиль искажения древнейшего на земле СЛОВА стал общепризнан и вытеснил язык Адама из официального наречия страны, представляющей собой подножие Престола Господня:

«Членом масонской ложи “Овидий” А.С.Пушкин стал в мае 1821 года. В сохранившемся отрывке Кишиневского дневника Пушкина есть запись: “4 мая был принят в масоны”» [161] (с. 258).

Теперь-то становятся понятны как странности в его творческом пути и в его слишком уж подозрительно тесном единении с масонами, так и странности его смерти: убитые на дуэлях Православной Церковью приравняются к самоубийцам.

А вот как он был похоронен:

«”...Вяземский положил ему в гроб перчатки (масонский ритуал погребения собрата). Наталью Николаевну Жуковский и Вяземский, видимо, устранили от этой обязанности, — обычно это привилегия вдовы” (Н.Берберова. Люди и ложи. М., 1997. С. 303.).

Пушкин не случайно был поставлен во главе литературного ареопага новой России: усердие вольных каменщиков, имевших главенствующие позиции в русской словесности (Жуковский, Карамзин), вознесло его на пьедестал властителя дум» [161] (с. 262–263).

И с помощью Пушкина масонство, наконец, расправляется со столь ненавистным ему языком, на котором рекомендовал читать проповеди, как теперь выясняется, еще Турский собор.

Определяем звучание нашего величайшего поэта в семантическом озвучании его фамилии:

ПУШКИН — *точка отсчета опутывания изначальной энергии.*

Что это за *энергию*, поименованную здесь *изначальной*, скрутил паутиной наш величайший поэт — протеже российских масонских лож?

Известно какую: «В начале было СЛОВО!» И именно наше русское СЛОВО (Слово Русы), Которое и представляет собой ту самую энергию, которой создан Творцом наш прекрасный мир, и скрутил Пушкин по рукам и ногам придуманными им нововведениями. И именно они окончательно лишили нас своего исконного языка, который рекомендовал к употреблению еще Турский собор.

Таким же новоделом является и язык итальянский, вытеснивший наше древнее («деревенское») наречие с Апеннин:

«...литературный *итальянский* язык сложился лишь к XVII веку на основе флорентийско-тосканского диалекта. Расцвет литературной *латыни* приходится именно на XVI–XVII века (Весьма вероятно, что Данте Алигьери (ит. Dante Alighieri) в действительности жил и творил не в 1265–1321 г., а примерно на 260 лет позже — в 1525–1584 г...)» [130] (с. 36).

На это указывает и то обстоятельство, что итальянский писатель Джованни Боккаччо, биограф Данте, в своих о нем высказываниях сообщает, что:

«...Данте выше всех поэтов ставил Гомера, *хотя и не читал его, поскольку не знал греческого языка, а переводов Гомера на латынь еще не было (!)*. Это означает, что такие *переводы* (а скорее всего, только что написанные произведения Гомера) появились только после смерти Данте, т.е. реально *не ранее конца XVI в...*» [130] (с. 69).

Далее:

«...переводчик “Божественной комедии” на русский язык М. Лозинский в своих комментариях к переводу пишет, что Данте *предвосхитил* события, упомянув о *красной кардинальской шапке*, поскольку такие шапки для кардиналов были введены только *после смерти Данте...*» [130] (с. 69).

Вот и еще один очень серьезный прокол в сфабрикованной масонами ко временам «первопечатника» Федорова и Лжедмитрия I версии. А вот и следующий прокол все в той же цепи:

«Книгу о Троянской войне, откуда Данте и мог почерпнуть многочисленные подробности этой войны, написал на латыни *Гвидо де Колумна*. Эта книга стала известна не ранее XV в. *в печатном виде...*» [130] (с. 69).

Вот очередной прокол фальсификаторов, который так и вообще — из области анекдота:

«Данте в “Божественной комедии” упоминает *Испанию* и *Австрию*, названия которых *впервые появились* только в конце XV века» [130] (с. 69).

То есть несоответствий фальсификаторы наделали ничуть не меньше, чем их коллеги при изобретении «мифа о тысячелетней рабе» в своей истории города Глупова — дошедшем до нас «экземпляре» «Повести временных лет».

«Однако только название *Австрия* является ключом к пониманию передела Европы в XV в. Немецкое название Австрии *Osterreich* недвусмысленно означает “Восточная империя”. И Австрия действительно расположена к востоку от современной Германии, ср. также англ. *Austria*, фр. *Autriche*. Заметим при этом, что праславянский корень (*в*)*ьт*, содержащийся в слове “восточный”, имеет также смысл “внешний”...

Однако *славянское* название Австрии, например чешское *Rakousko*, ясно указывает на современную Австрию как на бывшую провинцию средневековой славянской *Дубровницкой* республики, столицей которой был г.Дубровник... Латинское название г.Дубровник — *Ragusa*...) [130] (с. 84).

То есть *рогожа*! А название Австрии, *Rakousko*, — рогожка! Вот куда направлялась наша соль через учрежденную Иваном Грозным *Ямскую Рогожскую слободу*, современный Ногинск, и *Рогожскую заставу* в Москве! Ведь именно в тот момент, когда морское сообщение с нашими солевыми приисками, ввиду экспансии густо окруживших нас тогда враждебных государств, становится невозможным, и появляется этот для нас столь странный сухопутный маршрут. И лишь зимний санный путь легко доставляет этот столь безценный груз через заснеженные отроги Карпат и Альп к нашим братьям славянам этой Дубровницкой республики, где на побережье Далмации находится город со столь удивительным названием, несущим в себе меру веса соли. Да и сама Австрия, откуда соль затем и расходуется по Западной Европе, несет в себе тоже наименование. А очень возможно, что в основе наведенной на нас масонами бурной волны Лжедмитриев и лежал скрытый от нас историями историков *солевой бунт* Запада.

«*Австрией* бывшая славянская земля стала называться только при Габсбургах, причем не ранее XVI века» [130] (с. 85).

Имеется и множество иных несовпадений или удивительнейших «находок» древних авторов, ранее почему-то никому совершенно не известных. Только лишь в XVIII веке вдруг совершенно неожиданным образом и не на чем не основанная ранее:

«...расцветает французская поэзия, и в монастырях тут же внезапно обнаруживаются творения *труверов*, “французских певцов раннего средневековья”, а сборник песен *вагантов* “случайно обнаруживается” у баварских монахов-бенедиктинцев вообще только в начале XIX в. и тут же датируется XIII веком! Между тем бродячих певцов-вагантов в XVII веке во Франции называли *голиардами* (*goliards*), т.е. по-русски “голый род”, известный по русским сказкам как “голь пережатная” [130] (с. 85).

Вот и еще один очередной прокол по поводу приписываемой им себе некоей такой культуры, которой они, на самом деле, не имели никогда, но благополучно превратились уже к тем самым временам, когда задумали для себя реабилитацию, в полноценных папуасцев. Но не снятых с дерева, а наоборот: в результате низведения своей древней культуры до уровня людоедских культов диких соседствующих с ними племен, на это самое дерево с течением времени залезших. И изобретая некие якобы де какие древние произведения своих «бардов» они даже название им не удосужились какое-нибудь свое особенное сочинить, но содрали просто-напросто у нас уже существующее — готовое, совершенно не понимая, что оно может на нашем языке означать что-либо конкретное, то есть иметь осмысленный перевод своего звучания.

Такое же онемечивание, то есть внедрение папуасских диких культур, произошло и во всех иных странах, где власть на «белом континенте» захватили красные знамена Ермона картавых колен, произошедших от служанок хананеянок.

Свою же собственную историю мы теперь отсчитываем от новоделов, изобретенных немцами в эпоху временщиков:

«Основоположниками русской исторической науки были немцы, которые со времен Петра I поставили себе задачей создать историю Руси. Они не знали и сотой доли того,

что мы знаем теперь, да и не могли знать уже и потому, что некоторые из них, писавших историю Руси, не знали даже русского языка! (Байер, например.)...

Выводы, к которым пришли ученые немцы, стали своего рода каноном, в достоверности которого сомневаться считалось что-то вроде святотатства» [164] (с. 84).

И зря кто-то думает, что все вышеизложенное представляет собою какое-то такое недоразумение. Ведь если бы безграмотных немцев, залезших в те эпохи в наши книжные запасники, и действительно интересовала история, то значение ими прочитываемого можно было легко выяснить у любого русского человека, не имеющего отношения к верхним классам общества. В конце концов, у любого дьячка: русский народ в те времена разговаривал исключительно на том языке, на котором были написаны летописи. Но немцев правда совсем не интересовала: им необходимо было, наоборот, подальше ее упрятать. А теория о скопищах остолопов, которыми править могут лишь западные культуртрегеры, вполне устраивала заказчиков в те эпохи перекраиваемой мировой истории.

Потому систематизации подверглись лишь те отрывки, которые устраивали производимый заказ:

«Основные выводы были сделаны без сличения всех летописей и проверки их по многим спискам. В основу была положена Лаврентьевская летопись, кстати сказать, пестрящая пропусками, ошибками и описками. Крупная, отдельная и оригинальная ветвь русского летописания — новгородские летописи — была оставлена без должного внимания.

Когда за дело взялись более серьезно, теория уже была создана, а потому все новое, становившееся известным, подгоняли под уже принятую схему, а явно несогласное отбрасывали, считая за ошибку, фальшивку, а то и просто замалчивая» [164] (с. 84–85).

К тому же многое в летописях:

«...было понятно не верно из-за того, что понимали текст, исходя из норм современного языка, а старых форм просто не знали» [164] (с. 85).

И это вполне понятно. Ведь разговаривавшие в те времена наши доморожденные полуиностранцы на каком-то совершенно невообразимом сленге. Эти модники:

«...изъяснялись по-французски лучше, чем по-русски. Учебников древнерусского или славянского языка не было... Естественно, что смысл летописей изменялся при переводе до неузнаваемости» [164] (с. 85).

Но и вся изобретенная немецкой «наукой» наша «история» представляла собой лоскутки, мало чем между собой сходящиеся даже по смыслу. И чтобы все это можно было как-либо хоть осмыслить:

«...надо было быть русским историком, а их не было. Ученый немец представлялся прямо олимпийцем, и на него смотрели чуть ли ни с благоговением. О серьезной критике их не могло быть и речи: и не было кому критиковать, и небезопасно было критиковать особ, находившихся под самым высоким покровительством, критика могла быть сочтена только “продерзостью”» [164] (с. 85).

Но и в самой Западной Европе, чтобы придать выдвигаемой теории о городе Глупове какую-либо хоть видимость основы, весь имеющийся компромат следовало подальше от посторонних глаз запрятать. Что и было сделано. Ну, а уже потом, после драки, что называется, кулаками не машут:

«Иностранцы источники, содержавшие ценнейшие сведения о Руси, не были вовсе известны, а во многих из них находились как раз прямые указания на ложность норманнской теории. Все это пришло после, когда теория была санкционирована и вошла в плоть и кровь всех культурных русских людей» [164] (с. 85–86).

То есть людей, подверженных западному чужебесию. Ведь нормальный русский человек всегда понимал, что его в чем-то здесь обманывают, а потому этой самой

импортной «науке» не слишком-то и доверял. Но голос его слышать никто не хотел: не для того изобретали сагу о городе Глупове, чтобы правдой о русском народе ее кто-то позволил развенчать.

«...на историю давила политика — германскому влиянию в России было выгодно поддерживать в русских убеждение, что без варягов им и теперь не обойтись. Норманнская теория считалась “благонамеренной”, и всякий выступавший против нее подвергался сомнению в “благонадежности” и т.д. Защищать диссертацию на антинорманнскую тему не было возможности: она непременно была бы провалена в совете профессоров» [164] (с. 86).

Вот что на эту тему сообщает профессор Н.П.Загоскин в своей “Истории права русского народа”, 1, 1899, 336–338:

«Вплоть до второй половины текущего столетия учение норманнской школы было господствующим, и авторитет корифеев ее Шлецера — со стороны немецких ученых, Карамзина — со стороны русских писателей, представлялся настолько подавляющим, что поднимать голос против этого учения считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством.

Насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволяли себе протестовать против учения норманнизма. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться» [164] (с. 86).

Это было сказано еще в «старом добром» 1899-м году. Так что к изобретенной масонами теории Дарвина, «гениальности» Маркса и Эйнштейна следует теперь присовокупить и теорию о тысячелетней рабе — все вышеперечисленные течения созданы из воздуха вольными каменщиками и за баснословные деньги впрыснуты в эти политические мероприятия.

Тайная миссия Романовых

А вот как в России подготавливалась почва для успешного претворения в жизнь всех вышеперечисленных религиозных течений: марксизма-ленинизма, дарвинизма и норманнизма.

В начале о тайной организации, существование которой четко просматривается при проведении параллели: Иван Федоров («первопечатник») — Гришка Отрепьев — Симеон Полоцкий. Все они засветились непосредственным контактом с руководством тайного ордена «Василия Великого». Руководили же этой организацией на протяжении нами рассматриваемого столетия — князья Острожские.

Вот что сказано об Иване Федорове и Петре Мстиславце после того, как они попали в опалу за печатание крамолы при дворе Ивана Грозного:

«...прибыв в Литву, напечатали много книг, работая под покровительством Литовских вельмож... в местечке Заблудове, близ Белостока, у великого гетмана Григория Александровича Хаткевича, и в городе Остроге у знаменитого ревнителя Православия — князя Константина Константиновича Острожского...» [73] (стр. 280).

Однако ж, на поверку, этот самый «ревнитель Православия», как и Гетман Хаткевич, свою враждебность Русскому государству доказали не только печатанием душевредной духовной литературы. Они и воевали против Святой Руси не в переносном смысле, но с оружием в руках: убивали русских людей и сжигали русские города.

А самыми главными действующими лицами во всей этой истории являются даже не покровители, а спонсоры этой адовой работы, направленной на подрыв устоев Православия. Вот что об их деятельности сообщает Нечволодов:

«Иван Федоров, человек семейный и больной, терпел страшную нужду. Он вынужден был заложить жидам все свои типографские снаряды за 411 золотых...» [73] (стр. 280).

То есть работал наш «первопечатник», после бегства из России, в подозрительно узкой близости с теми из иноверцев, за общение с которыми, по правилам VI Трульского собора, что именно во времена Федорова и занес в «Домострой» Силвестр, следовало вообще отлучать от Церкви.

А вот кому досталось в наследство имущество Федорова:

«...и только после его смерти они были выкуплены Галицким Епископом» [73] (стр. 280).

И тут, казалось бы, все вернулось на круги своя: Православная Церковь выкупила у жидов имущество первопечатника. Но кем был этот архиепископ, поставленный на кафедру в латинской стране, в которую превратилась Галиция с уходом в католицизм:

«...Православными епископами короли часто назначали угодливых им и Польской знати светских людей, только числившихся православными, по духу же совершенно преданных Латинству; точно также раздавались и игуменства в монастырях; все это, разумеется, вносило сильную порчу...» [73] (стр. 281).

То есть печатный станок, после финансовых махинаций, оставшихся за кадром, достался представителю враждебной нам полукатолической, полууниатской церкви, с Православием ничего общего не имеющей.

Да и предшествующие покровители дела Федорова, подрывающего устои Православия, были к нам не менее враждебны:

«...князь Василий — Константин Константинович Острожский... воевал с полками Иоанна в Северной Украине.

Таким образом, оба князя Острожские — отец и сын, будучи Русскими людьми и горячо преданные Православию, могли служить Польским королям, и при этом вести ожесточенную войну с Православным Московским Государством» [73] (стр. 282).

И это все притом, что именно при короле Стефане Батории, за которого они столь преданно против Святой Руси с оружием в руках сражались, начались:

«...открытые гонения на нашу церковь». [73] (стр. 281)

Интересно, что еще за полвека до того, как отец и сын Острожские, пригревшие Ивана Федорова, с оружием в руках воевали против Святорусского государства, отличился и их предшественник (дед? прадед?) в сражении при реке Ведроше в 1501 г., где:

«Литовская армия, потеряв 8 тыс. убитыми, оказалась зажата со всех сторон... Почти все воеводы вместе с самим князем **Острожским** были взяты в плен» [181] (стр. 29).

Но не они одни были такими вот странными приверженцами Православия, воюя в стане лютых врагов Святой Руси под знаменами объединившихся против нас иноверческих дружин:

«Наряду с Константином Острожским, другим большим ревнителем Православия в Польско-Литовском государстве был наш изменник — князь Андрей Курбский» [73] (с. 282).

Третьим же *изменником*, оказавшимся участником разбираемой нами истории, является гетман Мазепа. Именно в его тайном казнохранилище была обнаружена золотая медаль с изображением князя Василия-Константина Константиновича Острожского, сопровождаемая латинской надписью:

«Константин Константинович... князь Острожский, воевода Киевский, маршалок земли Волынской...» [73] (с. 282).

Ну, и его сын теперь четвертым замыкает разбираемый нами круг весьма странных ревнителей Православия, преданность которому, по мнению все того же Нечволодова, он доказывал следующим образом:

«...Константин Константинович Острожский, сын победителя под Оршей, опустошил Северскую область до Стародуба и Почепа...» [73].

И тут совершенно не требуется гадать, чтобы определить настоящее вероисповедание разбираемых нами «друзей Православия». Именно для борьбы с ними и их хозяевами:

«В Январе 1580 года Грозный созвал в Москве церковный собор и торжественно объявил ему, что Церковь и Православие в опасности, так как бесчисленные враги восстали на Россию: Турки, Крымцы, Ногаи, Литва, Поляки, Венгры, Немцы и Шведы — как дикие звери разинули челюсти, чтобы поглотить нас...» [73] (с. 205).

Конечно же, Нечволодов пытается выгородить нашего «ревнителя», считая его всего лишь заблудшей овечкой. Но волчьи зубы этого «маршалка», когда многие в прошлом непонятные поступки наконец находят себе объяснение, слишком явно просвечиваются из-под шкурки овцы, оказавшейся ему явно не по размерчику:

«...иезуиты, окружавшие Сигизмунда, повели вопрос об унии настолько хитро и ловко, что многие Православные встретили мысль о ней благодушно, в том числе и князь Константин Константинович Острожский; это был по существу своему благородный мечтатель, который искренно думал, что предполагаемая уния будет настоящим соединением Церквей...» [73] (стр. 354).

Но кулик кулика (или мечтатель мечтателя [был у нас еще один такой мечтатель — кремлевский]) видит издалека. Потому именно все туда же, в Острог, точно по проторенной Иваном Федоровым дороженьке, направляется и первый вор великой смуты — Гришка Отрепьев:

«...и он Гришка похоте ехати к воеводе Киевскому ко князю Василию (Константину) Острожскому...» [73] (стр. 361).

Старец Варлаам в своем “извете” свидетельствует:

«...проводящий Ивашко провел нас за рубеж в Литовскую землю... И в Киеве жили всего три недели, и Гришка хотел ехать к киевскому воеводе князю Василию Острожскому, и отпросился у братии и у архимандрита Елисея Плетенецкого.

И я архимандриту Елисею и братии говорил о нем и бил челом, что он собирался жить в Киеве в Печерском монастыре ради душевного спасения, а потом идти к святому граду Иерусалиму к Господнему Гробу, а ныне идет в мир к князю Василию Острожскому... И мы у него [у князя Острожского — А.М.] прожили лето, а осенью меня и Мисаила Повадина князь Василий послал в свое богомолие, в Дерманский монастырь Живоначальной Троицы. А Гришка съехал в город Гощеею к пану Госкому, да в Гощее иноческое платье с себя скинул и стал мирянином, да начал в Гощее учиться в школе по-латински и по-польски, и люторской грамоте, и стал отступник и нарушитель законов сущей православной христианской веры. И я, государь, из монастыря ездил в Острог к князю Василию и князю Василию бил челом, чтобы князь Василий велел вернуть его из Гощеи и сделать по-старому чернецом и дьяконом, и велел бы его послать к нам в Дерманский монастырь. И князь Василий и все его дворовые люди говорили мне: “Здесь такова земля — как кто хочет, тот в той вере и пребывает”. Да князь мне говорил: “Сын-де мой Яныш родился в христианской вере, а держит ляхскую веру, и мне-де его не унять. И ныне-де пан Краковской в Гощее”. А Гришка в Гощее у него и зимовал, а после Пасхи из Гощеи пропал без вести и очутился в городе Брачине у князя Адама Вишневецкого и назвался князю Адаму князем царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким» [146] (стр. 113–114).

Запорожское же казачество, как теперь выясняется, было создано поляками (Подробно см.: «Победа русского оружия. Помощь по-американски»):

«...для защиты пределов Речи Посполитой от турок» [150] (с. 772).

«В пятидесятых годах XVI века Дмитрий Вишневецкий построил укрепление на острове Хортице и поместил там казаков» [150] (с. 496).

Но ведь именно после посещения князя Острожского и днепровских казаков к Адаму Вишневецкому некогда отправился объявивший себя Дмитрием самозванец — Гришка Отрепьев. Так что здесь этот клубок долговременных масонских связей становится и еще более очевиден.

А вот какое вероисповедание имели фамильные владельцы Запорожской Сечи. Это очень наглядно проявилось после вступления их в Москву в сопровождении Лжедмитрия:

«...братья Вишневецкие исповедовали православие. Но московские люди с трудом могли признать в приезжих гостях единоверцев...» [150] (с. 312).

Это происходило:

«...по разности обычаев, входивших по московским понятиям в область религии» [150] (с. 306).

Одним из таких «обычаев», например, являлось принятое на Святой Руси целование икон. Приехавшие же с запада басурмане, эти некие такие «ревнителю Православия», если и пробовали скопировать наши святоотеческие обычаи, то делали это не просто несколько не ловко, но кощунственно:

«...поляки, к соблазну православных, целовали изображения святых в уста» [150] (с. 320).

Так что князем Острожским беглый монах был принят, расстрижен и отправлен обучаться минимуму наук, необходимых для самозванческой подрывной деятельности. Но производились все эти темные махинации «ревнителем Православия», что вполне естественно, в тайне:

«Сам Константин Острожский, спрошенный об этом королем Сигизмундом, отрицал свои отношения с Гришкой и даже отвечал, что совершенно не знает, о ком идет речь» [73] (стр. 362).

Тем легко объясняется его явный умысел, потому как:

«Однако, в Загоровском монастыре Волынской епархии, сохранилась книга “Василий Великий” со следующей весьма любопытной надписью: “Лета от сотворения міру 7110 (1602) месяца августа в 14 день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братию с Варлаамом, да Мисаилом Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей Божию милостию пресветлое Княже Острожское, воевода Киевский”. Под словом “Григорию” внизу подписано тою же рукою, но несколько другими чернилами: “Царевичу Московскому”; вероятно, эти слова прибавлены позже, причем, так как почерк подписи несходен с известным почерком Лжедмитрия, то следует признать, что она сделана кем-нибудь из его двух спутников. Во всяком случае, эта подпись служит свидетельством, что Григорий Отрепьев с Варлаамом и Мисаилом были летом 1602 года у князя Константина Константиновича Острожского и получили от него в дар книгу, причем именно этот Григорий Отрепьев стал считаться впоследствии царевичем Димитрием.

Сын князя Константина, Януш, отпавший в Латинство... 3 марта 1604 года совершенно определенно писал королю Сигизмунду: “Я знаю Димитрия уже несколько лет; он жил довольно долго в монастыре отца моего, в Дермане; потом он ушел оттуда и пристал к анабаптистам (секта перекрещенцев); с тех пор я его потерял из виду”. Еще определеннее были слухи о названном Димитрии в Кракове, где их собирал папский

нунций (посланник) Рангони; по этим слухам, как рассказывает современный нам писатель иезуит, особо облюбовавший Русскую историю, о. Пирлинг, “Димитрий... из Острога отправился в Гощу”.

В Гоще, небольшом городе на Волыни, жили два знатных пана Гойских, отец и сын; они были ревностными последователями секты Ария и основали для распространения своего лжеучения две школы; в этих школах Григорий успел, по-видимому, нахвататься кое-каких верхов Западно-Европейского образования...

Проведя зиму в Гоще, Отрепьев весной после Светлого Воскресенья пропал без вести; по некоторым данным, он отправился в это время к Запорожским казакам...» [73] (стр. 362–363).

То есть круг заговорщиков замкнулся: предатели всех мастей (сектанты всех мастей), «первопечатник» Федоров — изобретатель новой версии Библии, купленный все теми же мрачными закулисными личностями, и даже Лжедмитрий, — все сомкнулись вокруг некоего князя Острожского: то ли Николая, а то ли Василия. На что похожи все его удивительные связи?

Да это же сети паука. Его слишком терпимая вера ко всем врагам Православия: анабаптистам, жидам, арианам, католикам, униатам и православным типа предателя Курбского, напоминает лишь одну организацию — *масонство*. И именно в этой каше следует искать корни нашего сегодняшнего столь странного запятования своей старины глубокой.

В ней же следует выуживать информацию и посерьезней. Например, Острожская Библия Ивана Федорова — плод усилий масонов на пути уничтожения нашей памяти.

Все вышеперечисленные отступники не просто являлись врагами Государства, но врагами Русской Веры. Они очень основательно подработали наши богослужебные книги под свою версию, что в дальнейшем породило раскол:

«...когда патриарх Никон сам нашел ошибки в переводах с греческого языка, он признал необходимость исправления церковных книг. Для этой цели были приглашены из Киева ученые монахи...» [60] (стр. 57).

Из того самого Киева, где за полстолетия до того сам архимандрит Елисей Плетенецкий объявил Варлааму, вскрывшему замысел Гришки расстричься, что:

«...в Литве Земля вольная, в коей кто вере хочет, тот и пребывает...» [73] (стр. 361).

И какую такую науку в такого рода землях можно было от кого перенимать? И чем такое попугайничанье у находящегося под колпаком Римского папы месте могло кончиться?

Тем и кончилось: расколом — не желал русский человек плясать под дудку погрязших в сатанизме посланцев чуждых нам культур. И хоть Патриарх настаивал на преклонении перед выученной в качестве шпионов Запада привезенной к нам с большой помпой ученой заграницей, русский человек совершенно определенно своих позиций в отеческом богослужении сдавать не желал:

«В Москве, однако, относились к киевским ученым монахам с недоверием, считая, что они находятся под влиянием “латинства”. При таком умонастроении не удивительно, что явились противники исправления книг» [60] (стр. 57).

Вот чем аргументировали свое нежелание подчиняться диктату Запада противники внедрения чужebesия:

«...не русским надо учиться у греков, а грекам у русских...» [60] (стр. 57).

Однако ж голова нашего государства, отнюдь не без помощи и участия все того же масонства, была, к тому времени, уже поражена тягой к заимствованиям. От того и начались исправления, наделавшие столько бед.

Резидентом масонства в Москве в ту пору являлся Симеон Полоцкий, на самом деле он имел другое имя. Кем он является на самом деле, удалось обнаружить лишь после его смерти в записях, сделанных его собственной рукой:

«Эта книга есть надежное вместилище знаний Симеона Петровского-Ситниановича, полоцкого иеромонаха **Ордена святого Василия Великого**». Дата — август 1670 года...» [118] (стр. 101).

Но ведь именно книга «Василия Великого» была преподнесена Константином-Василием Острожским Гришке Отрепьеву! Это не может быть просто совпадением. Больше походит на то, что резидентом ордена «Василия Великого» являлся Константин Острожский, достаточно не менее странным образом именовавший себя «Василием».

Родом же этот самый Петровский-Ситнианович, засланный к нам в Москву вместо убитых самозванцев, все оттуда же — из враждебного нам государства — Речи Посполитой.

И если под воздействием масонов и раздаваемых ими направо и налево крупных сумм финансовых средств врагам Православия все же удалось начать исправление книг, чем внести вирус постепенного отчуждения русского человека от своего исконного вероисповедания, то раскольники ударились в другую крайность. Они произвели попытку скопировать «старину» у Руси времен монгольского нашествия: именно того времени, когда в моду, опять все тем же Западом, к нам пришло двуперстие и греческого образца «староверческие» иконы, где со злыми безстрастными лицами изображены лжесвятые.

Однако ж результатом отступничества от истинной своей веры стало накинутае на наш народ басурманское монголо-татарское ярмо, которое, спустя чуть более столетия, в результате возврата к истокам нашей культуры, было если уж и не полностью сброшено, то очень сильно подорвано с помощью Сергия Радонежского и Митрополита Алексия. В ту пору эти «грабли» некоего «староверчества» нам все же удалось отодвинуть в сторонку (см.: «Подземная река. Икона зверя»). Раскольники же умудрились наступить на них и во второй раз...

Но и с оставшимися в Церкви перекроенными под заграницу текстами Писания мы потеряли смысл нашего предназначения, затерявшись в хитросплетениях внедренных в нашу культуру непонятностей.

И вот теперь, после многолетних целенаправленных уничтожений наших древних книг, удалось не только внедрить в наше пользование распечатанный Федоровым Острожский вариант, но уже и его подработать под догмы иноверия.

Но и это еще не все зло, которое к нам пришло с лжепереводами. Теперь «каноническими» стали считаться переводы с хананейского. По ним, единственным, теперь выверяют содержание Библии (см.: «Противостояние. Исследуйте Писание»).

Теперь о родоначальнике династии Романовых — Патриархе Филарете:

«Это единственный в истории России Патриарх, которого провозглашали (не избирали!) дважды: в 1608 и 1619 гг. Это единственный Патриарх, у которого были дети, что сегодня немыслимо по церковному уставу. Этот человек сумел не только организовать избрание своего несовершеннолетнего сына Михаила «царем Всея Руси» он и сам был избран великим государем, оставаясь Патриархом, и правил Россией до своей смерти в 1633 г» [130] (с. 85).

Как мы такой странный факт своей собственной истории проморгали?

Так кто же он такой — Филарет Романов?

Начнем с пересказа немца Бера повествования о врагах царя Бориса. Первым из них называется Богдан Бельский, считающийся замешанным в убийстве Иоанна Грозного.

Однако тут же сообщается о милосердии, которое проявил в уличенном в злоумышлении против царской персоны боярине Борис Годунов:

«Вместо смертной казни, царь даровал преступнику жизнь, но велел отписать все его имение и всю дворню его отпустил на волю...» [192] (с. 384).

А также, все по словам того же немца, приказал ободрать ему главное мужское достоинство — бороду:

«...после чего сослать его в Сибирь, где, вероятно, пропала у него охота выдавать себя за царя» [192] (с. 385).

Среди Романовых:

«Более всех братьев выказывался дарованиями и умом Федор Никитич» [150] (с. 378).

В чем же состояли особенности проблесков этого самого *ума*?

«Никто лучше его не умел ездить верхом, не было в Москве лучше и щеголеватее мужчины. Современник-голландец говорит, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты совершенный Федор Никитич» [150] (с. 378).

О чем такое говорит?

Ну, совсем не о проблесках некоего такого ума. Но лишь о каком-то слишком по тем временам астрономическом его финансовом обезпечении, которое позволяло ему слыть франтом из франтов — законодателем всех по тем временам случающихся мод.

И вот как странно переплетается как его баснословное состояние, так и взаимные симпатии с опальным Бельским:

«Еще в 1602 г., находясь в заточении в Сийском монастыре, старец Филарет Романов, бывший боярин Федор Никитич, в разговоре говорил, между прочим, о Бельском следующее: “Про бояр, окружавших тогда Годунова, про всех говорил... нет у них разумного; один у них разумен Богдан Бельский...”» [192] (с. 386).

И наташил в свои закрома этот с точки зрения Филарета «разумный Богдан» за свою короткую службу столько всего, что затем Забелин перечисляет на нескольких листах. И только того, что из его весьма слишком немалого «гардеробчика» употреблялось по особым случаям *царями*:

«Его богатое имущество, рухлядь, как в то время называли всякое домашнее имущество, по каким-то случайностям сохранилось и во время полнейшего разорения всего Московского государства и всех сколько-нибудь достаточных людей. Оно поступило в собственность новоизбранного царя... молодой царь воспользовался даже и богатыми сорочками Бельского, которые были ему подарены 19 декабря 1613 г» [192] (с. 386).

Случайно ли такое? Почему именно его имущество, когда вся страна представляла собой сплошные руины, оказалось никем не тронутым?

А не является ли все это имущество неким масонским «общаком»?

«Продолжая свой рассказ, Бер объясняет, в чем именно состояла вина Бельского. Он пишет: “По усмирению сего крамольника явились другие зложелатели Борису: то были четыре брата Никитичи (Романовы), которые... по смерти царя Федора могли бы взойти на престол... Они были раздражены поступками царя с Богданом Бельским: однако таили свою злобу и всегда казались покорными, между тем, наученные неудачей Бельского, замышляли иным средством избавиться от Бориса — отравой. Собственные их слуги открыли сей умысел: Никитичи лишились всего, что имели, и были сосланы подобно первому изменнику”» [192] (с. 385).

Рассматриваем подробности биографии самого из них наиболее снабженного «дарованиями и умом», а на самом деле финансовыми средствами, из-за которых он являлся законодателем мод на Москве.

Вот уличили Федора (будущего Филарета) в покушении на жизнь Царя Бориса и постригли в монахи. Однако ж родоначальник будущей династии и здесь не унывал, что зафиксировано в донесении Воейкова:

«Живет старец Филарет не по монастырскому чину... Старцев бранит и бить хочет и говорит им: увидите, каков я вперед буду» [150] (с. 379).

Так «пророчествовал» он, когда стало уже известно, что в Россию ведет свои рати его бывший слуга — Гришка Отрепьев. Ведь вот откуда этот самозванец взялся.

«Ходили слухи, что Дмитрий был своевременно подменен другим ребенком, который и погиб в Галиче, а истинный царевич вырос при дворе Романовых, бежал в Литву и явился затем мстить Годунову...» [151] (с. 141).

То есть Филарет вырастил самозванца, отправил на стажировку за кордон, а потому мог теперь «пророчествовать» о своей будущей головокружительной карьере. И не зря пророчествовал. После воцарения самозванца его судьба и действительно круто изменилась. Ему:

«...Лжедмитрий, пытаясь утвердиться на престоле, оказал особое внимание...» [152] (с. 6).

И внимание это было поистине фантастическим:

«Федору Никитичу он предоставил Ростовскую митрополию...» [152] (с. 6).

То есть из рядового монаха родоначальник будущей царской династии, словно по мановению волшебной палочки, а точнее в результате не иначе как закулисного масонского сговора, скаканул аж в митрополиты! И не какой-нибудь, а самой важной в стране кафедры тех времен — Ростовской.

Но и следующий самозванец, заменивший своего неудачливого предшественника на троне, что и вообще ничем кроме масонских связей необъяснимо, оказался к Филарету ничуть не менее благосклонен:

«Тушинский вор принял его с почетом и нарек патриархом» [150] (с. 379).

И нами рассматриваемый этот некий такой «ревнитель благочестия» в своих богослужениях:

«...поминал Тушинского вора Димитрием» [150] (с. 379).

Ну, тут уж про всякие там «облика морале» Филарета и заикаться теперь не следует. Ведь поставленный первым Лжедмитрием в митрополиты, а вторым самозванцем аж в «Патриархи» нами рассматриваемый новоиспеченный лжепастор вряд ли мог бы не обнаружить разницы между людьми, друг на друга совершенно не похожими. Однако ж он не только этой разницы не обнаруживает, но и принародно молится за нового самозванца, как за настоящего Дмитрия, якобы воскресшего из небытия.

Так ведь после низвержения первого из самозванцев именно он и возглавлял комиссию, отправившуюся в Углич для обретения останков настоящего Дмитрия! А потому никак не мог не знать о том, что убиенный его братьями по ордену Царевич — святой! Ведь мощи его оказались нетленны!

Однако ж, напротив, он, как известно:

«...поминал Тушинского вора Димитрием» [150] (с. 379).

Но и это еще не все. Вместе с иными представителями Тушинского лагеря он:

«...отправился к Сигизмунду бить челом о даровании русской земле в цари Владислава» [150] (с. 379).

В унисон ему действовал при нашествии польских ставленников и другой враг Бориса Годунова:

«Когда торжественно Самозванец въехал в Кремль и все приняло должный порядок, Бельский вышел из дворца с несколькими князьями и боярами стал на Лобном месте, произнес к народу речь, славил Бога за спасение государя и убеждал народ быть верным новому царю, истинному сыну царя Ивана Васил. Потом снял с груди крест с

ликом Чудотворца Николая, поцеловал оный и воскликнул: “Берегите и чтите своего Государя”. Народ в один голос отвечал: Бог да сохранит царя и погубит всех врагов его» [192] (с. 385–386).

Но вот первого Самозванца сменил второй. Бельский же, сразу не определив конечных замыслов своих хозяев (связь, видать, подвела) пытался сохранить свою верность полякам, объявив:

«...надо присягать тому, кто будет царем...» [192] (с. 386).

Он, судя по всему, не хотел допускать ошибку, не будучи уверен в том, кого из претендентов желает видеть на троне руководящая его действиями организация. Вот тут-то ему и не повезло. Ведь обманутому народу легче было возвести на престол явного самозванца, чем явного поляка — что Владислава, что его отца:

«Дьякон Никанор Шульгин подговорил возмущившийся народ убить его. Его схватили, взвели на верх высокой башни и кинули оттуда на землю: он расшибся до смерти» [192] (с. 386).

Продолжаем о «хождениях по мукам» Филарета, просто какого-то профессионального пленника всех и вся. Вот как ему жилось в очередном плену. На этот раз у поляков:

«Его взял к себе в дом Лев Сапега» [150] (с. 380).

А он, как известно, был в своем государстве канцлером! То есть теперь и польский этот некий такой «плен» для Филарета был организован просто по высшему разряду.

А вот по какой удивляющей «случайности», воротясь из «плону», Филарет возносится до столь всегда ему так уж по-особому нравящегося звания — патриарха:

«...в Москве гостил патриарх Иерусалимский Феофан. По царскому прошению он посвятил 24 июня Филарета в сан московского патриарха» [150] (с. 381).

Однако ж если по части знания иноверной латыни ставленник закулисы был на соответствующей высоте, то о Русской Вере, на вершину начальствования над которой все ж занесла его нелегкая при посредстве толстого кошелька, как замечает даже Костомаров, он имел ну уж слишком поверхностное представление:

«Что касается до степени церковной учености Филарета, то современники говорят, что он только от части разумел Священное Писание» [150] (с. 382).

Так что занятая им должность совершенно не соответствовала его уровню знаний в данной области.

А вот как выглядел лагерь Тушинского вора, духовно окормляемого Филаретом:

«Здесь были свои “бояре и воеводы”, свои приказы и даже — свой патриарх; таковым стал (как говорят современники — по принуждению) митрополит Ростовский Филарет (бывший боярин Федор Никитич Романов). В Тушинский лагерь пришло из Москвы немало московских князей и бояр, хотя они знали, конечно, что идут “целовать крест” и служить явному обманщику и самозванцу» [146] (с. 39).

Именно по этой причине при избрании царя:

«...новое Земское правительство ориентировалось на Швецию» [175] (с. 163).

Странно, вроде бы, с одной стороны, но с другой стороны — ничуть:

«...эта шведская оппозиция — показатель крайнего недоверия, которое царило в народных ополчениях к любым русским боярским группировкам. По сути дела вожди земских ополчений были глубоко уверены в том, что избрание кого-нибудь из московских бояр приведет лишь к углублению государственного кризиса, к “умножению вражды”, к “конечному разорению” и гибели государства» [175] (с. 163).

Ведь у всех перед глазами еще была лишь недавно попытавшаяся передать власть полякам семибоярщина, полная копия будущего нашего уже в XX в. масонского временного правительства, уже более удачно передавшая нашу власть инородцам — на этот раз еврейским большевикам:

«Когда, по низвержении Шуйского, настало междуцарствие, кому же было взять в руки правление государством, по крайней мере на время, до избрания царя, как не боярской Думе. В Думе оставалось семь бояринов и во главе их стоял тот же Мстиславский. Временное правительство и скрылось в его имени: грамоты писались и все распоряжения делались от боярина Федора Ивановича Мстиславского со товарищи.

Не долго существовало это правительство; только два месяца, как говорит летописец, и само отдалось в руки поляков... Боярская среда здесь вполне обнаружила, что Грозный был прав, постоянно обвиняя и подозревая ее в измене. Она в лице своих представителей и самых бойких и деятельных людей тянула в Польшу, выбрала себе в цари королевича Владислава. Когда приверженное к польским интересам боярство довело дело до того, что решилось присягнуть даже королю Сигизмунду или отдаться в его полную волю, и когда оно стало принуждать и патриарха, чтобы утвердил эту мысль грамотою, то патриарх Гермоген проклял это боярское начинание» [192] (с. 234).

Вот откуда появляется столь теперь кажущаяся странной мысль — посадить на наш престол даже шведского короля: все лучше, нежели подпасть под власть ляхов.

Но изменники бояре — ладно: мы уже давно свыклись с изменниками из высших кругов общества. Но изменник, святотатственно принявший на себя звание от одного самозванца митрополита, а от сменившего его так и вообще — патриарха?! И это все притом, что настоящим Патриархом в тот самый момент являлся проклявший польских прихлебателей Гермоген?

Как вычислить — кто же он такой — Федор Никитич Романов?

Смотрим энциклопедию:

«...с 1619 по 1633 фактич. правителем был... патриарх Филарет, официально носивший титул “великого государя”...» [80] (Т. 5, с. 330).

Но и Ключевский все вышеизложенное вполне подтверждает. Вот как он описывает сложившуюся перед выборами Царя обстановку:

«Многие вельможи и даже не вельможи подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями... При недостатке настоящих сил дело решалось предрассудком и интригой. В то время как собор разбивался на партии, не зная, кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим “писания”, петиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов северской земли и даже от казаков; последние и решили дело» [141] (с. 312).

Так ведь именно от тех самых казаков, которые и поддерживали Лжедмитрия! Но именно они, что и понятно, и решили спор в пользу:

«...Михаила Романова, отец которого **Филарет был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого, и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго.** Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно, больше из казацкого приличия, и казаки не настаивали на этом кандидате, когда земский собор отверг его. Сам по себе и Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, **на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество**» [141] (с. 313).

Может, эти силы не были такими уж и враждебными из-за подчинения лишь одному началу: масонскому ордену «Василия Великого»?! Ведь и в 1917-м подопечные Лейбо Бронштейна под красным знаменем имели отношение все к той же организации, что его же подопечные, из которых состояло временное правительство, под знаменем петровского триколора (а затем белым знаменем).

А потому, заключает Ключевский:

«Это неожиданное согласие отразилось и на соборе» [141] (с. 313).

Но была спровоцирована и еще более действенная именно в нашей стране интрига, которая просто лишала и последнего козыря все же могущую объявиться в одночасье какую-либо оппозицию Михаилу. Ведь хоть и воцарилась глубокая тишина, после более чем странного объединения самых крупных враждебных лагерей, но кандидатура Михаила пока еще висела на волоске. А потому, для вселения уверенности в правильности выбора:

«В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М.Ф.Романов, а потому его и надо выбрать в цари» [141] (с. 313).

И сказано это было очень вовремя. И, очень похоже, что весь сценарий этого действия готовился заранее. И потому когда:

«Тайно разослали по городам верных людей выведать мнение народа...» [141] (с. 314),

то выяснилось, что:

«Народ оказался уже достаточно подготовленным» [141] (с. 314).

То есть и здесь уже прошли некие глашатаи за Романовых и склонили всех к тому же решению. Потому:

«Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала до велика, та же мысль... Это секретно-полицейское дознание, соединенное, может быть, с агитацией, стало для собора своего рода избирательным плебисцитом...

...Так соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией... давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади» [141] (с. 314).

Но кем же являются Романовы?

«Романовы — недавно обособившаяся ветвь старинного боярского рода Кошкиных. Давно, еще при вел. кн. Иване Даниловиче Калите, выехал в Москву из “Прусския земли”, как гласит родословная, знатный человек, которого в Москве прозвали Андреем Ивановичем Кобылой» [141] (с. 314).

И все это неспроста:

КОШКА — *подобие точки отсчета конца.*

КОБЫЛА — *веры живой конец.*

И вот по какой причине царедворец Филарет начал свой вертикальный взлет именно в священнических званиях:

«Этот человек соперничал с Борисом Годуновым и пытался отравить его, за что и был Годуновым сослан в 1601 г., а затем пострижен в монахи. При этом он отнюдь не был *русским патриотом*, как Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин или *законный* Патриарх Гермоген, умерщвленный голодной смертью в тюрьме в 1611 г.

Даже из официальной биографии, написанной при внуке Филарета Алексее Михайловиче, ясно, что прежде чем стать Патриархом, Филарет был сразу по смерти Годунова в 1605 г. назначен митрополитом Ростовским. При этом назначил его не кто иной, как польский ставленник “Лжедмитрий I”, т.е., по той же романовской версии, *его же*, Федора Романова, *бывший служащий* Григорий Отрепьев» [130] (с. 85).

То есть из рядового чернеца и сразу в митрополиты, мало того, на одну из самых важных кафедр — Ростовскую, был назначен бывший господин беглого раба Гришки. Странно?

Конечно. Ведь если раб ко всему прочему является еще и беглым рабом, то со своим господином, получив неограниченную власть, он должен был поступить много как иначе. То есть рассчитаться по всем пунктам такого рода изменения положения по

полной программе. Он же воздает ему почести, просто совершенно невозможные без предварительного сговора.

Все вышеизложенное подтверждает и Ключевский:

«...Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий... служил холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского, потом принял монашество, за книжность... взят был к патриарху в книгописцы...» [141] (с. 296).

С.Либрович:

«В числе слуг, или, как тогда называли, холопов, бояр Романовых жил около 1600 года Юрий Отрепьев, сын стрелецкого сотника из города Галича Богдана Отрепьева.

Жил он на службе сначала у Романовых, затем у их священника князя Бориса Черкасского, еще с детства. Мальчик был некрасивый лицом, но очень смелый, сильный, умный и дерзкий и резко выделялся среди окружавших его.

Почему-то мальчик стал спрашивать у всех подробности, касавшиеся загадочной смерти царевича Димитрия в Угличе. Об этом донесли Борису Годунову, который постоянно подозревал, что враги умышляют что-то против него...» [146] (с. 192–193).

И очень не зря подозревал. О том подтверждает лишь еще справедливость пострижения в монахи Филарета Романова. Но такая мера, как показала история, оказалась не достаточной.

А Юрий Отрепьев, не в пример схваченному с поличным своему господину:

«...бежал, постригся в монахи под именем Григория и, переходя из монастыря в монастырь, попал в Чудов монастырь в Москве, а затем на патриарший двор в дьяки, для письменных работ...» [146] (с. 193).

Но вновь длинный язык его подводит, заставляя отправляться в бега. А в 1602 году он направляется:

«...вместе с неким иноком Варлаамом в Киев, в Печерский монастырь...» [146] (с. 193).

Затем он:

«...направился в Запорожскую Сечь... потом перешел в Острог к князю Константину Острожскому, затем поступил в школу в Гошее... и, наконец, поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому, которому, притворившись больным, впервые и объявил о своем якобы царском происхождении...»

В таком виде передавался рассказ о происхождении Димитрия Самозванца после его смерти правительством царя Василия Шуйского, которое опиралось при этом на показание, или “извет”, упомянутого инока Варлаама» [146] (с. 193–194).

И все это происходило при живом свидетеле данного повествования — Филарете Романове, которого самозванец возвел из простых монахов в митрополиты на Ростовскую кафедру. Что лишь одно подтверждает явный сговор самозванца со своим бывшим хозяином.

Однако ж и про этот сговор имеется своя версия:

«В доме Романовых в числе многих других детей бедных бояр жил мальчик-сирота, ровесник царевича Димитрия. Его и решили Романовы выдать за спасшегося будто бы царевича Димитрия и стали внушать мальчику, что он не кто иной, как Димитрий, сын царя Иоанна Грозного...»

Слухи о кознях Романовых дошли до Годунова. Над Романовыми было снаряжено следствие, и их подвергли опале, сослав в заточение.

Тем временем... мальчик, живущий у Романовых, скрылся в Чудовом монастыре, где его на 14-м году жизни постригли в монахи под именем Григория.

Сторонники Романовых решили, что наступило время выдвинуть мнимого царевича, и отправили его на границу московского государства и Польши, сговорившись сначала

с некоторыми польскими вельможами, что они помогут названному Димитрию сесть на московский престол.

И вот “выкормыш” Романовых объявляет, что он не кто иной, как царевич московский Димитрий Иоаннович.

Одни ему поверили, другие делали вид, что поверили. Спустя некоторое время на Руси пошли упорные слухи, что царевич Димитрий на самом деле жив, что он вскоре объявит себя народу и сядет на прародительский престол. Народ жадно набрасывался на все эти слухи и с нетерпением ждал того, кто называл себя Димитрием.

Прошло еще некоторое время — и названный Димитрий во главе войска подошел к Москве, где знатнейшие бояре, Шуйские, Бельские, Масальские, признали в нем истинного царя и помогли ему венчаться на царство» [146] (с. 196–198).

То есть в масонском заговоре, хоть и являлся центральной фигурой Филарет Романов, но участие принимали вообще все самые знатные боярские фамилии. А полученная Филаретом от самозванца Ростовская кафедра полностью подтверждает выше цитируемую версию о происхождении самозванца.

То есть все вышеописанное начинает походить на заранее спланированный захват в нашей стране власти какой-то тайной организацией, все нити которой ведут в город Острог к князю Константину (Василию) Острожскому. А организация эта, как мы уже много ранее определили, является: масонский орден «Василия Великого». Потому ее тайный руководитель, слишком явно засветившийся своей деятельностью, именуется часто не Константином, но Василием. То есть магистром этой извечно нам враждебной иноверческой организации.

Потому, совершенно умышленно, поляками нарушаются и все незыблемые обряды Православия:

«По русскому обычаю не венчались накануне постных дней...»

Но самозванец:

«...не хотел оказывать уважения к обычаям. С приездом Марины Дмитрием чересчур овладело польское легкомыслие» [150] (с. 320).]

То есть самозванец, к тому времени, просто обнаглел и стал кощунствовать над нашей верой ничуть не менее Петра, столетием позже сменившего его в этом же качестве. Ведь даже свою невесту он в Православии крестить не обязал, но венчался на некрещеной басурманке. Что сошло с рук только лишь для тех:

«...которые, отрешась от строгих взглядов, были снисходительны к иноверию; но в глазах таких, для которых католики были в равной степени погаными, как жида и язычники, это было оскорбление святыни» [150] (с. 320).

То был прямой вызов Православию. Но, думается, смерть его была связана не с перевыполнением поставленной ему масонами программы, но с ее невыполнением: обещанные Псков и Смоленск полякам он так все пока еще и не отдавал. Да и со введением в самой Москве латинства что-то медлил.

Но даже случившаяся неожиданная смерть самозванца этих далеко идущих планов закулисы отнюдь не нарушила:

«...Патриархом Филарета впервые назначил “Лжедмитрий II”, и 1608–1610 гг. Филарет провел при нем, в его Тушинском лагере. Филарет стоял практически за всеми заговорами при российском дворе, включая “неожиданную” смерть Годунова, которая носила явные признаки отравления сулемой, и последующий стремительный государственный переворот и уничтожение рода Годуновых. Еще одной жертвой отравления стал в 1610 г. талантливый полководец М.Скопин-Шуйский, успешно возглавлявший борьбу с поляками.

Все то время, когда в России шла борьба с польской интервенцией, Филарет находился в стане врага — у короля Сигизмунда III. Об этом официальная история дома Романовых говорит уклончиво: “возглавил вместе с В.Голицыным великое посольство в Польшу в 1610 г. и был задержан в плену”, умалчивая при этом, что официальной целью “великого посольства” было приглашение на царство польского королевича Владислава.

Филарет умело сыграл и на тщеславии и Голицына, и Сигизмунда. Последний в 1911 г. даже сам пожелал занять русский трон, но испугался гнева Папы, поскольку Филарет выдвигал условием принятие православной веры» [130] (с. 91–92).

Но потому, очень похоже, и выдвигал, что сесть польскому королю сразу на два трона было и заранее невозможно.

«При этом Филарет, естественно, скрывал свои претензии на трон, а подчеркивал, что основной русский претендент — князь Голицын — находится тут же, в заложниках.

Именно Филарет фактически руководил созывом и проведением Земского собора 1613 г., на котором в результате избрали на царство его сына Михаила. В 1619 г. Филарет с колоссальным триумфом вернулся из Польши в Москву, а “основной претендент” Голицын... умер» [130] (с. 92).

И если сам Филарет, что и правильно подчеркивал, на русский трон не имел вообще никаких династических прав, то вот кто на него не только претендовал, но и обязан был этот трон занять:

«...два самых знатных рода — князя Долгорукие и Голицыны» [147] (с. 32).

И очень неспроста. Ведь они были:

«несравненно знатнее Романовых...» [147] (с. 32).

И если Голицыны вели свое происхождение от литовского князя Гедимина, то:

«Долгорукие вели свое происхождение от Рюрика и от основателя Москвы Юрия Долгорукова...» [147] (с. 32).

Однако ж всех их оставил не у дел ставленник тайной секты:

«До своей смерти в 1633 г. Филарет был первым реальным *самодержцем* России. Таким образом, Филарет как политик переиграл и русских, и иноземных претендентов на российский трон и в конце концов оказался обладателем наследства Ивана Грозного, борьба за которое велась с 1584 г...» [130] (с. 92).

И здесь нет ничего удивительного: очень похоже, что именно Филарет и являлся резидентом масонского ордена «Василия Великого» в России. Потому именно он подготавливает и засылает в Острог к воеводе киевскому, судя по всему, — магистру ордена, «претендента», снабженного полномочиями для проведения государственного переворота в России. А обратная связь заметна и невооруженным глазом, когда заговор удается и состоявшийся Лжедмитрий получает бразды правления страной. И доказывается эта преступная связь лишь еще тем простым фактом, что его патрон тут же, по воцарении самозванца, из простых монахов взлетает в сан митрополита одной из самых важных кафедр. Причем, обходя стороной все порядки Древней Руси, назначается не священством, но волевым решением монарха.

Но это было только начало. На вершину карьеры Филарета возносит еще и второй претендент, к первому, казалось бы, не имеющий никакого и отношения. Однако ж их отношение к одной и той же организации легко подтверждается выполнением новым претендентом старых инструкций, полученных в свое время еще незадачливым его на троне предшественником. И тут следует только лишь еще попытаться вообразить, какие несусветные средства были брошены масонством для поддержания ну совершенно чудовищно фальшивой версии о некоем «спасении» от смерти убиенного толпой Лжедмитрия! Ведь сколько здесь требовалось подкупить (или убить)

многочисленных свидетелей этой смерти. А сколько требовалось запустить по стране лжесвидетелей, слишком сильно рискующих своею головой?

Средства на это предприятие должны были пойти просто колоссальные. На такое может отважиться лишь организация, распоряжающаяся сокровищами тамплиеров. То есть именно та самая, во главе которой впоследствии засвечивается некий потомок раввинов, совершенно безродный по любым меркам, основатель династии банкиров с мировым именем, Лионель Ротшильд.

Но вот воцаряется Лжедмитрий II. И что же мы замечаем?

Отношение к Филарету нисколько не меняется: новый ставленник ордена «Василия Великого» на русском троне вручает Филарету всю полноту церковной власти, что, судя по всему, было запланировано задолго до этого столь странного и ни при каких иных обстоятельствах совершенно невозможного инцидента.

Но вот и второго претендента на русский трон постигает злая участь первого. Куда держит путь обласканный лжецарями лжепастор?

В альма матер на тот день масонской ложи «Василия Великого»: во враждебное нам государство — Польско-Литовское. Но это оно нам враждебно, а ему как раз таки и вовсе нет. Что, в конце концов, и выясняется, когда, управляя из-за границы, ему прекрасно удается собрать и провести собор, где некий такой «глас народа» почему-то останавливается именно на его родном сыне, что подливает масла в огонь всех уже упомянутых странностей.

И вот тут очень интересную особенность семейства Романовых — постоянно присутствовать в лагере врагов — мы находим даже у Костомарова, чьи симпатии к Лжедмитриям и лжепатриархам сомнению не подлежат:

«24 октября поляки отворили кремлевские ворота, выходящие на Неглинную (ныне Троицкие); прежде всего выпустили русских людей, бояр, дворян, купцов, сидевших в осаде» [150] (с. 374).

Укрывшихся, заметим, под защиту поляков.

«Казачи тотчас закричали: “**Надобно убить этих изменников**, а животы поделить на войско!”» [150] (с. 374).

И вот кого обнаруживаем среди *этих изменников*, которых, как считали осаждавшие Кремль войска князя Пожарского, *надобно убить*. Как известно, посольство для призвания на трон Романовых отправилось в Кострому. Почему в Кострому? Потому что:

«Мать и сын удалились туда после **освобождения из кремлевской осады**» [150] (с. 376).

То есть именно во вражеском лагере нашли себе приют члены семейства Романовых. И они, вместе со всеми иными в стане врага проживающими боярами, были поименованы изменниками, которых, за их измену, буйные казаки даже собирались убить.

То есть и не только сам Филарет постоянно числится среди Лжедмитриев или поляков, но и его семейство постоянно находится в стане врага.

А вот достаточно интересный сюжет о сидении в осаде поляков, вместе с которыми находились и Романовы:

«...когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных» [192] (с. 462).

Среди которых, что самое здесь интересного, Романовых вовсе не числится. Далее поляки:

«...съели умершие тела, вырывая их из земли; пехота сама себя съела и ела других, лоя людей. Пехотный поручик Трусовский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу;

словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились как о наследстве и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось во взводе г.Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойника, гайдук из другого десятка, жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше право съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, как сделать приговор, и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места. Во время этого страшного голода появились разные болезни и такие страшные случаи смерти, что нельзя было смотреть без плача и ужаса на умирающего человека. Я много насмотрелся таких. Иной пожирал землю под собою, грыз свои ноги, руки, свое тело и что всего хуже, — желал умереть поскорее и не мог, — грыз камень или кирпич, умоляя Бога превратить в хлеб, но не мог откусить. Вздохи: ах, ах, слышны были по всей крепости, а вне крепости — плен, смерть. Тяжкая это была осада, тяжкое терпение!» [192] (с. 462–463).

То есть пленников и даже другу дружку переели. А вот Романовых, числивших себя, между прочим, именно в плену, что больше чем удивительно, никто и пальцем не тронул. Странно?

А о странности истории с Сусаниным тут и упоминать нечего: в любую вьюгу проторившая себе путь огромная толпа в «60 конников» [158] (с. 223) (а каждая лошадь весит с пару тонн) легко, по оставленному не просто следу, но целой дороге, сумеет выйти туда, откуда тронулась в путь. Да и трудно верится вообще в необходимость подобных блужданий по бездорожью: для самого наипростейшего перемещения в какой-либо из населенных пунктов имеется обыкновенная наезженная дорога. Зачем полякам мудрить?

Тут странно другое: как мы все это время верили в эту странную сказку?! Нам ли, жителям заснеженной России, не знать особенностей русской зимы?

А вот что говорится о действительном спасителе России:

«Дмитрий Михайлович Пожарский жил долго, но не играл важной роли, как можно было бы ожидать... Служба его ограничивалась второстепенными поручениями. В переговорах с послами мы встречаем его не более трех или четырех раз и только товарищем других... царь не считал за Пожарским особых заслуг, которые бы выводили его из ряда других... В числе других бояр он был приглашаем к царскому столу, но не особенно часто: проходили месяцы, когда его имя не упоминается в числе приглашенных, хотя он находился в столице» [150] (с. 377).

Так что истинный герой победы над самозванством, что и естественно при рассматриваемом нами облике забравшейся на царство фамилии, был оставлен в презрении и забыт. Так считал Костомаров.

Но имеется и много иное мнение, с которым достаточно сложно не согласиться:

«В 1624–1628 гг. Пожарский заведовал Разбойным приказом... В 1630–1632 Пожарский возглавил Поместный приказ — один из важнейших в государственном аппарате. В 1636–1637 гг. начальствовал Судным приказом...

...В 1630 г. начались военные реформы. В их подготовке и проведении участвовали военачальники Д.М.Пожарский, Ф.Ф.Волконский, администратор — думный боярин А.Я.Дашков» [158] (с. 229).

Так что сказать о полном забвении князя Пожарского нельзя. Но моральный облик Филарета (Федора Романова), основателя новой царской династии, от этого все равно ничуть не выигрывает.

А как же выглядит его главный соперник на троне, Борис Годунов?

Борис Годунов был поставлен на Царство непосредственно при участии Патриарха Иова:

«Патриарх составил утвердительную грамоту об избрании Бориса на царство, которую подписали все участники Земского Собора...» [142] (с. 118).

Потому, сначала определяем — кем был он.

А он был, в свою очередь, еще в бытность свою пребывания в родном своем городе, Старице, Тверской губернии, духовным чадом отца Германа, впоследствии митрополита Казанского.

Так кем был его наставник — отец Герман?

В этом вопросе, как и в чем-либо ином, все по своим местам расставляет смерть. И вот когда могила его наставника была открыта, то она порадовала Патриарха:

«...обретением мощей Германа архиепископа Казанского, бывшего архимандрита Старицкого Успенского монастыря» [142] (с. 116).

Сам же Иов:

«...будучи Патриархом... не стяжал себе ничего, кроме святительских одежд, а все патриаршие доходы направлял на устройство церквей, монастырей и на благосостояние крестьянских сел.

...Когда же он скончался, то в его келье было обнаружено всего лишь 15 рублей, несколько икон и немного домашнего имущества» [142] (с. 109).

Так что теперь и его моральный облик для нас вырисовывается вполне конкретно. А вот чем он, как глава Церкви, препятствовал проникновению чужеземия в нашу страну, тогда напрочь закрытую от иноземных поветрий:

«...Патриарх предостерегал царя Бориса от приглашения иностранных вероучителей» [142] (с. 114).

А когда в Польше объявился самозванец, как теперь выясняется, — ставленник Филарета Романова:

«...тогда Патриарх предал анафеме самозванца со всеми его сообщниками...» [142] (с. 118).

И с Федором (Филаретом) Романовым, следовательно, в том числе!!!

Вот почему эта фамилия и века не протянула — была вся перетравлена врачами-отравителями или переистреблена заговорщиками: на ней не только благословения не было, но лежало тяжелое проклятье, наложенное Патриархом, причисленным к лику святых!

«5 апреля 1605 г. царь Борис, вставши от обеда, внезапно заболел и через два часа скончался... по свидетельству Массы, доктора, бывшего при дворце, тотчас узнали, что он умер от яда» [192] (с. 459).

Но сразу после убийства злоумышленникам еще не удалось исполнить задуманное:

«...благодаря стараниям всероссийского первосвятителя Москва и войско присягнули сыну Борису — царевичу Феодору» [142] (с. 119).

Но, как затем выяснилось:

«Клятва оказалась некрепкой... Патриарх умолял бояр успокоить народ, но они отстранились от активных действий, и это тоже было предательством. Мятежники ворвались в Кремль, зверски расправились с царем Феодором Борисовичем и его матерью и присягнули самозванцу, называя его царем Димитрием. Святейший Иов, искренний защитник Отечества и Православия, не тронутый мятежниками, оказался в плену...» (Там же).

И если Филарета самозванец возводит из простых монахов в митрополиты, то с Патриархом он поступает совершенно иначе:

«...не добившись от своих клеветов присяги от Святейшего, самозванец решил свести Иова с московского престола» (Там же).

Так что совершенно не исключено, что Лжедмитрий I, предположительно бывший слуга и сотаинник по масонской части Федора Романова, мог самозванцем стать возведенным не только в сан Ростовского митрополита, но и сразу — в Патриарха всея Руси. Чему помешала лишь странная смерть самозванца.

«После низвержения Лжедмитрия святители, собравшиеся в Москве... стали просить Патриарха Иова возвратиться на свой престол. Но старец к тому времени ослеп и, как свидетельствует предание, благословил на место свое Гермогена...» [142] (с. 120).

Вот кого избрал на свое место святой Патриарх. Но уж никак не избранного самозванцем новоиспеченного лжемитрополита!

Скончался Патриарх Иов 19 июня 1607 г. А уже в 1652 г.:

«По вскрытии могилы и гроба оказалось, что мощи Патриарха Иова были нетленными и благоухающими, от них начались чудесные исцеления...» [142] (с. 124).

Вот кем является Патриарх, благословивший на царство Бориса, а затем и его сына Феодора, и предавший анафеме самозванца и его сообщников, в числе которых и сам Филарет Романов — главный виновник как смуты, так и своего последующего незаконного воцарения на русском престоле.

Теперь смотрим не на обещания, но на конкретные действия избранного святым Патриархом на Царство законного Царя Бориса:

«...он пытался пресечь принявшую колоссальный размах позорную спекуляцию хлебом» [146] (с. 25).

Которого в стране русских, несмотря на случившийся неурожай, было не просто много, но очень много. Огромные запасы хранились еще со времен Иоанна Грозного. Так что голод в нашей стране — дело чисто искусственное, которое может провести в жизнь только слишком мощная и слишком широко разветвленная тайная организация. Каковой и являлось масонство, судя по дальнейшим событиям, возглавляемое именно Филаретом Романовым.

И если в предыдущее царствование масонам все же удалось провести реформы, ведущие, в конечном итоге, к крепостничеству, то Царь Борис с легкостью отменяет их. Он повелевает:

«...восстановить отмененное при Федоре Ивановиче право крестьянского “выхода” от своих господ в Юрьев день. Но не удалось ему погасить народного возмущения...» [146] (с. 25).

И на что такое «возмущение» походит?

Так ведь все на то же. Один в один: на тщательно подготовленную мировым капиталом «революционную ситуацию» в России 1917 года! Ведь и при Николае II, как и при Царе Борисе, в нашей стране было лучше, чем где-либо еще в мире, буквально *в с е!*

Но это не помогло: мировой капитал перевесил — власть в стране забрали масоны. То же самое, что теперь становится слишком очевидным, случилось и за 300 лет до этого.

Вот как при искусственно организованном голоде, точно как затем большевики организуют в Поволжье, жировала стоящая в Тушино революционная армия:

«Отовсюду привозили печеный хлеб, масло, гнали быков, баранов, гусей; водки и пива было изобильно» [150] (с. 326).]

А потому, почуяв дармовщину:

«Из Литвы, Польши и Московского государства стекались толпами в Тушино распутные женщины; сверх того удалыцы хватали русских жен и девиц, привозили в лагерь и не иначе отпускали, как за деньги. Иные женщины до того осваивались с веселою жизнью в лагере, что когда отцы и мужья выкупали их, то они снова бежали в Тушино» [150] (с. 326).

Но если ружье заряжено, то оно должно ведь когда-то и выстрелить. Так случилось и тогда. То есть начались массовые убийства мирного населения, столь затем знакомые нам по гражданской войне:

«...поляки и русские воры сами собою составляли шайки, нападали на села и неистовали над людьми. Для потехи они истребляли достояние русского человека, убивали скот, бросали мясо в воду, насиловали женщин и даже недорослых девочек. Были случаи, что женщины, спасаясь от безчестья, резались и топились на глазах злодеев, а другие бежали от насилия и замерзали по полям и лесам. Поляки умышленно оказывали пренебрежение к святыне, загоняли в церковь скот, кормили собак в алтарях, шили себе штаны из священнических риз, клали мясо на церковную утварь...

Такие поступки ожесточали народ. Уверенность в том, что в Тушине настоящий Димитрий, быстро исчезла. Спустя три месяца после признания Тушинского вора города с землями одни за другими присягали Шуйскому, собирали ополчения, началась народная война, стали убивать, хватать и топить тушинцев. Из Тушина посылались для усмирения народа отряды, которые своими злодействами еще более озлобили народ против вора» [150] (с. 326).

И таким вот вполне революционным лагерем, полностью сходным своим вероисповеданием наполеоновцам и большевикам, на духовном уровне заправлял свой собственный патриарх. Им и был, между прочим, пристально нами рассматриваемый Филарет (Федор) Романов!

Но когда вора прогнали и его лагерь стал разбегаться, то в числе самых первых крыс с этого революционного бандитствующего корабля сорвался в бега его духовный лидер — лжепатриарх Филарет. Тушинцы:

«...послали из своей среды митрополита Филарета и боярина Салтыкова с товарищами в числе сорока двух человек просить на царство Владислава» [150] (с. 327).]

Иными словами развязанную им же самим неудавшуюся *красную революцию* лжепатриарх Филарет тут же, после очевидного ее поражения, кинулся «тушить» *белой интервенцией*. Потому поехал призывать поляка на русский престол. Против чего, между прочим, был Патриарх настоящий, Гермоген, после мученической своей смерти причисленный к лику святых.

Вот что сказано о Филарете в Советской военной энциклопедии:

«...с 1619 по 1633 фактич. правителем был вернувшийся из польского плена отец М.Ф., патриарх Филарет, официально носивший титул “великого государя”...» [80] (Т. 5, с. 330).

То есть главный заказчик революции целых 14 лет находился у власти. Так что сомневаться в том, что именно он установил течение всей дальнейшей политики государства на век вперед, более не приходится. То же самое происходит у нас и теперь, хоть главный революционер давно и сгинул от обострившегося сифилиса. Все дело в том, что его сатанинские мощи не преданы земле, но оставлены для поклонения в сатанинском капище. И пока они будут там оставаться, о возрождении Русского Православного Царства не может быть никакой и речи.

Но чем же была ознаменована государственная политика, когда во главе нашей Державы оказался резидент ордена Василия Великого?

Смотрим за записями *социалистов*, просто, казалось бы, собою и предназначенных исключительно для того, чтобы ругать *демократов*. Вот какими «подвигами» себя прославил избранный масонским капиталом царь. Тут уж и советские историки не могут не позлорадствовать:

«Внутр. политика М.Ф. была направлена на укрепление государственно-политич. системы феодально-крепостнич. строя... Упрочение феодально-крепостнич. отношений было связано с... усилением эксплуатации крестьян, резким ростом гос. налогов и податей, дальнейшим юрид. оформлением крепостного права» [80] (Т. 5, с. 330).

Далее:

«Вотчинники и помещики получили право сыскивать и возвращать своих беглых крестьян... крестьяне были прикреплены к своим владельцам навсегда...» [146] (с. 56).

«...возрастало сближение Московского государства с иностранцами... Так, в 1634 году переводчик Захария Николаев отправлен был в Германию для найма мастеров медеплавильного дела. Иноземец Фимбрандт получил на десять лет привилегию поставить в поместных и вотчинных землях... мельницы и сушилы для выделки лосиных кож, причем запрещалось всем другим торговать этими предметами. Другой иноземец швед Коэт получил право устроить стеклянный завод близ Москвы. В 1644 году гамбуржцу Марселису с детьми (получившему еще в 1638 году право на оптовую торговлю на севере государства и в Москве) и голландцу Филимону Акему позволено устроить по рекам Шексне, Костроме и Ваге и в других местах железные заводы с правом безошлинной продажи изделий, на 20 лет, внутри и вне государства...

На откуп от казны отдавались сборы на мостах и перевозах. Это были тяжелые для народа сборы...

Около царя были иноземцы: доктора, аптекари, окулист, алхимист, лекари, переводчики, часовых и органичных дел мастера...» [150] (с. 408–409).

То есть еще при Михаиле, когда страной фактически правил глава осуществленного масонством переворота, Филарет, было сделано абсолютно все то, что мы обычно приписываем некому такому «гению Петра». И маховик государственного самоуничтожения был раскручен до того продуманно четко и отлаженно, что разрушение Святой Руси, уже и после смерти как лжецаря, так и лжепатриарха, только продолжало набирать обороты.

Но не всем, что и понятно, этот процесс обасурманивания страны должен был нравиться:

«Торговые люди тяготились льготами, дарованными иноземцам, особенно англичанам, и в 1646 году подали царю челобитную за множеством подписей торговцев разных городов — представляли, что иноземцы в прошедшее царствование наводнили собою все государство, построили в столице и во многих городах свои дворы, торговали безошлинно, распускали своих агентов закупать из первых рук русские произведения, не хотели покупать от русских торговцев, сговариваясь, назначали на свои товары какую хотели цену и вдобавок насмехались над русскими купцами, говоря: “Мы их заставим торговать одними лаптями”. Когда один русский торговый человек, ярославец Лаптев, вздумал было сам поехать за границу с мехами в Амстердам, то у него не купили там ни на один рубль товару. Русские торговцы умоляли царя “не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудности”, запретить всем иноземцам торговать в Московском государстве, кроме одного Архангельска, и также не давать иноземцам на откуп промыслов... Челобитная эта до некоторого времени не имела успеха, что и было одною из причин недовольства против правительства» [150] (с. 409).

И вот чем ответил на челобитную вступивший на престол молодой монарх:

«Вскоре по вступлении на престол Алексея Михайловича, в марте 1646 года, введена была новая пошлина на соль» [150] (с. 427).

Но и это не все:

«Вместе с пошлиною на соль разрешено было употребление табака...» [150] (с. 427).

А ведь совсем:

«Еще недавно за употребление табака при Михаиле Федоровиче резали носы. Новое распоряжение обличало склонность боярина Морозова к иноземным обычаям...» [150] (с. 427).

Именно к этим же обычаям, что отмечает И.С.Аксаков, ссылаясь на «Полное Собрание Российских законов», тяготел в то время и сам глава государства:

«Русские портные ссылались на каторгу за шитье русского платья» [176] (с. 128).

А еще через пару лет новое новшество заставило забыть об ужасности всех старых: странной династией, столь усиленно тянувшей на нашу шею иноземцев, было отменено то последнее, что тогда еще имелось у русского человека — Юрьев день.

«В октябре 1648 года созванный собор утвердил Уложение» [150] (с. 432).

«Оно передавало поместье в личное владение дворян и его передачу по наследству, что уравнило в правах вотчинное и поместное землевладение.

Вводился безсрочный сыск беглых крестьян. Феодалы получили право полностью распоряжаться собственностью и личностью землепашца. Подтверждалась отмена Юрьева дня, что окончательно означало юридическое оформление крепостного права. Свободным (черносошным) и дворцовым крестьянам запрещалось покидать свои общины. Не только крестьяне, но и городское население страны обязаны были нести государственные подати. Посадские люди прикреплялись к своим посадам и не имели права переезжать в другой город» [158] (с. 180).

А для приведения в исполнение вышеобозначенных пунктов этого самого Уложения в стране вводится самый настоящий террор:

«С этих пор узаконяется страшное государево “дело и слово”. Доносивший на кого-нибудь в измене или в каком-нибудь злоумышлении объявлял, что за ним есть “государево дело и слово”. Тогда начинался розыск “всякими сыски”... употребляли при этом пытку. Но и тот, кто доносил, в случае упорства ответчика так же мог подвергнуться беде, если не докажет своего доноса: его постигало то наказание, какое постигло бы обвиняемого. Страх казни за неправый и неудачный донос подрывался другою угрозою: за недонесение о каком-либо злоумышлении против царя обещана была смертная казнь; даже жена и дети царского недруга подвергались смертной казни, если не доносили на него. Понятно, что всякому слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы приходила мысль сделать донос, чтобы другой не предупредил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за недонесение» [150] (с. 432).

Так что этот кошмар, на столетие вперед погружавший страну в ужас, чем-то схожий с нашим послереволюционным, когда люди доходили чуть ли ни до истерики после каждого ночного шороха, опасаясь стука в дверь, изобрел вовсе даже не Петр, но его эпохи еще только лишь предшественник, за что-то поименованный *Тишайшим*...

Может за то, что все эти свои кровожаднейшие нововведения он умудрился провести *под шумок*?

И с обесермиванием армии, некогда лучшей в мире, тоже все было начато еще в правление этой столь падкой до заграницы династии каких-то странных царей-самоубийц:

«В 1630 началось формирование полков “нового строя”. Резко возросла численность дворянского ополчения...» [80] (Т. 5, с. 330).

И все это:

«...при значит. сокращении служилых казаков» [80] (Т. 5, с. 330).

Дальше — больше. Уже при Алексее Михайловиче, что и вообще в деле реформации в военной области никаких «лавров» Петру не оставляет:

«...вводились постоянные солдатские полки “нового строя”. Они комплектовались по общегос. наборам из крестьян и посадских людей...» [80] (Т. 1, с. 145).

«...укрепление власти самодержавия, его защиты от крестьянских выступлений требовали создания послушной, дисциплинированной армии» [158] (с. 176).

То есть создание жандармских формирований было начато вовсе не Петром, но еще Филаретом, продолжено Михаилом, а закончено Алексеем Михайловичем. И это требовалось, чисто по Пестелю, исключительно на тот случай, если народ вдруг не пожелает забираться в изготавливаемое для него стойло. И все это делалось под благовидным предлогом — модернизацией войска для борьбы со степью, извечно тревожащей наши рубежи. Но вот какими «новшествами» была оттеснена степь:

«В 1635–38 была установлена и усовершенствована Большая засечная черта (16 в.)...» [80] (Т. 5, с. 330).

То есть ничего нового для обороны, но лишь изменение порядка прохождения службы, где добровольные защитники заменялись поставленными под ружье призывниками. И вот здесь был применен и новый вид войска. Именовалось оно *дворянским*. И его боеготовность, словно средневековые вассалы Запада, теперь должны были обеспечивать русские крестьяне, переходящие в подчинение этим феодалам на узаконенном Филаретом основании. То есть ту самую систему, которую теперь именуют крепостничеством, что так прекрасно помогала Западу в борьбе со своим «перенаселением», начал вводить еще Филарет. А уже его внук, Алексей Михайлович, в своем 19-летнем возрасте отменил и последнюю надежду у русского человека — Юрьев день. И молодость царя во времена этой реформы говорит лишь о том, что подготовил ее проект вовсе не он: Алексей Михайлович лишь исполнил кем-то задуманное мероприятие.

«Иноземные солдаты с этих пор составляли уже неизменную принадлежность русского войска. Они вели себя дурно и делали всякие насильства жителям. Правительство хлопотало о приезде в Россию иноземных как служилых, так и торговых людей. Русские купцы с неохотою смотрели на такой наплыв торговавших иноземцев. Еще в 1632 году псковичи просили государя, чтобы немцам запретили торговать в Пскове, но их просьбу не уважили. Подобные челобитные подавались и от других городов; роптали на иноземных купцов, которые ездили по всему государству в силу жалованных грамот, повсюду торговали, а при этом вели тайно безпошлинную торговлю... Русским торговцам делался подрыв.

Позволяя иноземцам торговать по всему государству с большими льготами, правительство старалось забирать, по возможности, разные предметы торговли исключительно в свои руки, в ущерб русским торговцам. В 1635 году правительство взяло себе монополию торговли льном и прислало из Москвы гостя скупать в Пскове лен по той цене, какая была указана в Москве. “Тогда, говорит современный летописец, — было много насилий и грабежа; деньги дают дурные, цена невольная, купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смеет мимо гостя, присланного из Москвы”. Подобное делалось в 1642 году по производству селитры, присвоенному себе казною. Посланный для этой цели Андрей Ступишин покупал для селитры золу и недодавал за нее денег, да еще, стакнувшись с таможенными откупщиками, задерживал крестьян, привозивших золу, придирался к ним под разными предлогами, сажал в тюрьму и бил на правеже.

Разные городские занятия подвергались отдаче на откуп в пользу казны. В том же Пскове, например, где казенная торговля льном возбуждала такие жалобы, квасники,

дегтяры, извощики и байники (банщики) были на откупу и притом с торгов — с наддачею» [150] (с. 408–409).

Это очень похоже на систему отъема зерна у колхозников, изобретенную затем большевиками!

И не Ленин первым изобрел институт заложников. Но Алексей Михайлович — наследник «славных дел» лжепатриарха Филарета:

«...по царскому указу в Москву для работ на Китайгородской крепости велено было отправляться мастерам каменных и кирпичных дел из Вологды. Царь строго наказывал вологодскому воеводе: “А которые учнут хорониться, сыскивать жен их и детей и метать их в тюрьмы, покамест мужья их не объявятся, и, учиня им наказание за укрывательство, выслать их к Москве. А буде тех каменщиков и кирпичников воеводы не вышлют и какими-либо мерами начнут их укрывать, и за тем наши каменные и кирпичные дела станут, и тебе от нас, великого государя, быть в опале и жестоком наказании, а поместья ваши и вотчины мы, великие государи, укажем отписать на нас, великого государя”.

Ремонт крепости был закончен в 1681 году при царе Федоре Алексеевиче» [189] (с. 124).

Бодяга же вся эта, когда Алексей Михайлович пытался впервые в истории России ввести институт заложничества, столь затем прекрасно используемый как петровскими так и ленинскими комиссарами, напомнил, тянулась еще с 1658 г. То есть на протяжении более чем двух десятков лет русский человек тогда пытался противиться красному молоху филаретовской революции. Здесь несколько проявляется деятельность нашего «Тишайшего», чья эпоха не позволила русскому населению России увеличиться, но спустя половину столетия так и остаться на месте: все вновь рождаемые в его эту «тихую» эпоху куда-то странным образом тайно исчезали. Теперь начинает хоть несколько проявляться — куда.

Так что насчет личности Филарета Романова, начинателя петровской революции, становится все ясно.

«По-прежнему в эти годы правительство старалось об удержании жителей на своих местах, гонялось за беглыми, водворяло на прежних местах жительства. В случае второго побега виновных стали теперь ссылать в сибирские города...

...Безпрестанные побеги показывают, что крестьяне владельческие были не довольны своим положением. Они во множестве уходили под покровительство монастырей... Дворяне и дети боярские жаловались, что их крестьяне и холопы, убегая от них в монастырские имения, приходят назад и подговаривают других крестьян и холопей к побегу, а иногда и сжигают владельческие усадьбы» [150] (с. 409).

То есть русский человек, почувствовав на себе все возрастающее давление со стороны светских властей, стал уходить под защиту своей Матери — Церкви. Потому явно ведущее промассонскую политику правительство Романовых (что просматривается теперь уже слишком очевидно), порешило ввести законодательства, ограничивающие права русского духовенства:

«...Алексей Михайлович... создав Монастырский приказ, лишил Церковь прав, принадлежащих ей...» [151] (с. 224–225).

Но и все уже столько раз оговоренные признаки обмирщения вновь всплывают на поверхность:

«Алексей Михайлович, воспитанный западником Морозовым, весьма интересовался виршеплетством, пытался и сам писать стихи (письмо Ромодановскому), и к тому же был любителем театра... В 1672 году он поручает Артамону Матвееву договориться об устройстве театра с немецкой слободой. Во главе дела стал пастор Иоганн Готфрид

Грегори, который начал театральные представления в этом же году в летней резиденции царя, в селе Преображенском» [176] (с. 141).

А ведь за подобные-то штучки, да по правилам св. 6-го Константинопольского Собора, что проходил в городе Труле, вот что нашему этому «святоше» полагается. Правило за №81 гласит:

«Святой Вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам, и их зрелищам, такожде и зрелища звериные творити и плясания на позорищи. Аще же кто настоящее правило презрит, и предастся которому либо из сих возбраненных увеселений: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен...» [193] (с. 104).

Но не только где-то еще на отшибе за немецкой слободой баловался западническими поветриями, за что должен был подвергнуться отлучению от Церкви, наш якобы самый набожный на Руси правитель. Но уже и в самом центре Москвы обнаруживаются эти модные сооружения, по которым следует серьезно призадуматься в правоте разнесенной пропагандой некой такой особой набожности «Тишайшего»:

«Потешный дворец — место, где происходило комедийное действо при царе Алексее. Эти западно-европейские зрелища мирно уживались с преданиями русской старины, но человека 60–70 гг. XVII столетия еще шокировала эта близость православной церкви к игрищам нехристей-немцев...» [190] (с. 170).

Так что слухи и басни о мировом лидерстве по отбитию поклонов царем Алексеем, а также его смиренному простаиванию чуть ли ни сутками в храме, не слишком-то и вяжутся уже с материальными доказательствами совершенно обратного: построенным в Кремле, цитадели Православия, языческого капища — Потешного дворца. Пососедству, между прочим, с Дворцовым Судным Приказом.

И в довершение этой нам ранее не видимой упрямой за пропагандой политики последователей Филарета Романова следует обратить внимание и на пестуемый им порок:

«Пьянство, покровительствуемое правительством...» [150] (с. 409).

То есть даже напойная казна Петра не является его собственным изобретением, но лишь наследием «славных дел» лжепатриарха Филарета, порешившего узаконить спаивание русского человека.

Вот теперь и всплывают слишком явно не совпадающие между собой факты из биографии этого столь странного царя — Алексея Михайловича. С одной стороны все вроде бы в один голос стремятся нас уверить о его удивительнейшей святости: он в церкви, де, не только дневал, но и чуть ли уже и ни ночевал. Мало того, был чуть ли ни чемпионом мира по отбиванию поклонов! Которых якобы клал чуть ли ни по тысяче кряду. Однако тут же приводятся и совершенно противоречащие им сообщения о западнических приверженностях монарха еще с самого юного возраста. Такие подробности упоминает даже Ключевский. Но и Костомаров этого не может не отметить:

«Каждый день посещал он богослужение, но в этом случае не был вовсе чужд ханжества, которое неизбежно проявляется при сильной преданности букве благочестия: так, считая большим грехом пропустить обедню, царь, однако, во время богослужения разговаривал о мирских делах со своими боярами» [150] (с. 420).

Многие сведения о нем выглядят слишком противоречиво. Ведь даже внешность его на разных портретах совершенно разная: на одних он полностью блондин, где и намек нет на какую-либо его схожесть с Петром, на портретах же иных Алексей выглядит ярко выраженным брюнетом. Каким из них верить?

Смотрим, что о его деятельности сообщает все та же советская энциклопедия:

«...усиливал эксплуатат. порядки, завершил законодат. оформление крепостного права» [80] (Т. 1, с. 145).

«Правительство начинает вмешиваться и в хозяйственную жизнь крестьян, ограничивая (или пытаясь ограничить) их право свободного распоряжения их землями... главной обязанностью выборных крестьянских властей становится своевременный и “бездоимочный” сбор... податей, а главной заботой воевод становится понуждение и наказание тех, кто своею “оплошкой и нерадением” допускает недоборы...» [146] (с. 93).

Именно по этим причинам:

«...вторая половина XVII в. является временем упадка земского начала и растущей бюрократизации и в центральном и в местном управлении Московского государства» [146] (с. 93).

Так что не Петр вверг русского человека в безправие. Это за него произвел сын избранного «гласом народа» царя. О том совершенно недвусмысленно говорит и восстание Степана Разина, произошедшее именно в результате попытки русского человека вырваться из этого все усиливающегося закабаления.

Вот как подтверждают все вышеизложенное и археологи:

«В XVI в. за пределами Кремля на каменных подземельях сооружались в основном постройки, принадлежавшие государю и церкви. И только сто лет спустя ими стали обзаводиться наиболее состоятельные люди» [189] (с. 171).

То есть государственный карман в результате правления первых Романовых переходит в пользование повывлезавших из всех щелей нуворишей: *какая знакомая картина*. Однако ж и сам этот столь знаменитый раскол, навешанный историками на Никона, был подготовлен еще все при том же Филарете и его дел последователе. Потому как имеются сведения, что:

«...уже до Никона (при патриархах Филарете и Иосифе) делались попытки исправления церковных книг и обрядов» [146] (с. 66).

А потому случившийся впоследствии раскол своим существом обязан именно Филарету, так как его породили, как считает официальная историческая наука:

«...нелепые ошибки и опечатки в Филаретовом служебнике» [150] (с. 604).

Однако же если трезво взглянуть на существо кипучей деятельности Филарета, совершенно невозможно не заметить, что все эти *ошибки* были вовсе не *нелепыми* или *нечаянными*, но исключительно *умышленными*. А точнее даже — *злоумышленными*.

И вот до чего Филарет и, судя по всему, наследующий программе его действий, Иосиф, доисправлялись:

«...в 1649 году приехал в Москву иерусалимский патриарх Паисий... Он заметил, что в московской церкви есть разные нововведения, которых нет в греческой церкви, и особенно стал порицать двуперстное сложение при крестном знамении... а на Афоне монахи даже сожгли богослужебные книги московской печати как противные православному чину богослужения» [150] (с. 467).

Вот где выходят на поверхность плоды занимающегося столько лет чем-то непонятным основавшего свою масонскую династию Филарета! То есть все эти нововведения, которые святогорцы восприняли как еретические, упирались именно в церковные искажения, для чего, собственно, для единственного и затевался весь этот странный сыр-бор с Лжедмитриями и польскими королевичами. Вспомним и тот момент, когда, сотню лет спустя, руководитель московских масонов Шварц даже открыл одному из своих подопечных:

«...потаенные **цели ордена**, клонившиеся даже к тому, чтобы **уничтожить Православие в России**» [40] (с. 134).

Так что безбожное XVIII столетие было полностью подготовлено столетием предыдущим. И все это устроено с помощью: двух Лжедмитриев, «первопечатника» Федорова, князей Острожских и Филарета, основателя династии Романовых.

ФИЛАРЕТ — *обусловивший видимость веры в СЛОВО.*

Но тут точнее о тайной его деятельности и не скажешь!

И вот чем закончил подготовленный Филаретом на царство первый вор:

«Но не долго властвовал новоявленный правитель. Воцарившись в Москве, Лжедмитрий I показал свое истинное лицо. Польские приспешники проматывали огромные деньги, безчинствовали на улицах города.

Терпение москвичей истощилось. 17 мая 1606 г. на рассвете под звуки набата московский люд выступил против иноземцев. Москвичи, во главе которых встали бояре Шуйские, перебили более тысячи поляков, ворвались в Кремль. Лжедмитрий, спасаясь от преследователей, выпрыгнул из окна кремлевского терема, но был настигнут и убит» [158] (с. 186).

Так вроде бы и должны были закончиться вместе со смертью подготовленного Филаретом самозванца и все его претензии на русский трон.

Но на самом деле он вовсе не является каким-то одиночкой заговорщиком. Ему оказывается подвластной какая-то уж слишком мощная тайная организация:

«Новейшие исторические исследования указывают на... сильный общественный центр Москвы, подготовивший восстание против Шуйского, центр, в котором первое место принадлежит Филарету Никитичу Романову... Филарет Романов был одним из соиздателей кандидатуры Владислава на московский престол, и новейшие историки зачисляют его в круг лиц, хлопотавших в Москве об осуществлении унии с Речью Посполитой. Но в то время как глава одной из этих партий, желавших низвержения Шуйского, князь В.В.Голицын действовал открыто против царя Василия и принимал непосредственное участие в народных скопищах, другой влиятельный враг Шуйского, Филарет, по словам проф. Платонова, умел вести закрытую игру и, держась в стороне от площадной суеты, сохранял вид спокойного наблюдателя им самим вызванных событий» [146] (с. 314–315).

То есть Филарет, в отличие от шумливых бояр, действовал всегда чисто по-масонски — скрытно. Но чего добивалась его организация, устраивая на русский престол короля-поляка?

Смотрим, что собирался творить его предшественник.

Имеется, например, документ, заверенный печатью Лжедмитрия I, на котором он предоставляет своей невесте:

«...в вечное владение земель Новгородской и Псковской с **дозволением там богослужения католического...**» [146] (с. 214).

Казалось бы, мелочь, всего-то пару областей...

Но тут следует учесть, что именно в те времена католичеством активно велось «переваривание» наших западных земель, превращая наших братьев в захваченных инородцами Белой и Малой Руси в басурман, уже назавтра готовых к войне с нами. И для понимания этого момента в нашей истории необходимо лишь обратить внимание на тот факт, что немцами в период Отечественной войны против нас было использовано практически все обесермененное славянство: и чехи, и хорваты, и даже поставленные на колени поляки — все они сослужили немцам очень неплохую службу. Точно такую же службу оказали им и западные наши униаты — именующие себя сегодня некой даже теперь особой национальностью — украинцами, так же выступив во время войны на стороне врага. С ними же в когорте выступила и окатоличенная Прибалтика.

Потому ключевые русские области, являющиеся всегда нашим главенствующим рубежом перед Западом, поляки всегда и стремились захватить в первую очередь.

Однако ж самозванец, судя по всему, своими издевательствами над русской верой слишком пересолит. Потому ненавистные поляки были на Москве перебиты, чего не избежал и сам Лжедмитрий I. Что обязан был претворять в жизнь ему наследующий самозванец?

Да все то же самое. Потому к нему:

«...примкнули не только московская чернь, но и многие видные бояре...» [146] (с. 333).

И если с боярами все понятно, то стоит разобраться: при чем здесь эта самая какая-то такая «чернь»?

Так ведь это же революция! Точно такая, которую затем все те же силы провернут в 1917-м!

Однако ж и не только Горьковское дно в этот момент всплывает на поверхность. К самозванцу:

«...переметнулись многие русские бояре, образовав в Тушинском лагере “правительство”» [158] (с. 197).

Которое и стал «духовно» окормлять избранный очередным самозванцем в некие такие «патриархи» боярствующий монах — Филарет Романов.

Но Москву с ходу захватить не удалось. А потому сюжетец стал закручен и еще похлеще:

«...мысль о призвании королевича Владислава на царство еще раньше, нежели в Москве, возникла в Тушине...» [146] (с. 335).

Тут, судя по всему, заговорщики поняли, что красная революция у нас все равно не пройдет и вору на престоле сесть не даст никто. Однако же хорошая перспектива обасурманивания страны могла осуществиться при передаче власти урожденному королю католику. Но здесь они встретили препятствие:

«...патриарх Гермоген продолжал настаивать на избрании русского православного царя...» [146] (с. 336).

В этой связи достаточно интересно выглядела деятельность Филарета. С высоты Лобного места он вещал одно:

«Не прельщайтесь; мне самому подлинно известно королевское злоумышление над Московским государством; хочет он с сыном им завладеть и нашу истинную христианскую веру разорить, а свою латинскую утвердить» [146] (с. 336).

Но такое им периодически вещалось исключительно для подъема своей репутации. То есть немножечко покорчить из себя некоего такого уж слишком особенного праведника. Но на поверку его деятельность оказалась направлена в сторону прямо противоположную:

«В пользу королевича склонялся одно время и митрополит Филарет, **о чем свидетельствуют сохранившиеся его грамоты**» [146] (с. 336).

То есть свидетельствуют уже теперь не домыслы или толки в качестве рекламы некоей его такой слишком особой русскости, но исключительно *вещественные доказательства!* И доказательства именно деятельности его в пользу латинства, которое Филарет уже на самом деле, а не на словах, так усиленно к нам пытался проташить Лжедмитриями и польским королевичем.

А вот теперь не просто о грамотах, но о взятии Филарета, что называется, с поличным. Скопин-Шуйский:

«...напал на польский лагерь ночью, рассеял его совершенно, истребил войско, взял множество пленных, между коими было множество русских, которые, оставив Самозванца, перешли к королю...» [146] (с. 382).

Что они там делали?

Так ведь являлись посольством, призывавшим на русский трон польского королевича Владислава! И среди них Скопин-Шуйский «освободил», между прочим:

«...патриарха Филарета...» [146] (с. 382).

Ну, во-первых, все-таки *лжепатриарха*! Ведь Патриархом настоящим был в тот момент Гермоген. И второе: пусть мозги нам на эту тему не вправляют — он сам туда отправился — то есть никто его в плену не держал!

И отправился, между прочим, из стана Лжедмитрия II, который и одарил его этим странным титулом в попытке расколоть Русскую Церковь. И чин этот Филарет, что и еще раз выводит на свет его истинную личину, с превеликим удовольствием воспринял.

Однако же больше похоже даже на то, что отнюдь не самозванец его этим званием «осчастливил», но просто выполнил данный ему свыше заказ от тех, кто снабжал его финансовыми средствами. Теми самыми, на которые Тушинский вор и содержал свой слишком неправдоподобно богатый Тушинский лагерь.

И подтверждением этой столь странной любви к плену Филарета Романова служат и все последующие события: он вновь направился к «врагам» и вновь несколько лет кряду «томился» в этом самом «плену» теперь еще и в ином месте — в Польше.

О чем это говорит?

Значит, уж не так худо ему было в этих самых «пленях» «томиться», коль его вновь туда потянуло.

Подытожим эту его тягу к «пленениям». Плен за № 1: скачок из постриженного в монахи заговорщика в лжемитрополиты. Плен за № 2: скачок из лжемитрополитов в лжепатриархи. Плен за № 3: неудачный — его слишком не вовремя «освободили» (то есть освободили от оставшейся за кадром уж очень высокой должности). Плен за № 4: воцарение сына на русский трон. Ну а как из последнего плена «освободился», за одно освободившись от единственного на русский трон достаточно серьезного претендента, так и править страной, отданной ему тайной сектой в распоряжение, управлять и прибыл.

А вот как происходило это странное «народное» избрание его сына:

«21 февраля 1613 г. “казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули” новому царю. Так, под давлением казаков...» [158] (с. 223) был избран сын самого крупного в стране масона, заварившего всю эту кашу с Лжедмитриями и пачками раздаваемыми ими митрополичьими и патриаршими должностями, которые резидент тайной секты так обожал коллекционировать.

В довершение же ко всему он, благодаря поддержке казачества — главной опоры обоих Лжедмитриев, весьма успешно подготавливает выбор царя. Хотя известно:

«Помазанника Божия, Царя — нельзя выбрать, Его можно только смиренно принять из Руки Божией» [186] (с. 37).

Вообще-то не понятно: как вообще можно было воспринимать русскому вроде бы и православному в ту пору обществу решение силы, не многим ранее вместе с иноверцами, поляками, штурмовавшей Троице-Сергиевую Лавру?

Да этих еретиков, поднявших руку на русскую святыню, следовало бы вообще на костре сжигать, а не вверяться в их постановления русской формы управления — Собора.

Потому об этом странном сборище, где русский человек, в силу присутствующего здесь большинства его не только тайных, но и явных врагов остался в меньшинстве, необходимо сказать словами Федора Студита:

«Не всякое собрание есть Собор, а только собрание стоящих в Истине» [186] (с. 37).

А стояли ли в ней казаки, долгие годы Смуты управляемые самозванцами? А бояре, столь упорно расшатывающие Русский Трон, чтобы самим немножечко «поправить»?

А священники, столько лет кряду именовавшие на Литургиях самозванцев в качестве законных царей?

А ведь все они вкупе и составляли этот не имеющий прецедента в истории «Собор», на котором, совершенно неслыханное в мировой практике дело, была на целый народ наложена клятва. И даже не в случае неповиновения самому избираемому правителю, но неповиновению династии этой фамилии царей!!!

Уж такого ярма история просто не помнит.

Но и не должна помнить. Ведь на «добром» в ту пору Западе с правителями кончали чуть ли ни ежегодно. Такое было у них чуть ли ни в привычке. А к нам вошло, между прочим, исключая князя Владимира и Святополка Окаянного, лишь с воцарением Романовых: своей смертью не умер ни один из них (может, только Петр I, сгнивший от сифилиса...).

И очень не зря, следуя дальнейшему ходу развивающихся событий, сам виновник всего произошедшего тогда в нашей стране, Филарет Романов, избрал себе такую должность, которая позволяла не просто менять в России давно установленные порядки, но и менять порядок некогда установленного богослужения.

Так что теперь, находясь на высшем посту церковной иерархии, можно было продолжить ту работу, которую некогда начал в нашей стране жид Схария.

А те достаточно туманно теперь просматривающиеся времена, похвалы о которых слишком наигранны и не естественны, ознаменовались лишь тем, что население России в те годы не увеличилось. То есть о них имеющаяся сегодня история достаточно явно кем-то старательно подправлена.

Однако ж и здесь имеются исключения. Факты о тех забытых всеми временах иногда все ж прорываются. И сильно теперь удивляют. Вот один из них, оказавшийся затерянным в объемистых манускриптах Кирилло-Белозерского монастыря:

«Кириллов монастырь остался единственной на Севере твердыней, не разоренной литовцами. Тогда весь край белозерский был занят их шайками; паны разбойничали здесь по крайней мере до 1618 года» [188] (с. 330).

Таким образом, выясняется, что по крайней мере первые пять лет в нашей стране правления первого из династии Романовых даже в самых отдаленных глубинках иноземного разграбления страны вовсе не остановило! А может именно это и входило в планы этого столь странного воцарения сына находящегося по своему обыкновению «в плену у врагов» Филарета?

Иные же части Святой Руси, терзаемой иноверцами, были отданы на поругание иным варварам. Что происходило уже не спонтанно, как в Белозерском например крае, но и вообще — вследствие заключения так называемого «мира»:

«Карелия и Ингрия, принадлежавшие к Руси с древних времен, по столповому договору 1616 года были отторгнуты от Русской Земли; вместе с ними к Швеции перешел Валаамский остров с его знаменитой обителью» [188] (с. 340).

То есть отдана басурманам этим странным царем русская святыня, древностью намоленного места не уступающая пещерам Киево-Печерской Лавры!

И так же как с нашими святынями, поступала эта избранная разбойным казачеством фамильная клика и с вверенным ей народом: за время правления первых двух царей из этой очень темной династии население России не увеличилось. А ведь аборт в ту пору не существовало. Куда продолжало таинственным образом все исчезать нарождающееся население?

«...во время сошного письма, бывшего в 1625 и 1632 годах, многие деревни стояли пустыми, церкви разоренными и без пенья» [188] (с. 332).

Так что первые 20 лет правления, что, между прочим, слишком сильно совпадает с правлением у нас до 1943 года большевиков, в наших церквях, по преимуществу,

продолжала царить мерзость запустения! Случайно ли такое совпадение или историки так запрятали этот предпетровский большевизм, что мы о нем теперь ничего не в силах доподлинно выяснить?

А еще 16 лет спустя Русь была «обрадована» и следующим нововведением — крепостным правом: точной копией советских колхозов — у колхозников не имелось паспортов. Потому период правления первых Романовых столь странным образом и оказался надежно упрятан нашей де темностью и непросвещенностью тех допетровских лет. А история России на тот период стала выглядеть белым пятном, упрятанной за ярлыком некоего такого «Тишайшего», попытавшегося укрыть от нас самое главное в своем правлении: сотканную паутину в качестве цепей, которые в самые ближайшие годы захватившая в стране власть клика собиралась накинуть на русского человека.

Но и мировая история переделывалась под общепринятый в тот момент масонский знаменатель не иначе как под чьим-то общим руководством. Потому в наших летописях сегодня и обнаруживается слишком много несовпадений с действительностью:

«...летописи писались много десятилетий спустя после описываемых событий, и потому точность описания и датировки в них оставляют желать лучшего. Возможны и позднейшие вставки...» [167] (с. 200).

«В фальсифицированной версии была сильно заинтересована династия Романовых, которая, по сути дела, осуществляла тотальную цензуру всех работ по русской истории... В результате этого многое из подлинной русской истории не увидело свет, а что-то было, видимо, просто уничтожено» [174] (с. 14).

То есть под изобретаемую учеными немцами версию подправлялась и история о нас: шла адова работа по изготовлению народа-стада. Для этого необходимо было на самого грамотного человека повесить ярлык серости и неотесанности. Потому так необходимо было отнять у него память. А все остальное нам слишком хорошо известно: колхозы и стройки века, ГУЛАГ и войны. Это рецепт построения общества нового типа, которое бы кроме всеизвестного «му-у-у», ничего иного и вымолвить уже и не могло бы.

Именно такое общество строилось Романовыми, чей лжецарственный род был добит отравителями еще в XVII веке.

Так что именно приход к управлению страной масонами, как прямо вытекает из всего вышеописанного, и мог привести Россию к столь теперь кажущемуся странным признанию выдуманной на потребу немцев истории по мировой истории. И лишь столь многолетнее правление сторонников чужебесия, когда переписывали и пересогласовывали варианты некогда произошедших событий на потребу столь самообожествляющих себя народов этой самой заграницы, как нами лишь теперь выясняется, полностью чумазой и зачуханной, могло позволить так приизрядно выколлотить из наших мозгов чувство своего несомненного над всем иноверным миром превосходства.

Вот как, судя по всему, происходил этот процесс, оставшийся за кадром:

«В течение всего XVI в. в Европе продолжался дележ византийского наследства, который закончился падением к началу XVII в. монархов *старой* имперской династии: Рюриковичей в России, Пржемысловичей (=Люксембургов) в Центральной Европе, Валуа во Франции, Ависов в Португалии, Тюдоров в Англии и т.д. и приходом к власти *новых* династий — Романовых в России, Бурбонов во Франции, Габсбургов в Центральной и Юго-Западной Европе, Стюартов в Англии и т.д.

Вот эти новые династии и *договорились* между собой о создании такой *собственной* истории, которая *утверждала бы их монархические права*. Естественно, всю предыдущую “Славную Византийскую историю” каждая из монархий постаралась

сделать частью своей. Так появились параллельные версии *одной и той же истории...*» [130] (с. 4).

«Когда пишут о том, что некий талантливый ученый в подлиннике читал: Гомера, Демокрита, Демосфена, Платона, Плутарха, Софокла, Эврипида и пр., мы воспринимаем это как очевидный факт, и, вероятно, не многие сознают, что указанных “античных классиков” невозможно ЧИТАТЬ В ПОДЛИННИКЕ.

Все перечисленные авторы — сюда можно добавить еще десятки имен — согласно официальным источникам, жили задолго до Р.Х., то есть — за полторы, две тысячи лет до своего “переиздания” на латинском или НОВОгреческом языке.

Даже на вопрос о том, каким писчим материалом они пользовались в своей работе, не сможет вразумительно ответить ни один “специалист” — глиной, деревом, кожей, берестой? Египетские папирусы, дошедшие до нас, — единичны. Бумага появится через две тысячи лет. Вместе с ней — войдет печатный станок и тут же, КАК ПО КОМАНДЕ, вдруг восстанут из небытия “классики античной культуры”» [185] (с. 81).

Но так как никаких вещественных доказательств греческой или римской античности вообще не существует, то становится вполне очевидным, что:

«...указанных “классиков” НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Подлинников их произведений не удастся отыскать ни в одной библиотеке мира. ИХ НЕТ! И НЕ БЫЛО!» [185] (с. 81).

«Мои выводы очень “легко” опровергнуть, достаточно указать, где хранятся рукописи (или глиняные черепки!) принадлежащие ПЛАТОНУ...

Но этого НИКТО НЕ СМОЖЕТ СДЕЛАТЬ, потому что “классики античной литературы” (если такие вообще существовали) писали на ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ языке» [185] (81).

Так что античная история, столь нам подробно поведанная еще со школьной скамьи, является грубо сфабрикованной подделкой.

Но и не только античная. Вот кто является авторами части всемирной подделки истории, относящейся к нашей стране:

«Русская история до сих пор воспринимается нами такой, какой она вышла из историко-литературной мастерской Екатерины Великой. Она была Мастером, а Шлецер, Миллер и даже Татищев и Ломоносов, а тем более Карамзин были лишь подмастерьями, поскольку реализовывали чужой план» [174] (с. 10).

Однако же случившийся сговор, на самом деле, является заговором. Заговором масонства против Православия. И начало этой войны прекрасно прослеживается еще с первых походов так называемых «крестоносцев», которые несли с собой отнюдь не свет Христовой веры, но ересь латинизации. Такая же волна чужебесия надвигалась и с юга, где происходила еллинаизация Русской Церкви. Это был достаточно длительный процесс и он полностью совпадает с веками имеющейся у нас истории.

Подделкой же ее является приписка еллинам и иным язычникам тех веков мировой истории, которые изначально принадлежали нам.

Потому сначала в каком-то одном кабинете масонами была полностью переключена история, а затем переписана на разговорные диалекты подвергшихся оккупации стран. И сам смысл переключки истины заключался в изъятии памяти у народа, изначально стоящего во главе мировой цивилизации. Народ же этот именуется русским. И именуется так исключительно за приверженность своему Богу. И среди самых главных задач у захвативших власть в Европе во времена смутного времени сатанистов являлось изъятие у этого народа того самого ценного, что связывает этот народ с его Создателем. Война же агрессора, что нами уже выяснено, велась против нашей возможности Славы своего Слова. Именно с этой целью произошла та «бархатная революция», столь теперь заретушированная некой якобы безприменной святостью правителей тех лет. Однако ж

накидыванию на свободного человека ярма крепостничества оправдания не может быть никакого. И вот чем отличался лагерь Филарета, произведенного в патриархи Тушинским вором, от лагеря ему противостоящего:

«В 1608 г. Троице-Сергиева Лавра была осаждена шайками “тушинского вора”. Не раз являлся преп. Сергей архимандриту Иоасафу и пономарю Иринарху, укрепляя их и предупреждая об опасностях. Раз видели его окропляющим стены св. водой; другой раз он предупредил о готовящемся приступе, который и был отражен. Являлся преподобный и осаждавшим, так что многие казаки стали уходить домой, давая клятву никогда не воевать с православными» [138] (с. 164).

Им стало ясно, что:

«Не предаст Господь имени Своего в поношение неверующим...» [138] (с. 165).

И именно Филарет духовно окормлял эту паству, которая теперь, увидев на чьей стороне Сергей Радонежский, уходила из лагеря воинствующих безбожников, давая клятву больше никогда не вступать в противоборство с народом Русы, стоящим на защите подножия Его Престола. И ставшее затем столь знаменитым «Азовское сидение» полностью подтверждает, что донское казачество сдержало свое слово, встав на защиту русской веры и получив за это небесное покровительство, с помощью которого разгромило неприятеля, в десятки раз превосходящего своей численностью.

Вот теперь уже прояснились причины нашествия масонов времен секты жидовствующих, «первопечатника» Федорова, князей Вишневецких и князей Острожских. Между тем, становится теперь ясна и причина, по которой Алексей Михайлович столь странным образом не пожелал принять отбитый казаками Азов в свое подданство. Он, как теперь выясняется, всегда находился в «Тушинском лагере» и прекращение турецко-татарской экспансии с юга в его планы совершенно не входило. Прослеживается и причина, по которой у народов Западной Европы было отобрано СЛОВО, некогда являющееся составной частью их культуры.

На нас, судя по всему, еще со времен Ивана ого планировалась совместная интервенция. Однако же она не прошла — русское оружие в ту пору было несокрушимо и соединенные орды Востока и Запада были в очередной раз наголову разгромлены. Что, между прочим, так и осталось за кадром. Не прошли и последующие интервенции шведов и поляков.

Потому никакой западной мовы нам навязать так и не удалось. Но так как не получалось в открытую похитить у нас самое драгоценное достояние — наше СЛОВО, то для обасурманивания русского человека был изобретен иной метод — *мода на заграницу*. И переписанная масонством история призвана была внушить русскому человеку, что он только лишь еще совсем недавно снят с дерева. А потому: как его разговорная речь, так и на ней основанная культура давно устарели и нуждаются в срочной замене. То есть внушалось все то, что и по сию пору продолжает внушаться.

И именно от этого мифа отталкивается версия, навязанная нам стараниями Федорова, Лжедмитриев и Филарета.

Однако ж сходу этот миф не прошел: требовалось время, чтобы русские люди успели позабыть, кем являются на самом деле. А для этой цели в ход идут все средства: в том числе и изобретение нового языка, именуемого теперь «современным». И вот язык у нас подменен. И теперь остановка лишь за малым: запустить заверченный к XIX веку новодел в нашу Церковь.

Ну а как соотносить все вышеизложенное с последними исследованиями в области языкознания?

Я.А. Кеслер произвел:

«...анализ 20 основных *современных* европейских языков, включая славянские, балтийские, германские, романские и греческий, выявил свыше 1000 ключевых слов, принадлежащих примерно к 250 общим для всех *балто-славянским* корневым группам и охватывающим *все понятия, необходимые для полноценного общения*. А это прямо говорит о том, что, по крайней мере, *до XIV века население подавляющей части Европы говорило на одном языке — и это был именно праславянский язык»* [130] (с. 4–5).

Но нет ничего тайного, что не стало бы, пусть и по прошествии сотен лет, когда-нибудь явным. И вот время настало: вся ложь, когда-то спроторенная масонами, повылезала буквально из всех щелей и дальше ее как-либо продолжать упрятывать силам зла становится уже бессмысленным.

Потому, все же вскрывая давно слишком явно смердящие нарывы, которые замалчивать далее уже становится просто невозможно, Фоменки-Синельниковы-Зиноны-Кеслеры подталкивают несообразность всей этой лжеверсии под другую лжеверсию: попытки придать Туринской плащанице роль иконы. Но не просто некой такой особенной святыни, но главной иконы страны, все никак не поддающейся на посулы стучащегося в мир антихриста. Язык же наш древний, в чем упорствует тот же Кеслер, желают вывести не от СЛОВА, которым создан мир, но от древней полурусской мовы, которой некогда пользовались косноязычные колена служанок: Зельфы и Ваалы.

* * *

Так в чем же заключалась задумка при изобретении мифа о «тысячелетней рабе»?

От нас требовалось отбросить некую свою такую уж особенную «отсталость», то есть Православие, и совершенно добровольно встать под чуждое нам ярмо — западное чужебесие. И именно для этого столь расплодил своих «птенчиков» Петр. И они просто обязаны были доистребить народность, поставленную им в полную зависимость четырьмя предыдущими правлениями.

А способов для этого имелось всегда два: внешняя агрессия и агрессия внутренняя.

Следуя плану первому, его связали крепостничеством, загнав в ужасающую нищету. И уже морально изничтоженное население попытались заставить отречься от Славы своего Слова. Но из этого предприятия ничего не вышло: несколькими правлениями вышибить из народа богоносца его высокое предназначение никак не удавалось — даже и в ужасающей нищете народ оставался верен своим святыням.

Вариант второй, предусматривающий иноземное порабощение, не годился: русскому человеку всегда легче было умереть, чем склонить голову перед иноземцем. Однако ж умирая *за други своя*, что с особой яркостью продемонстрировала Великая Отечественная война, он всегда стремился уничтожить как можно большее количество врагов. От того и остался в конечном итоге все-таки непобедим.

Но таких попыток было и до этого предостаточно. Стоит припомнить лишь наиболее удачное в этом плане — Батыево нашествие.

Однако ж и оно оказалось бессильным перед народом-воином.

Потому масоны придумали третий вариант: расколоть надвое Церковь. Одна половина сразу запускалась в поход за Туринской плащаницей, объявив свою ересь неким таким де утерянным в лихую годину *староверчеством*. У другой — изымались святоотеческие книги, заменяемые новоделом, век назад отпечатанным Федоровым. Основных канонов богослужения они не нарушали, но вводили в темный лес этих

неких переводов с еллинского, латыни и «древнееврейского», то есть хананейского, где ветхозаветная история преподносилась в перевернутом виде.

И этот третий вариант на нас агрессии оказался наиболее действенным. Однако ж ожидаемого эффекта он достиг именно совместно с первыми двумя: внутренней и внешней агрессиями.

И со сбитыми набекрень мозгами наше уже теперешнее общество, утерев какой-либо хоть бы и примерный ориентир, перенацеливается Фоменками-Синельниковыми на восприятие именно того самого нами давно забытого культа, который так некогда помог вторжению татаро-монголов. Потому-то и столь необходимо все расставить по своим местам. Лишь в подобной ситуации возможно отражение атаки третьей масонской волны, неотвратимо все надвигающейся с Запада.

Наука побеждать

С внутренними агрессиями мы определились: 1-я вскрывшаяся связка — князя Острожские-Лжедмитрии-Романовы; 2-я связка — Симеон Полоцкий-Спафарий-Лейбниц-Матвеев-Василий Голицын; 3-я — Лефорт-Петр-Яков Брюс; 4-я — папа Кутузова-братья Шуваловы-Вольф-Ломоносов; 4-я — Фридрих Вильгельм II-Карамзин-Новиков-Гамалея; 5-я — Кутузов-Наполеон-Александр II и т.д.

Масонские нашествия следуют волнами одно за другим, лишь периодически перехлестываясь с нашествиями внешними. Более подетально рассмотрим теперь еще и их итог.

Постигшие нас предательства во времена 1-й и 2-й мировых войн мы уже разобрали, рассмотрели цепь предательств и в войну Японскую (см. трилогия: «Победа русского оружия»). Вмешательство масонов очевидно и дополнительных комментариев не требует.

Однако ж здесь, при определении личностных качеств людей, столь легко идущих на предательство, следует более пристально обратить внимание и на ту прослойку общества, представляющую собою офицерство, которая составлялась в те времена из смердящей мертвечиной чужебесия дворянской прослойки. Вот какую лепту внесла эта прослойка в войну с Турцией 1877–1888 гг., пока нами не рассматриваемую:

«...на конечном итоге сказались не умение высшего командования принимать целесообразные решения и управлять войсками... Несмываемыми пятнами позора лежат на представителях высшего командования кровавые неудачи русской армии, напрасная гибель тысяч простых солдат» [131] (с. 136).

И это несмотря на одержанную в той войне все же победу, которую следовало бы отнести заслуге лишь одного человека, генерала Скобелева, ставшего почти единственным исключением из общего правила, где бездарность закономерно переходила в предательство и наоборот.

Однако ж считать, что эта усаженная нам на шею Петром паразитическая прослойка только лишь глупа и недалёковидна было бы не правильно. Ведь большинство этих странных «неудачных» приказов следовало бы отнести не к тугоумию командного состава, хоть и это не могло не иметь места, но к прямому предательству. Что затем и подтвердила уже и следующая война, когда нашу армию уже куда как более очевидно сдало врагу высшее командование. Ведь именно в тот самый критический для Японии момент, когда личный состав армий врага был выкошен настолько, что все чаще среди солдат неприятеля стали появляться подростки и старики (со слов, кстати, совсем не заинтересованного в похвальбе Царской армии демократа Деникина), не менее

предательски высшим руководством был заключен мир. Да такой странный, который объявлял о нашей в этой войне не победе, что подводило итог о несоразмерности потерь, но поражении, которое изобрел для нас своим свиданием с Шиффом высокопоставленный изменник — масон Витте.

Но не только царедворцы подпиливали сук, на котором и сидели. Странное дело: чуть ли ни все командующие русскими войсками, как теперь выясняется, оказываются предателями. Ведь не только XIX, но и XVIII век ими просто избилует. И неужели нет вообще ни одного более или менее известного командира, который не был бы нам самым врагом?

Есть. Им является наш прославленный генералиссимус: Александр Васильевич Суворов, чей авторитет просто не вызывает никакого сомнения. Его сравнивают с Юлием Цезарем, Александром Македонским, Наполеоном. Однако же известно, что все эти:

«...полководцы не только побеждали, но и испытывали поражения. Исключением был Суворов, который не знал неудач. **Явление в мировой истории единственное**» [133] (с. 133).

Но произведем попытку усомниться и в нем. И что же?

Он, со слов советских авторов, уж в такой оценке совершенно не заинтересованных, был поразительно православным человеком. Во времена своей опалы, то есть когда военную службу в силу обстоятельств ему пришлось оставить, Суворов:

«По субботам и воскресеньям обязательно ходил в церковь. Пел на клиросе, читал часы, канон, “Апостола”» [132] (с. 328).

Мало того:

«Суворов обучал дворовых мальчишек грамоте, составил из ребят хор» [132] (с. 329).

Так ведь не просто песенный коллектив, но именно *церковный хор!*

И такое сообщается в советском издании 1987 года!

Не слишком ли круто взято?

Не слишком. Потому как неоспоримая приверженность Суворова Православию не оставляет никаких и малейших по этому поводу сомнений.

«Он свято соблюдал все постные дни...» [134] (с. 218).

И это в тот век, когда великосветские пиры совершенно не были ориентированы на постную пищу. Не были они ориентированы и на супружескую верность, что для Суворова было полностью неприемлемо:

«Это был воистину “развратный век”, и первая женщина империи — Екатерина II подавала тому дурной пример» [134] (с. 214).

«Суворов прекрасно понимал важность нравственного воспитания, отдавая при этом определенную дань воспитанию религиозному. “Кто боится Бога — неприятеля не боится”...» [134] (с. 89).

Это отражено и в его обращении к итальянскому народу. Здесь совершенно четко указывается цель прихода русских союзных войск на Апеннины:

«**Для защиты святой веры...** сражается и проливает кровь свою союзное воинство...” (А.В. Суворов. Документы, т. 4, с. 14)» [133] (с. 124).

И все же в чем причины столь необычайной непобедимости суворовского войска? Ведь известна же истина, что хоть на Бога и надейся, но сам-то не плошай.

«...полководец Александр Суворов защищал наше Отечество... не одним только оружием, но и молитвой. Эти тайны истории скрывались от нас под спудом, а сейчас стали достоянием гласности. Когда враги, которых было большинство, начинали теснить наши войска, то Суворов прямо посреди поля битвы становился на колени и начинал молиться Михаилу Архангелу, читал ему акафист и просил о помощи. Тут же,

в считанные минуты на поле сражения наши наголову разбивали намного превосходящего силами противника. А как им был пройден неприступный перевал в Альпийских горах? Всего один артиллерийский расчет оборвался в пропасть, и то генералиссимус сказал, что это случилось потому, что те были нерадивы и роптали, когда спускали пушку на канатах. А кто шел с крестом и молитвой и смиренно слушался своего полководца, тот не сорвался вниз, все благополучно перешли через горы и достигли места назначения, где был дан внезапный бой» [177] (с. 11).

«Александр Васильевич наставлял воинов: “Солдату надлежит быть храбру, твердо, решиму, справедливу, молись Богу, от Него победа. Чудо-богатыри, Бог нас водит. Он наш Генерал...!”» [289] (с. 341).

Вот какую молитву Суворов советует для прочтения перед сражением русским воином:

«Пресвятая Богородица, спаси нас! Святителю отче Николае Чудотворче, моли Бога о нас!» К этой молитве шло строгое предостережение полководца: “Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай!”

Это воспитание воинов в духе Православия дало свои впечатляющие результаты. В Италии **на 75 убитых солдат неприятеля приходится только один русский!!!** В войне с турками этот показатель был еще выше! Вот почему Суворов постоянно утверждал: “Бог — союзник неизменный”» [289] (с. 342).

Вот в чем заключается все существо истинной непобедимости нашего генералиссимуса — отца солдатам.

Откуда в нем такая удивительнейшая преданность Русскому вероисповеданию в тот безбожный век?

«По плодам их узнаете их... Так всякое древо доброе приносит и плоды добрые» [Мф 7, 16, 17].

И здесь лишь стоит краешком глаза взглянуть на порядки, которые завел в Кенигсберге его отец, на малое время поставленный там губернатором перед убийством масонами Елизаветы. Свидетельствует А.Т. Болотов. Местному немецкому дворянству и российским чиновникам:

«...не полюбился только он наружным своим видом и простотою одежды, ибо относительно до сего не видно было в нем ни малейшей пышности и великолепия такого, какое привыкли они всегда видеть в Корфе» [342] (письмо 86-е).

Чем, между прочим, от генералитета тех времен отличался затем и его сын. И вот какой распорядок дня был введен его отцом в немецком Кенигсберге:

«...все мы принуждены уже были вставать ранее и, вместо того, что прохаживали в канцелярию часу в восьмом и в девятом, приходиться в нее уже в четыре часа поутру. Что ж касается до губернатора, то будучи он разумным, деловым, а притом крайне трудолюбивым человеком, вставал так рано, что в два часа пополуночи бывал уже всегда одет и можно было его всякому видеть, а по всему тому хотел, чтоб и канцелярские были поприлежнее против прежнего. Новость сия гг. товарищам моим не весьма нравилась, но к чему не можно привыкнуть? Сперва был о том превеликий ропот и негодование, но скоро все мы к тому привыкли и довольны были тем, что по крайней мере, после обеда не сидели мы уже в канцелярии и в праздники имели более свободы» (там же).

То есть для российских оккупационных канцелярских работников столицы Восточной Пруссии Кенигсберга был введен самый настоящий *русский образ жизни*. То есть восьмичасовой рабочий день начинался, как и положено было испокон веку исключительно у нас, в 4 часа утра. А заканчивался в обед. После которого, как всегда исключительно у нас и усвоено было, полагалось, чтобы назавтра не проспять с выходом на работу, поспать. Вот в кого был и кем был воспитан в Православии

Александр Васильевич — единственный за всю мировую историю полководец, не проигравший ни одного сражения.

Но, безусловно, будучи уверенным в силе своей молитвы, солдату Суворова требовалось в совершенстве овладеть и избранной «генералом вперед», как его именовали в ту пору как союзники, так и неприятели, тактикой ведения им боя:

«...Суворов разделял свои силы на две части, затем они осуществляли сближение на 100 шагов, после чего войска бросались в атаку бегом с ружьями наперевес... “Эта атака была действительной свалкой, писал Дюбокаж — очевидец маневров в Тульчине, — которая происходит и в настоящем деле... Ни одна часть в момент атаки не смела ни принять в сторону, ни замедлить движения. Пехота шла на пехоту бегом...” Понятно, замечал при этом Дюбокаж, что войска, выдержанные в духе таких маневров, смотрели на бой, как на маневры, а на маневры — как на бой. “Нужно ли после этого всего распространяться о причинах непобедимости Суворова?” (Duboscage G. *Precis historique sur le celebre feldmarechalcomte Souworow-Rymnikski prince italiski*. Hambourg, 1808, p. 196–197)» [133] (с. 189).

Однако ж и огневая стрельба была поставлена на высшую ступеньку:

«Немаловажное значение имел фактор военной техники. В середине XVIII в. русская армия имела наиболее современное вооружение в Европе. Это были гладкоствольные и нарезные ружья, гладкоствольные пушки и гаубицы (единороги), обладавшие высокими тактико-техническими показателями. Над совершенствованием гладкоствольных ружей во второй половине XVIII в. шла непрерывная работа. Она увенчалась успехом» [133] (с. 168).

«...Суворов вовсе не был слепым поклонником штыковой атаки. Он лишь отводил ей подобающее место. В отличие от западноевропейских теоретиков Суворов настаивал на обучении прицельному огню. Для этого он приказал иметь в каждом капральстве по четыре сверхметких стрелка в пехоте и по шесть в кавалерии, которые могли выходить для стрельбы из боевого строя. “Сии быют в их ранжирах, но могут и быть отряжены по рассмотрению военачальников”, — говорил он. Их задача “застреливание противника, а особливо старших наездников, сии имеют волю стрелять, когда хотят, без приказу” (А.В.Суворов. *Документы*, т. 2, с. 60). Новой является и установленная этим приказом норма патронов. Каждому было положено иметь “на мушкет сто патронов” (Там же с. 63)» [133] (с. 178).

В европейских же армиях стрельба велась исключительно залпом. И если учесть, что дальность прицельной стрельбы в те времена не превышала 60 шагов, то можно себе представить какой мог быть от нее толк, если прусская тактика предписывала стрелять как с расстояния превышающего прицельное, так и по принуждению. То есть одновременно всем: залпом. Такая стрельба могла иметь эффект лишь в качестве отпугивания противника, но уж никак не направлена на поражение его живой силы.

Подобная же тактика «пальбы по воробьям» использовалась немцами и много позже. Перенявший эстафету у Суворова, маршал Жуков, так описывает эту прусскую систему ведения войны:

«Нам удалось выявить и слабые стороны противника. Контратаки наших частей показали неустойчивость немецко-фашистской пехоты. Неся огромные потери от огня советской артиллерии, немецкие солдаты, как правило, не вели прицельного огня. Они поспешно укрывались в окопы и, ведя оттуда беспорядочную стрельбу, стремились воздействовать на психику наступающих. Потерь же наносили относительно немного. Скоро наши воины перестали обращать внимание на этот искусственный шум и успешно громили противника» [135] (с. 324).

Судя по опыту общения с немцем в период последней с ним войны, такая же весьма обманчивая «жажда жизни» руководила пруссаками и во времена Фридриха II: их выстрелы имели своей целью именно отпугивание противника, но уж никак не направлены на его поражение. Страх заставлял их производить свой выстрел побыстрее, в надежде, что лишь звуки визжащих пуль заставят противника не только остановиться, но и ретироваться.

Производилась же эта пальба, обычно, со стометрового расстояния. Такая поспешность диктовалась страхом, что с выстрелом противник может опередить. Но эта тактика немцам помогала лишь в войне с турками, австрийцами и иными басурманами. Однако же совершенно не вязалась в войне с русскими. Ведь именно резкий бросок на врага, в ответ на произведенный им выстрел, когда он оставался с пустыми стволами, и давал возможность сблизиться и произвести, при необходимости, свой выстрел уже в упор. Потому на учениях суворовские солдаты бросались в штыковую именно со стометрового расстояния.

Такая тактика была всегда наиболее близка русскому человеку по духу.

Но она не претерпела каких-либо особых изменений и по сию пору, сильно запомнившись в очередной раз битому нами немцу в качестве «черной смерти», как они именовали атаку морской пехоты. Потому именно с русским солдатом связана и сама тактика Суворова, среди многочисленных своих сражений не знающего ни одного поражения.

Вот как выглядит послужной список его побед в самой наименее нам известной войне — против поляков:

«2 сентября Суворов доносил генералам Веймарну и Нумерсу, что, выйдя из Бреста в составе роты гренадер и 36 драгунами, при 2 пушках, и присоединив к себе на пути следования Каргопольского карабинерного полка ротмистра Кастели, с 50 чел. карабинеров и до 30 человек казаков, напал при деревне Орехове на польских конфедератов под командою Пулавских и разбил их... У Суворова выбыло из строя человек до 10, тогда как противник потерял убитыми до 300 человек и пленными: 1 майора, 2 ротмистров и 40 человек нижних чинов» [133] (с. 249).

И это все притом, что поляки имели восьмикратный перевес в живой силе. Перед началом атаки:

«...Суворов определил, что тремстам двадцати его солдатам противостоит не менее двух — двух с половиною тысяч...» [134] (с. 110).

Но соотношение сил и в последующих сражениях выглядело не в пользу нашего прославленного полководца. Однако ж соотношение потерь вновь — даже не просто удивляет, но шокирует. Суворов:

«12-го сентября при местечке Столовичи одержал победу над литовскими войсками под командою гетмана графа Огинского, силой до 4 000 человек. Потери противника: убито до 500 человек; взято в плен... нижних чинов 273... кроме того отбито 435 человек нижних чинов Легионного корпуса, которых ранее всего гетман Огинский захватил в плен. С нашей стороны урон незначительный: из 822 человек, бывших под командою Суворова, убито 8 чел. и ранено 38 чел» [133] (с. 251).

Причину такого успеха и до сих пор не понял никто. Однако ж факт остается фактом:

«Победа была неправдоподобной: восемьсот суворовских воинов разгромили трехтысячное войско. Под впечатлением случившегося Суворов писал Кречетникову: “Простительно, если вы, по первому слуху сему, сомневаться будете, ибо я и сам сомневаюсь; только правда”. Сомневался поначалу и Веймарн, глубоко уязвленный самовольством Суворова. Огинский жаловался, что его разбили “не по правилам”» [134] (с. 130).

Однако ж правило на этот счет было одно: Суворовская *наука* — *побеждать*.

«Как и во многих других боях с конфедератами, на главных участках здесь стояли суздальцы, приученные к штыковому бою.

Столовичская битва сделала Суворова известным в Европе. Сам Фридрих II обратил на него внимание и рекомендовал полякам его остерегаться» [134] (с. 130).

Но отписывать рекомендации было уже поздно. Страх быстрой и постыдной смерти слишком ощутимо уже утихомирил любовь поляков к себе, и по сию пору все так же доходящую до самообожествления. А потому:

«Конфедератское движение шло на убыль» [134] (с. 130).

Тут все ясно: хоть и любят ясновельможные паны и поверховодить, но лишь в том случае, когда это не грозит им потерей и еще более драгоценного, что у них имеется, — их жизни.

Однако же 23 года спустя панство, недовольное изъятием у него власти, заручившись поддержкой коалиции враждебных России государств, вновь взялось за старое. Они, судя по всему, совершенно забыли, что, кроме самохвальства, каких-либо аргументов перед русским воинством никогда не имели и не имеют. Суворов напомнил им это весьма приобиденное обстоятельство:

«Выступив 14 августа 1794 г. с корпусом из Немирова к Варкович и далее через Луцк, Ковель, м. Выжву на Кобрин, 3-го сентября в местечке Дивине передовою казачьею командою разбил польскую регулярную партию численностью более 200 чел., из коих спаслось не более 30 чел., остальные убиты и в плен взято 16 человек при одном офицере, 4 сентября на рассвете атаковал находившийся в м. Кобрине польский отряд генерал-майора Рушица в составе до 400 (500?) человек и нанес ему полное поражение, спаслось не более 50 человек, в плен взято 8 офицеров и 83 нижних чина. Наши потери в обоих случаях: 1 убит и ранены 3 казака. 6-го сентября, вступив в бой с корпусом Сераковского, силою свыше 16 000 человек при 28 орудиях, после 6-ти часового сражения разбил его. При незначительном уроне с нашей стороны, противник потерял до 3 000 убитыми. Преследуя затем этот корпус, 8-го сентября, в окрестностях Бреста, после 8 часового сражения, нанес ему решительное поражение, причем из числа неприятельских войск спаслось не более 150 человек, в плен взято несколько сот человек и отбито у противника 28 орудий...

15 октября под местечком Кобылки атаковал поляков численностью в 5 000 человек и после 5-ти часового боя нанес полное поражение, взяв в плен королевского генерал-адъютанта Бышевского, 49 штаб- и обер-офицеров, более 800 человек нижних чинов...

24-го октября после 3-х часового штурма Праги овладел ее ретраншементами. Из числа более 26 000 защитников ее положено на месте до 12 000, потонуло в Висле и бежало до 4 000, остальные же 10 000 с лишком и при том 3 генерала, 23 штаб- и до 250 обер-офицеров взяты в плен; кроме того взято 72 пушки 29-го октября занял город Варшаву» [133] (с. 257–259).

Так всего за два с половиной месяца будущий генералиссимус расправился с восставшим на нас очередным враждебным государством, поддержанным Турцией, Швецией и Францией. А уже:

«10 ноября 1794 года за № 572 Суворов сообщил генерал-аншефу князю Н.В.Репнину: “Кампания кончена, Польша обезоружена. Инсургентов нет!”» [133] (с. 259).

Молниеносный удар по французам на Апеннинах был эффектен не менее. Мир превозносил выдающиеся победы над сильным врагом Суворова-Рымникского:

«...в четыре месяца избавившего всю Италию от безбожных ее завоевателей...» [133] (с. 263).

К чести откомандировавшего сюда для ведения военных действий Российского императора Павла I следует сказать следующее:

«Поручая ведение войны Суворову, Император предоставил ему полную свободу и сказал ему: “Веди войну как знаешь” — и предписал корпусным командирам не писать Императору ничего мимо фельдмаршала» [225] (с. 214).

Битый им при Нови генерал Моро так характеризует Суворова:

«Что можно сказать о генерале, который обладает стойкостью выше человеческой, который погибнет сам и уложит всю свою армию до последнего солдата, прежде чем отступит на один шаг?» [134] (с. 444).

Однако ж Суворов, хоть и штурмовал практически неприступные позиции, все же предпочитал такому вот изобретенному непонятливым французом самоубийству пусть и трудную, но все же победу, которую и одержал:

«Крайнее упорство и ожесточение сражающихся сделали бой исключительно кровавым. Союзники потеряли до восьми тысяч человек, французы — более десяти тысяч...» [134] (с. 444).

К десяти тысячам убитых французов, среди которых оказался и сам главнокомандующий армией, сподвижник Бонапарта генерал Жубер, следует приплюсовать 4 600 плененных французов, среди которых генералы: Груши, Колли и Партоно. То есть общий баланс потерь выглядит следующим образом: войска союзников, где среди атакующих колонн австрийцев было даже несколько более чем русских, потеряли 8 тыс. чел., а обороняющаяся на прекраснейших неприступных рубежах французская армия потеряла в этой битве 14,6 тыс. своих солдат. И если у нас потеря в генералитете не обнаружилось, то пытающаяся защититься от «генерала вперед» сторона потеряла 4-х генералов, включая и самого главнокомандующего.

И вот теперь, после очередной победы Суворова, уже замаячила изобретенная революцией гильотина у шеи самого красного петуха, раздувшего масонский переворот. В этот самый момент Наполеон, судя по всему, получил титул императора братства Луксор. Потому против Суворова теперь ополчился уже весь свет. И австрийцы предали русские войска совершенно откровенно:

«...императору Павлу Петровичу изменил... кабинет великой, могучей Австрии, или, что все равно, правитель ее, министр Тугут с его гофкригсратом! Нет, это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупостей, разумное, рассчитанное...» [134] (с. 472).

Но когда наши войска были заведены своими липовыми «союзниками» на край гибели и когда оставалось лишь сдаться на милость врага, в лучшем случае — предпринять позорную ретираду, Суворов, не знающий поражений, обратился к своим войскам:

«Русские и я никогда не отступали. У нас осталось мало сухарей. Еще меньше зарядов и патронов. Мы окружены горами. Мы окружены врагом. Сильным, возгордившимся победой, устроенной коварной изменой... Мы на краю пропасти. Но мы — русские! С нами Бог!» [132] (с. 460).

На что получает ответ вполне достойный наших витязей, некогда защищавших Трою и «злой» город Козельск:

«Пусть не шестьдесят, а сто шестьдесят тысяч станут перед нами! Пусть горы втрое, вдесятеро, — мы победим! Все перенесем, не посраим русского оружия! А если падем, то умрем со славою! Веди куда думаешь!» [132] (с. 461).

«Мы вышли от Александра Васильевича, вспоминал далее Багратион, с восторженным чувством, с самоотвержением, с силою воли и духа: победить или умереть, но умереть со славою — закрыть знамена наших полков телами нашими. И сделали по совести, по духу, как русские... Сделали все, что только было в нашей

высшей силе: враг был повсюду бит, и путь наш через непроходимые до того, высочайшие, снегом покрытые горы нами пройден. Мы прошли их, не имея и вполовину насущного хлеба, не видев ни жилья, ни народа, и все преодолели, и победили природу и врага, поддержанного коварством союзного кабинета, искренним другом нам называвшегося. Мы перенесли и холод-чичер, и голод. У нас до местечка Кур не было ни прута лесу, не только для обогрева в это дождливое осеннее время, но даже и для того, чтобы согреть чайник. Грязь со снегом была нашей постелью, а покровом — небо, сыпавшее на нас снег и дождь. Гром, раздававшийся над нашими головами и гремевший внизу, под нашими ногами, был вестником нашей славы, нашего самоотвержения. Так мы шли, почти босые, через высочайшие скалистые горы без дорог, без тропинок, между ужасных водопадов, через быстротоки, переходя их по колено и выше в воде. И одна лишь сила воли русского человека с любовью к отечеству и Александру Васильевичу могла перенести всю эту пагубную пропасть...» [134] (с. 473–474).

И они дошли. Пусть не все, но дошли. И стоящего на их пути Массену разбили вклочья, чуть не взяв в плен и его самого, прихватив себе в трофеи даже с его личного плеча погон. Да и иного врага, пытавшегося преградить дорогу, порубали приизрядно. Потому никто в мире так и по сию пору не смеет обвинить Суворова в трусости или некомпетентности: он сделал возможным совершенно невозможное. Ведь преданный липовыми нашими на тот момент союзниками он перевалил через горные хребты, через которые не то что люди не ходят, которые не перелетают и орлы. Его армия, что и естественно, к такому походу была совершенно не готова. Но не готова чисто технически, но отнюдь не морально.

Вот что писал ему по поводу одержанных в столь необычных для русского человека условиях побед император — Павел I:

«Побеждая повсюду и во всю жизнь Вашу врагов Отечества, не доставало еще Вам одного рода славы — преодолеть и самую природу! Но вы и над нею одержали ныне верх. Поразив еще раз злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников...» [132] (с. 476).

Здесь сообщается как о безбожных французах, так и их сообщниках, возложивших на себя исполнение союзнического долга — австрийцах, оставивших Суворова в горах без провианта и боеприпасов совершенно сознательно заведя его армию в непроходимые ущелья, сквозь которые он, всем на удивление, все-таки прошел. И не просто прошел, но и разбил противостоящие ему безчисленные армии врага!

Мало того, когда Суворов, невзирая ни на что, уже пробился в Гларус, то его ждало новое предательство:

«Генерал Линкен безо всякой на то причины покинул долину реки Линта и отступил в Граубинден. Приходилось думать теперь не о том, как поправить дела союзников в Швейцарии, а о том, как спасти честь и славу России, как сохранить от поражения и истребления оставшиеся войска» [134] (с. 482).

И самый последний бросок довершил этот безсмертный поход русского равнинного войска, не имеющего никакого горного снаряжения, по ледяной высокогорной стране, непроходимой и в летний сезон, но пройденной русским войском осенью:

«После полуночи 25 сентября 1799 года войска снова тронулись в путь через перевал Паникс, где снежный покров достигал полуметровой глубины. Вверх на высокий хребет извивалась тропинка, допуская движение только в одиночку. С вершины, куда ни глянешь, простиралась в виде огромной снежной пустыни Граубинден и Тироль. Сырой, густой туман обнимал бредущих солдат, дождь и снег сыпья сыпали, а сильный ветер валил с ног. Ночь с 25-го на 26-е, проведенная большей частью войск на перевале Паникс, была особенно страшной. Каждый ютился как мог...» [134] (с. 482).

То есть русские солдаты ночью были застигнуты среди снегов и ветра в давно изодранной мокрой обуви и одежде, при полном отсутствии какой-либо возможности хоть немного обогреться. И те, кто в эту ночь заснул, *тот уже больше не проснулся*. Можно было только лишь, дрожа от холода, голода и валящей с ног страшной усталости, скорчившись на снегу дрожать и ждать, ждать, ждать спасительного рассвета...

Непонятно одно: как такое количество людей одновременно смогли выдержать эту ночь и на утро все же докончить начатый ими путь!

«Спуск с Паникса после морозной ночи сделался еще труднее подъема. Ветер сдул весь снег с лощины, обнажив на скалах тонкий слой льда. Десятки солдат, скользя, падали в пропасти и гибли. В лощинах приходилось идти через реки по колено в ледяной воде... Ни крошки пищи уже не имелось...

...Сквозь слезы глядел старый полководец на своих чудо-богатырей — босых, раздетых, изможденных, — и губы его шептали:

— Альпийские горы за нами: ура! Орлы русские облетели орлов римских!

Длинный список таких побед, как Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил, Прага, Ада, Треббия, Нови, был блестяще завершен бессмертным швейцарским походом» [134] (с. 482–483).

Так что победа русского оружия и здесь была всеобъемлющей и для попытки понимания совершенно необъяснимой: русский меч насквозь пронзил нам ранее совершенно неведомые горы, которые и местные-то жители просто не имели возможности преодолеть — ведь в случае ночлега приходилось бы останавливаться на снегу. А в те времена, когда обогрев был возможен лишь при пламени костра, такое было даже и технически невозможно.

Но русскому человеку было возможно все! Потому он вышел из этого смертельного положения не просто живым, но и непобедимым, по пути наголову разгромив неприятеля, пытающегося зажать его в тиски своих бесчисленных армий.

И это не могло не повергнуть всех наших врагов просто в шок — их предательство заставило нас лишь более ответственно подходить к выбору союзника.

Однако ж сам наш император Павел был связан с масонством. Потому его ликование вскоре сменилось на совершенно ни с какой позиции непонятную немилость. Которая может быть понята лишь с одной позиции: Наполеон в табели о рангах среди масонов встал на ступеньку выше Павла I. И лишь этим может быть объяснена та столь странная немилость, которой так неожиданно и по такой пустяковой видимой причине подвергся единственный за всю историю войн никем так и непобедимый полководец.

Так что и император, вроде бы некоторое время благоволивший Суворову, оказался таким же врагом, как и императрица Екатерина II, тоже периодически проявлявшая к Суворову интерес, но всякий раз, когда опасность уходила в сторону, устранявшая его с дороги облаканных ей вельмож.

Суворов, судя по всему, как истинно православный человек, был чужд им обоим.

Но кто же из приближенных ко двору царедворцев был хоть сколько-нибудь духовно близок Суворову? Неужели же двор в XVIII в. был разделен лишь на две партии: вольтеррианцев и масонов? Неужели Суворов лишь в единственном числе представлял собою ту третью силу, которая являлась стороною полностью отсутствующей в высших эшелонах власти: как в петровскую, так и в наследующую ей октябрьскую революцию?

Поинтересуемся мнением единственного исключения из этих двух революций — генералиссимуса Суворова:

«Среди приближенных императора [Павла I] Суворов выделил умного и честолюбивого Ф.В.Растопчина... С ним делился славный полководец своими планами войны...» [134] (с. 367).

Это долгожданный ответ на вопрос: кем являлся Растопчин. Он, как теперь выясняется, был вторым, после Суворова, во всем государстве человеком, стоящим на пути у масонства, рвущегося к мировому господству. Вот за что он был не в чести как во времена царей с масонской ориентацией, так и во времена большевиков, впоследствии пришедших к власти с помощью все той же тайной организации. Он, как оказывается, представлял собою ту третью силу, которая в споре между красными и белыми (или желтыми и красными) всегда являлась той стороной, на которую и производилось нападение: как из одного, так и из противоборствующего лагеря.

Но нам теперь становится уже более ясна позиция Растопчина, на которого, с целью реабилитации Кутузова, сдавшего врагу Москву, революционерами вылит целый ушат помоев.

Но имелся и еще один человек, на которого Суворов полагался всецело. Это его родной сын Аркадий.

«...Суворов-младший с юности отличался умом, благородством, прямодушием и храбростью, приводившей в восторг самых отъявленных смельчаков» [134] (с. 440).

Он сопровождал своего отца в итальянском походе и, несмотря на свою молодость, чести Суворова не замарал.

Конечно же, генеральский чин, выданный Павлом I-м мальчику, несколько настораживает. Однако же пройти сквозь Альпы мальчику, пусть и в генеральских погонах, что еще куда как более ответственно, чем обыкновенным рядовым, это уже поступок. Но в подтверждение его не случайности следует обратиться и к иному фактору, не менее того говорящему о внутреннем содержании рассматриваемого нами человека. Точку над чьей-либо жизнью всегда расставляет смерть. И вот что сказано о том, как принял ее Аркадий, достойный сын своего отца, и здесь не посрамивший чести величайшего за всю историю полководца:

«Он был кумиром солдат и, начальствуя над дивизией, двадцати пяти лет от роду утонул, спасая рядового» [134] (с. 440).

Тем же отличается и смерть Суворова-отца. Он умер:

«...в воскресенье 6 мая...» [132] (с. 486).

И вот, спустя неделю:

«Хоронили Суворова в субботу, 12 мая» [132] (с. 489).

Удивительной сохранностью почившего тела: вот чем отличается русский человек от инородца! Что и фиксируется фактом сохранности тела генералиссимуса в тот период, когда наружная температура воздуха возможности сокрыть гниение не предоставляет. А ведь к Суворову всю эту неделю шли прощаться бесконечные толпы петербуржцев. Это подтверждает полную невозможность какого-либо здесь подвоха, который могла, в те времена, для своих быстро начинающих смердеть тел, предусматривать знать, пряча тела почивших в разврате грешников куда-нибудь в холодный подвал.

Потому не доверять гению Суворова у нас просто не имеется каких-либо оснований. В том весь он. И в том все живущие на нашей земле люди, оставшиеся верными его идеалам. Той самой части суши, которая именуется: Русская Земля. То есть подножие Престола *Русы*. И настоящему *русскому* человеку, способному с честью сложить голову *за други своя*, то есть за исповедников Бога Русы, наследников *Славы* Его *Слова* — русских людей, не подобает покоряться под басурманские верования и идоложертвенные обычаи. Но свято хранить обычаи свои. Ведь именно их защитники, что и заложено в нетлении их тел, своею жертвенностью уподобились Тому, Кто,

пожертвовав Собою, спас мир, за что и именуется: Спаситель. Потому, в уподобление Христу, их памяти воздается *слава*.

Но лишь в том случае, если ими используется при этом самое главное: **СЛОВО**.

И вот как оно отображает генералиссимуса, прославившего русское оружие:

СУВОРОВ — *вручивший роду людскому силу самого главного*.

Так что является основным составляющим русского оружия?

СЛОВО — *концентрация силы самого главного*.

Так что все же имеется в русской истории ориентир, на который и следует ровняться.

Но имеется в русской истории и иной ориентир. Это царствование грозного для врагов Отечества Царя.

Глобализация XVI века

«Если присмотреться, то станет ясно, что все основные черты европейской колонизации в Азии, Америке и Африке полностью совпадают с главными тенденциями современного глобализационного процесса; локальные войны с применением современных, недоступных противнику, видов вооружений; разрушение государственных и социальных структур на захваченных территориях; овладение природными и трудовыми ресурсами; уничтожение “излишков” (не задействованных в производстве) населения; рабство и резервации для оставленных в живых; использование местной элиты для достижения своих планов.

Не покрывив против истины, можно назвать “эпоху географических открытий” началом выхода “тайны беззакония” из тайников талмудизма и оккультизма на авансцену истории, тем более, что примерно в это же время (XIV–XV вв.) происходит принципиальное изменение в религиозной, социальной и культурной жизни Европы, которые завершили перерождение европейской цивилизации из христианской в так называемую иудео-христианскую, ставшую питательной почвой для современной глобализации.

Таким образом, в XV–XVI вв., когда в Европе победило “новое” — каббалистическое — мышление, а сама Европа стала мировым гегемоном, сложились как идеологические, так и геополитические предпосылки ныне завершающегося процесса глобализации. Не трудно заметить, что сам процесс растянулся на пять столетий. Является ли эта задержка естественной, или она есть следствие каких-либо препятствий на пути “европейского прогресса”?

* * *

Тут надо вспомнить, что подавляющее большинство православных народов, и их духовных наставников — святых, просиявших в православных поместных Церквах, в том числе и древние святые (прп. Иоанн Дамаскин), ожидали кончину мира и Второе Пришествие Христово также на переломе XV и XVI веков — в 1492 году, когда исполнялась седьмая тысяча лет от сотворения мира. Но кончина мира не состоялась, она была отодвинута волей Всевышнего.

И не последней причиной тому было возникновение Третьего Рима — Православной удерживающей империи» [151] (с. 8–9).

Русское Царство, удерживающее приход антихриста, как нами выяснено, существовало еще задолго до этого. Однако ж вышеприведенный момент, когда лишь

Россия могла открыто противостоять глобализации, указан не случайно. Его и разберем.

Русь к началу царствования Ивана Грозного была зажата в тиски враждебных ей государств. И для защиты Отечества от участвовавших набегов соседей:

«...была создана крупнейшая по численности армия в Европе. Она насчитывала 250–300 тыс. человек, что составляло примерно 3% от всего населения» [158] (с. 126).

Но и не только в количественном отношении величайшую в Европе армию создал Иван Грозный, но и самую оснащенную «огневым нарядом». Мало того, прекрасно обученным стрельбе по целям персоналом артиллерийских орудий:

«Отличную выучку проявляли русские пушкари. Так при осаде Пскова в октябре 1581 г. секретарь королевской канцелярии Я.Пиотровский писал: “Мы стреляли хорошо, а русские оплачивали нам десятикратной порцией. Откуда у них такое изобилие ядер и пороха? Наши раз, а русские десять и редко без вреда!”» [158] (с. 140).

И это все притом, что нам тогда пришлось воевать сразу на несколько фронтов!

Вот какое впечатление на поляков оказал лишь один вид нашего грозного города-крепости:

«“Какой большой город! Точно Париж! Такого города нет в Польше”, — восторженно любуясь Псковом, записал в своем дневнике секретарь короля» [158] (с. 167).

И в этом огромном городе с огромной, по западным меркам, по периметру крепостью, для защиты от подкопов:

«...под стенами были устроены специальные камеры-слухи, позволявшие улавливать шум земляных работ и принимать меры к их обезвреживанию. На Западе контрминные способы борьбы были применены лишь во второй половине XVII в. — почти на 100 лет позже обороны Пскова...»

Псковичи выдержали более 30 штурмов! Защита Пскова является одной из героических страниц истории русского народа» [158] (с. 169).

А вот каких успехов добился Иоанн IV в боях за Полоцк:

«Боевыми действиями под Полоцком Иван IV руководил лично. В результате методического обстрела тяжелой артиллерией участок стены протяженностью 500 м рухнул. Город сдался. Взятие в течение двух недель этой мощной крепости — свидетельство военного мастерства русской армии и превосходного оснащения ее осадной техникой» [158] (с. 161).

А вот и еще об очередном виде вооружений, который у нас тогда оказался на несколько порядков в более зрелом виде, чем у наших противников:

«Взятие Казани по праву считается первым крупным опытом ведения минной войны, искусным применением подземных минновзрывных средств. Русские инженеры задолго до Себастьяна Вобана и других французских инженеров определили величину заряда, соответствующего радиусу разрушения, чем создали предпосылки для развития минноподрывного дела» [158] (с. 159–160).

Но и иные рода войск, ведомые Иоанном IV для взятия Казани, военному делу были прекрасно обучены:

«Стрельцы применялись к местности, возводили укрытия и использовали их “против города закопаться во рвы”. Заняв позицию на расстоянии выстрела от крепости, они “недавша на стенах людем быти и из ворот вылазити”. Стрельцы активно взаимодействовали с артиллерией, прикрывая ее ружейным огнем. Падение Казани, несмотря на мужество ее защитников, что с уважением было отмечено в русских летописях, — результат согласованного действия пехоты и артиллерии...»

Взятие Казани способом ускоренной атаки отличало русское военное искусство от военного искусства стран Западной Европы, наемные армии которых при взятии

крепостей применяли постепенную атаку, т.е. действовали пассивно и длительное время. Вся осада Казани заняла 38 дней (25 августа – 2 октября).

Политические и стратегические последствия присоединения Казани были огромны. Овладение Казанью решило вопрос об Астраханском ханстве и Ногайской орде. В 1556 г. русские войска без боя вошли в Астрахань, закончив этим присоединение Поволжья и получив выход к Каспийскому морю. В свою очередь ликвидация ханств дала возможность Русскому государству открыть торговые пути в Закавказье и Среднюю Азию. На р. Терек был построен Терский городок, где стали селиться русские казаки» [158] (с. 160).

«Большая заслуга в развитии военного искусства рассматриваемого периода принадлежит Иоанну IV Грозному — государственному деятелю и полководцу...» [158] (с. 170).

«...полководческая деятельность Ивана Грозного отличалась широтой стратегических замыслов и решительностью их осуществления. При нем создается первая в мире постоянная огнестрельная пехота на национальной основе — стрельцы. Были разработаны способы и формы их использования на поле боя. Получило широкое развитие производство и применение огнестрельного оружия. Иван IV успешно руководил походами и осадами крепостей...» [158] (с. 171–172).

После блистательных побед на востоке, когда Иоанном IV малой кровью были покорены царства: Казанское, Астраханское и Сибирское:

«Сдерживаемый прежде в узких географических границах русский народ после побед Грозного Царя вырвался как бурный поток на равнины Сибири и Азии и к концу XVII века докатился до берегов Тихого океана.

Так, без сомнения, по Промыслу Божьему, возникла святорусская альтернатива западной глобализации — великая православная страна, которая стала отдельным самодостаточным миром.

По историческим меркам рост русского государства был сродни взрыву — так быстро и бурно увеличивалась его территория, народонаселение и государственная мощь. Впрочем, так же быстро росли и западные мировые империи — Испанская, Португальская и, прежде всего, Британская. Однако внешняя схожесть процесса роста Российской империи и западных колониальных гигантов скрывала под собой принципиальные различия. Если западные страны ставили перед собой задачи захвата территорий, геополитического превосходства, извлечение материальной выгоды, то Русь, как Православная империя — хранительница истины и удерживающая, имела совсем иные приоритеты.

Они проистекали из функций православного царства, являющегося внешней оградой для Церкви Христовой, способствующего ей в спасении душ человеческих через приведение их ко Христу. Западные же государства, лишившись истинной Церкви Христовой, оставались лишь безмысленной оболочкой над гибельной пустотой, действовали во имя свое, а не во имя Христово» [151] (с. 10–11).

«Две растущие силы — Запад и Россия — стали антагонистами исходя из своей глубинной сути. Христос и Россия с одной стороны, антихрист и Запад — с другой. Такова дилемма человечества в последние пять веков его существования, достигшая максимального напряжения в наше время» [167] (с. 30).

И удивительными темпами ведущая государственное строительство наша Держава никак не могла не стать на пути еще в XVI в. подготавливаемой глобализации:

«Разумеется, Иоанн никак не мог согласиться с мировой системой, при которой Россия должна была отдать Северо-запад Польше и Швеции, Поволжье — Турции, ввести на остальной территории власть императора “Священной Римской империи” и подчинить Русскую Православную Церковь папскому престолу. Именно такую цель

поставила перед собой Европа в XVI веке и почти добилась своего в Смутное время. Грозный активно противодействовал европейской политике, что сделало его врагом №1 “цивилизованного мира” и вызвало интервенцию против России, продолжавшуюся всю вторую половину XVI и начало XVII века. В ней приняли участие Польша, Литва, Швеция, Ливония, Турция, Крым, Дания, Германия, Франция, Валахия, Венгрия: кто деньгами, кто наемниками, кто дипломатическими интригами. Вдохновителем коалиции был католический Рим. Тогда же появились и стали широко распространяться в Европе многочисленные клеветнические памфлеты на русского царя и на русский народ. С.Ф.Платонов писал: “Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперов на Балтийском море поразило среднюю Европу. В Германии «московиты» представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листовок и брошюр... В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник”(Платонов С.Ф. Лекции по русской истории в 2 ч.: ч.1 — М., Владос, 1994, с. 200).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что сочинения того времени о России и Иоанне Грозном заполнены несуразностями и ложью, фактографическими ошибками и неверными датировками. Творцами мифа о «тиране» на русском престоле были такие одиозные личности, как изменник Курбский, инспирировавший вторжение на Русь 70.000 поляков и 60.000 татар; протестантский пастор Одерборн и католик Гуаньино, написавшие свои пасквили далеко от места событий — в Польше и в Германии; папский нунций А. Поссевин, организатор польской агрессии против России; имперский шпион Штаден, советовавший императору Рудольфу как лучше захватывать русские города и монастыри; ливонские ренегаты Таубе и Крузе, продавшие всех, кому служили; английский авантюрист Д. Горсей, которому совесть заменял кошелек с деньгами. Но все же, каждый из них был современником описываемых событий и имел причины ненавидеть царя и клеветать на него.

Интереснее то, что клевету охотно подхватили люди науки, которым, казалось бы, незачем очернять Иоанна. Начиная с Карамзина, сочинившего вместо Истории России очередной сентиментальный роман, в историографии, по словам академика Веселовского, “начался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий”» [151] (с. 17–20).

Все вышеперечисленные и не перечисленные ренегаты порочат нашу историю вполне сознательно. Все они, как считает в предисловии к «посланию» Таубе и Крузе М.Г. Рогинский:

«...рисуют образ царя жестокого, любившего казнить ради одной жажды крови, извращенного, сладострастного садиста, находившего радость в пытках и издевательствах, и этот образ, благодаря Карамзину, запечатлелся и донныне в сознании каждого, лег в основу ходячей, канонической характеристики. Верен ли этот образ, был ли Грозный таким?» [345] (с. 29).

И все, повторимся, с подачи считающегося сегодня историком, а на самом деле лишь сочинителем слезливых мелодрам, писателя Карамзина.

А кем является Карамзин — известно. И организация, на которую он работал, нами уже несколько повытащена из тени. То есть силы, заинтересованные очернить Иоанна Грозного, целенаправленностью своих действий сами себя и раскрыли. А оболгать Ивана IV потребовалось именно масонству. Следовательно, именно эта организация и

вела против него ту самую войну, которая теперь густо от нашего взора залеплена тоннами грязной клеветы. Но может быть не все упрятано? Может еще можно докопаться до истины?

Что ж, будем пробовать. И самым как всегда железным аргументом в этом вопросе нам послужит статистика. В царствование Ивана Грозного:

«...население выросло на 30–50% и составило 10–12 млн. человек (Пайпс Р. Россия при старом режиме. –М., независимая газета, 1993, с. 26, с. 114)» [151] (с. 17).

И именно этот прирост позволил в следующее царствование выставить вообще астрономическую для тех времен своей численностью армию:

«Вопреки наветам, Грозный царь оставил после себя мощное государство и армию, позволившие его наследникам одержать победу в войне над Швецией и выставлять в поле полумиллионное войско (в 1598 г). В разоренном государстве такое невозможно» [167] (с. 29).

Так что если революционеры Петра имеют право похвастать уничтожением половины мужского населения России, а их наследники «славных дел» обвиняются в умерщвлении и еще 144 млн. человек, то столь бурный рост русского населения России, когда, несмотря на бесконечные войны и мятежи, население страны неуклонно растет, можно сравнить лишь с правлением Николая II, когда наблюдался прирост не меньший.

Но оба убиты революционерами. Оба же монстра революции, пришедших во имя свое, скончались от сифилиса, что также выглядит не менее символично.

Так что вот самый главный и совершенно безапелляционный аргумент: население, несмотря на непрерывные войны против мировой коалиции держав, в славную эпоху грозного к врагам русского народа Царя, не уменьшилось и даже не осталось на месте. Что уже одно слишком не вязалось бы с распушенными о нем слухами. Но слишком весомо увеличилось, чтобы это можно было как-нибудь от суда истории попытаться спрятать. Точно также и «умытому» нами немцу от страшных цифр уничтожения народонаселения своей страны в Великую Отечественную войну никуда не уйти: они и до сих пор так и не зализили полученные от русского оружия тяжелейшие за всю свою историю увечья. Статистика — вещь упрямая: изобрести можно какие угодно доблести немецких панцер-дивизион, но от густо покрывшего нашу святую землю трупов своих соотечественников немцам так никуда и не уйти.

И, наоборот, весьма ощутимая прибавка в царствование Ивана Грозного до 50% народонаселения его страны — подтверждает беспочвенность наветов на нашего самодержца.

Мы также слышаны о неких просчетах Ивана Грозного в военной стратегии, когда он якобы отказался от идущего-де ему прямо в руки Крыма, а порешил вторгнуться в Ливонию.

Однако ж вот как складывалась тогда обстановка на самом деле:

«В 1557–1558 гг. Сильвестр и Адашев усиленно подталкивали царя к войне с Крымским ханством, что означало в перспективе столкновение с находящейся тогда в расцвете сил Турецкой империей» [151] (с. 40).

А ведь в те еще времена турки находились на самом своем высоком взлете. Зачем нам было лезть воевать именно с ними?

Однако ж Адашев:

«...взял политический курс на немедленное присоединение Тавриды. Для выполнения этой задачи на русскую службу был принят польский авантюрист князь Вишневецкий» [151] (с. 40).

Тот самый, который учредит в Запорожье то странное бритоголовое воинство с чубами, которое будет затем поддерживать восшествия на православные престолы самозванцев!

Самозванцев, между прочим, слишком уж явно проталкиваемым на престолы именно с помощью масонства.

«При этом только благоразумие Грозного помогло избежать столкновения с королем Сигизмундом: царь не принял преподнесенных ему “в подарок” польских владений Вишневецкого» [151] (с. 40).

То есть масонство замышляло, развязав войну с Россией на юге, предоставить прекрасный повод для начала военных действий против нее теперь еще и со стороны Польши, тем обеспечив нам ведение военных действий сразу на два фронта. И оба фронта обязаны были стать лишь передовой, куда будут устремлены усилия армий всей Европы и захваченной турками Азии. Но наш Царь эту затею раскусил: новых верноподданных не принял. Но вражду на юге заговорщики все же развязали:

«Новый подданный Иоанна совместно с Данилой Адашевым, братом временщика, совершил набег на Крым, раздражив будущего разорителя Москвы Девлет-Гирея (Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. –М., Мысль, 1993, с 273). В то же время сам Алексей Адашев фактически сорвал переговоры с представителями Ливонского Ордена, что привело к началу военных действий в Прибалтике (Кобрин В.Б. Иван Грозный. –М., Московский рабочий, 1989, с. 54). Россия оказалась втянута в войну на два фронта, чего так стремился избежать Иоанн. Мало того, в разгар наступления в Ливонии Адашев заключает с орденом перемирие, за время которого рыцари успевают договориться с Польшей. В результате “блистательной” дипломатии Адашева Россия встретила 1560 год в окружении врагов: Крыма, Польши, Литвы, Ливонии и Швеции» [151] (с. 40–41).

Так что, даже не клонув на протянутый от Польши крючок с поживкою, Иван Грозный все равно оказался предан со всех сторон одновременно. Чего хоть и опасался, но не уберегся — пригретые им царедворцы, в точности исполнили возложенную на них миссию, предоставив возможность Западу и Востоку объединенными усилиями расправиться с Россией.

Но не тут-то было. В считанные месяцы большая часть Ливонии, о чьи крепости по замыслу заговорщиков должна была разбиться наступательная мощь Москвы, ни для кого неожиданно, перешла в руки Русского Царя. Который оказался до того милостив к побежденным, что такое не могло не послужить примером для вступления под руку России и многих иных пока еще не осаждавшихся городов:

«Вступив в Ливонию русские войска не встретили серьезного сопротивления: местное население не стремилось защищать своих немецких хозяев. Одержав часть значительных побед, русские согласились на перемирие. Более того, Иоанн простил Ливонии большой денежный долг, послуживший поводом к войне, и не стал взыскивать с побежденных контрибуцию... Явление беспрецедентное для истории войн!

...Край был присоединен к России и тут же получил особые льготы. Городам Дерпту и Нарве были даны: полная амнистия жителей, свободное исповедание их веры, городское самоуправление, судебная автономия, беспошлинная торговля с Россией. Разрушенную после штурма Нарву стали восстанавливать и даже предоставили ссуду местным землевладельцам за счет царской казны. Все это показалось так соблазнительно для остальных ливонцев, еще не завоеванных “адскими татарами”, что к осени под власть “кровавого деспота” добровольно перешли еще 20 городов (Валишевский К. Иван Грозный. –Воронеж, ФАКТ, 1992, с. 200–201). Едва ли такое

могло произойти, если хотя бы четверть приписываемых русским зверств была истинна» [151] (с. 46).

И никогда бы не предались добровольно под русское подданство эти 20 городов, если бы хоть на сотую долю верили той пропаганде, которая обязана была заставить их взяться за оружие, ополчившись против врага, вторгшегося в пределы их страны.

«Вполне понятно, что в XVI веке нашлось достаточно заказчиков и сочинители злобных баек об Иоанне не сидели без работы. Интересно то, что маститые историки XIX–XX вв. не постеснялись повторить эти явные вымыслы в своих трудах. 1560 год был объявлен ими годом превращения царя в безжалостного деспота, развязавшего кровавый террор против своих подданных.

Однако, в документах того времени нигде не упоминается ни о пытках, ни о казнях. “Политические процессы” обычно оканчивались предупредительными мерами. Опасаясь княжеских измен, Грозный потребовал от вельмож целовать крест на верность. Все присягнули. И тут же бежал за рубеж бывший протеже Адашева князь Дмитрий Вишневецкий, воевода юга России. Этот трижды предатель, изменив Польше, теперь изменил России, но, вновь не ужившись с Сигизмундом, бежал в Молдавию и, устроив там неудачный государственный переворот, попал в руки турецкого султана и был казнен в Стамбуле как смутьян и бунтовщик» [151] (с. 47).

Так почему он все же сбежал от Грозного? Почему он, заняв даже столь высокий чин воеводы юга России, все ж отправился мутить воду в другую православную страну?

В Москве, судя по всему, намечаемый им масонский заговор организовать не удалось — слишком крепка оказалась на тот момент власть Грозного Царя. Но руки чесались... Потому он и перекинулся в Молдавию.

Но вот и Курбский ударился в бег. Поступив при этом куда как более благоразумно:

«Предварительно договорившись с Сигизмундом о награде за предательство, Курбский бежал в апреле 1564 года к врагу, оставив в руках “тирана” жену и девятилетнего сына. “Жестокий царь” и на этот раз проявил благородство и отпустил семью изменника вслед за ним в Литву. Более того, после смерти Курбского его потомки вновь были приняты в российское подданство (Валишевский К. Указ соч. с. 259). Таков был ответ “кровожадного” Иоанна на измену “благородного” Курбского.

В Литве предатель был встречен прекрасно и получил во владение от польского короля город Ковель с замком, Кревскую старостию, 10 сел, 4 тысячи десятин земли в Литве и 28 сел на Волыни (Там же, с. 258). Все это надо было отрабатывать и благородный рыцарь сел за сочинение “обличительных” писем» [151] (с. 50).

Все вышесказанное подтверждено и документально:

«После того, как условия измены были оговорены, Радзивилл отправил Курбскому в г.Дерпт (Юрьев) заверенную грамоту с печатью и обещанием хорошего вознаграждения за измену. Более того, сохранилось письмо польского короля Сигизмунда II Августа, из которого явствует, что Курбский вступил в преступную переписку с поляками еще в 1562 году — за полтора года до побега, когда он пользовался полным доверием царя Иоанна и возглавлял сторожевой полк во время полоцкого похода» [167] (с. 84).

А вот чем на самом деле являлась столь всех запугавшая опричнина:

«При поступлении на опричную службу давалась клятва, напоминавшая монастырский обет отречения от всего мирского. Жизнь в этом мирском монастыре регламентировалась уставом, составленным лично Иоанном, и была строже, чем во многих настоящих монастырях. В полночь все вставали на полунощницу, в четыре утра — к заутрене, в семь начиналась обедня. Царь показывал пример благочестия: сам

звонил к заутрене, пел на клиросе, усердно молился, а во время общей трапезы читал вслух священное писание (Валишевский К., с. 380)» [151] (с. 57).

Вот что на эту тему сообщает один из его более чем явных недоброжелателей — Альберт Шлихтинг:

«...он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами» [345] (с. 28).

«В целом, богослужение занимало около 9 часов в день. Многие историки пытались и пытаются представить все это ханжеством, разбавленным кровавыми оргиями, но не могут подтвердить свои обвинения реальными фактами. Тем, кто твердит о ханжестве, предлагаем пожить “по-царски” хотя бы месяц, чтобы убедиться, что без глубокой веры такой ритм жизни просто невозможен. А ведь Иоанн жил так годами!» [151] (с. 57).

Так что и здесь мифам не соответствует вообще ни что. Царь заживо сам себя в монастырь упек. И в какой суровый режим!

А вот и миф насчет многоженства рассеивается весьма просто:

«В своем “Путешествии по святым местам русским” А.Н. Муравьев указывает точное число Иоанновых жен. Описывая Вознесенский монастырь — место последнего упокоения Великих княгинь и русских цариц, он говорит: “Рядом с матерью Грозного **четыре** его супруги...” Конечно, четыре супруги — это безусловное нарушение церковного канона. Но, во-первых, не семеро. А, во-вторых, третья супруга царя, Марфа Собакина, тяжело заболела еще невестой, и умерла через неделю после венца, так и не став царской женой. Для установления этого факта была созвана специальная комиссия, и на основании ее выводов царь получил впоследствии разрешение на четвертый брак» [151] (с. 59).

Так что никаких незаконностей, по части супружеской жизни, за Иваном Грозным не числится. И все потому что ко временам путешествий Муравьева о некоем таком историке Карамзине никто еще серьезно не говорил. И его блеф стал достоянием широких кругов общества лишь после вступления на престол царя демократа — Александра II.

А вот что сообщается о моральном облике русского народа в эпоху Ивана Грозного:

«Генрих Штаден, не питающий любви к России, сообщает, что русским запрещено торговать водкой и этот промысел считается у них большим позором, тогда как иностранцам царь позволяет держать во дворе своего дома кабак и торговать спиртным (Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Штадена. —В кн.: Иностранцы о древней Москве. —М., Столица, 1991, с. 76.), **так как “иноземные солдаты — поляки, немцы, литовцы... по природе своей любят пьянствовать”** (Гваньини А. Полное и правдивое описание всех областей, подчиненных монарху Московии... -В кн.: Иностранцы о древней Москве. —М., Столица, 1991, с. 84.). Эту фразу можно дополнить словами иезуита и члена папского посольства Дж. Паоло Компании: “Закон запрещает продавать водку публично в харчевнях, так как это способствовало бы распространению пьянства” (Компании Дж. П. Московское посольство. —В кн.: Иностранцы о древней Москве. —М., Столица, 1991, с. 88). Таким образом, становится ясно, что ливонские переселенцы, получив право изготавливать и продавать водку своим соотечественникам, злоупотребили своими привилегиями и “стали развращать в своих кабаках русских” (Валишевский К. Указ. Соч., с. 287).

...Михаил Литвин писал, что “В Московии нет нигде шинков, и если у какого-нибудь домохозяина найдут хоть каплю вина [вином в ту пору именовалась водка — А.М.], то весь его дом разоряется, имение конфискуется, прислуга и соседи, живущие на той же улице, наказываются, а сам хозяин навсегда сажается в тюрьму... Так как московитяне воздерживаются от пьянства, то города их изобилуют прилежными в разных рода мастерами, которые, посылая нам деревянные чаши... седла, копыя, украшения и различное оружие, грабят у нас золото” (Михалон Литвин. О нравах татар,

литовцев, и москвитян. – В кн.: Иностранцы о древней Москве. – М., Столица, 1991, с. 92)» [151] (с. 68–69).

То есть, приписывая нам чуть ли уж ни какой-то такой «фамильный» алкоголизм идеологи марксизма лгут. Пьяной и бездельной, как выясняется, была сама заграница, о чем сама же частенько и проговаривается.

Но лишь неусыпными стараниями масонствующего царя, Алексея Михайловича, укореняется эта зараза и у нас. Кильбургер свидетельствует:

«Водка принадлежит собственной царской торговле... Эта торговля ежегодно много приносит царю в казну» [230] (с. 117).

Но вот подошел момент возможности проведения медицинской экспертизы тела усопшего монарха и его сына. Советской науке, что и понятно, не терпелось найти доказательства смерти сына Грозного от руки его отца. Но вскрытие усыпальницы привело к совершенно противоположному заключению экспертов:

«В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были открыты четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Ивана, царя Феодора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского. При исследовании останков проверена версия об отравлении Грозного. В костях царя Иоанна и царевича Ивана Ивановича было обнаружено наличие ртути, намного превышающее допустимую норму (Кобрин В.Б. Указ. соч. с. 171)» [151] (с. 96).

То есть оба они оказались отравлены. И умерли при одинаковых обстоятельствах:

«...о болезни царевича известно только то, что она длилась от 4 до 10 дней» [151] (с. 96).

Считается что он:

«...скончался от “горячки”» [151] (с. 96).

И если смерть царевича на себя никто не взял, то убийство Грозного было predetermined послем иностранного государства:

«...о смерти Иоанна... в августе 1582 года А. Поссевин в отчете Венецианской Синьории заявил, что “московскому государю жить не долго” (Валишевский К. Указ. соч., с. 390). Такое утверждение тем более странно, что по словам Карамзина, до зимы 1584 года, то есть еще полтора года после “пророчества” Поссевина у царя не было заметно ухудшение здоровья (Карамзин Н.М. Предания веков. – М., Правда, 1987, с. 637). Чем можно объяснить уверенность иезуита в скорой смерти царя? Только одним — сам папский посол и был виновником кончины Иоанна» [151] (с. 96).

Так что противостоящая Иоанну Грозному сторона даже и не скрывала своей причастности к травле ядами препятствующего глобализации монарха. Но и все симптомы последней болезни Царя свидетельствуют о том же:

«Тело государя распухло и дурно пахло “из-за разложения крови”(Валишевский К., с. 390).

Подводя итог, можно сказать, что царь болел около 10 дней и перед смертью у него были признаки отравления парами ртути: распухшее тело и дурной запах говорят о дисфункции почек, на которые пары ртути действуют в первую очередь, что и приводит к анурии — прекращению выделений из организма. Теплые ванны способствовали частичному освобождению организма от вредных веществ через поры кожи и после них царь чувствовал некоторое облегчение. Но это не устраивало тех, кто стремился к его смерти, и, как пишет очевидец событий Д.Горсей, Иоанн был убит (Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея. – В кн.: Иностранцы о древней Москве. – М., Столица, 1991, с. 121) [151] (с. 97).

«Смерть царя ускорило отравление...» [188] (с. 30).

Однако ж яд монарха до конца так и не убил, потому заговорщики:

«...для верности еще и придушили свою жертву...» [188] (с. 30).

Также они поступили и с наследником:

«Царевич Иван тоже болел около 10 дней, ухудшение состояния его здоровья тоже наступило неожиданно, в пути, и в его скелете также обнаружено высокое содержание ртути. В кончине отца и сына чувствуется одна и та же безжалостная рука» [151] (с. 97).

Но не только отец с сыном были устранены масонами на пути глобализации. Вся семья Иоанна IV оказалось отравлена теми же ядами:

«...исследования, ведущиеся с середины 1990 годов, доказали факт отравления практически всей семьи царя Иоанна IV. Его мать, Великая княгиня Елена († 1538), первая жена, Царица Анастасия († 1560), Царевна-младенец Мария, Царевич Иван Иванович († 1581), Царь Федор Иоаннович († 1598) были отравлены мышьяком и ртутью (Бабиченко Д. Непредсказуемое прошлое//Итоги 17.09.2002; Панова Т. Пора, пора, уж подан яд...//Знание — сила, №12, 2000; Панова Т. Уж приготовлен яд, пощады не проси... Знание — сила, №7, 1998; Ячменникова Н. Яд из Кремлевской гробницы//Российская газета (http://www.rg.ru/Anons/arc_2001/0223/7.shtm).

Таким образом, выясняется, что царскую семью травил на протяжении 60 лет!» [151] (с. 101).

Однако ж если жены Царя умирали одна за другой, то сам Иоанн Грозный всегда оставался цел, потому как исключительно к таким как он и обращены евангельские слова:

«И ЧТО СМЕРТНО ИСПИЮТ, НЕ ВРЕДИТ ИХ» [Мк 16, 18].

Тому подтверждением:

«...мощи Царя Иоанна были единственными среди эксгумированных, которые сохранились почти полностью...» [151] (с. 104).

Это ответ на вопрос: почему он пережил мать, трех царевен, дочь и сына. Ведь в него отравы вливалось ничуть не меньше, чем во всех перечисленных, умерших от яда. Он же, назло врагам, продолжал бодрствовать. И эту удивительнейшую стойкость к яду подтверждает и удивительнейшая нетленность его тела:

«...сохранность Царских останков просто поразительна. Хорошо сохранился даже щитовидный хрящ гортани, что дало ученым основание отказаться от версии об удушении Царя (Панова Т. Пора, пора, уж подан яд...//Знание — сила, №12, 2000).

Царь Иоанн Васильевич был похоронен в схиме, которая частично сохранилась, лучше всего вокруг головы и на груди» [151] (с. 105).

«Еще одна особенность Царского захоронения — расположение кистей правой руки...» [151] (с. 107).

Но что же и здесь может быть особенного?

«Царь-схимник Иона поднял десницу в благословляющем жесте! Подобное не часто, но встречалось в церковной истории. Например, известно, что при вскрытии мощей св. княгини Анны Кашинской в XVII веке было обнаружено, что ее рука также поднята для благословения. В Киево-Печерской Лавре, среди мощей святых подвижников находились мощи преподобного Спиридона-просфирника, чья десница поднята для крестного знамения (Из Псалтири 1904 года: “Желающий несомненно древняго свидетеля собственными очами видети, да идет в Киево-Печерскую Лавру в пещеры, к святым мощам Спиридона просфорника и узрит десницу его, яже якоже в час кончины своея троеперстно сложи ю для крестного знамения, тако сложенною пребывает и до ныне близ седми сот лет”»)» [151] (с. 107).

Что еще может быть более красноречивым при доказательстве истинной святости убитого врагами русского народа Царя Иоанна, прозванного за противодействие врагам Русской Церкви — Грозным?!

А вот и еще очередные доказательства. Экспертизой установлено:

«...пятикратное превышение количества ртути, обнаруженное в останках царя Ивана Грозного и царевича Ивана, в сравнении с количеством ртути, содержащейся в останках царя Федора и князя Скопина-Шуйского» (Алисиевич Владимир. Череп Ивана Грозного: Судебно-медицинское исследование останков Царя Ивана Грозного, его сыновей и князя Скопина-Шуйского.//Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах Московского юридического института. Вып.1. – М.: Изд-во “Юрикон”, 1993).

При всем при этом:

«...что князь Скопин-Шуйский, спаситель России от Лже-Дмитрия II был отравлен, ни у кого — ни у современников, ни у историков — не вызывало сомнения...» [151] (с. 108).

То есть Царя Иоанна, после десяти дней борьбы, не смогла убить даже доза, пятикратно превышающая ту, которой хватило для мгновенного умерщвления Скопина-Шуйского — вполне светского человека. Враги поняв, что он и на сей раз от принятого яда не умрет, порешили покончить с ним уже силою предательски поднятого на него оружия.

Потому имеются рассказы именно об убийстве, но никак не об отравлении Царя Иоанна IV.

Но и с его родственниками тайная масонская секта вела достаточно ожесточенную войну. О том подтверждают дозы яда, обнаруженные в останках их тел. Вот, например, какое безумное количество отравы позволило этой секте расправиться с совершенно безобидным человеком — маленьким ребенком. Мало того, ребенком, даже и не имеющим возможности претендовать на престол лишь в силу своего пола. В саркофаге дочери Ивана Грозного, Марии:

«...мышьяка найдено в 47 раз больше предельно допустимой нормы...» [151] (с. 109).

Но ведь и количества ртути, обнаруженного в ее останках, оказалось выше предельно допустимого в 5 раз! Так не поскупились на яд отравители для убийства совсем маленького еще русского ребенка — младенца.

Однако ж от противостоящей Православной Державе секты и всем остальным взрослым досталось ничуть не слабее. Ведь если для мгновенного убийства Скопина-Шуйского, ставшего в тот момент на дороге у Лжедмитрия II, мышьяка хватило и полуторной дозы, то вот какое умопомрачительнейшее количество отравляющих веществ обнаружено во всех иных саркофагах, относящихся к близким родственникам Ивана Грозного:

Мария Старицкая (5–7 лет), троюродная племянница Ивана Грозного: ртути две смертельные дозы, мышьяка — 101;

Княгиня Евфросинья Старицкая, тетка Ивана Грозного: ртути две смертельные дозы, мышьяка — 160;

Царевич Иван, сын Ивана Грозного: мышьяка 3 смертельных дозы, ртути — 32;

Великая княжна Мария Борисовна, первая жена Ивана III: мышьяка 3 смертельных дозы, ртути — 26;

Царица Анастасия, первая жена Ивана Грозного: мышьяка 10 смертельных доз, ртути — 3 в костях и 120(!) в волосах;

Царь Федор Иванович, сын Ивана Грозного: мышьяка 10 смертельных доз;

Великая княгиня Елена Глинская, мать Ивана Грозного: ртути одна смертельная доза, мышьяка — 10;

Царица Мария Нагая, жена Ивана Грозного: мышьяка одна смертельная доза, ртути — 15;

Великая княгиня Софья Палеолог, бабушка Ивана Грозного: мышьяка 3 смертельных дозы, ртути — 5 [151] (с. 115).

Так что война против Грозного велась на всех фронтах. Ведь даже тщательно охраняемый дом его не мог быть защищенным от проникновения в него убийц.

«После смерти Царя Иоанна в Москве восстал народ. Восставшие требовали покарать ближнего свойственника Бориса Годунова, боярина Богдана Бельского, который, по их мнению, “извел Царя Иоанна Васильевича и хочет умертвить Царя Феодора” (Татищев В. История Российская. В 3 тт. Т. 3. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – с. 722)» [151] (с. 111).

«Все свидетельства в один голос называют исполнителем преступления Богдана Бельского...» [151] (с. 111).

В этой фамилии и имя масонского бога Эля присутствует, что указывает на Бельского, как на посвященного масона. Но сама семантика закрепляет не случайно упавшее именно на него подозрение:

БЕЛЬСКИЙ — *душепагубная угроза*.

Однако ж: не пойман — не вор. Потому Бельского можно лишь подозревать в причастности к совершенному преступлению. Но для нас это не столь и важно. Ведь главным является сам факт убийства. Лишь в таком случае можно говорить о существовавшем в ту пору заговоре. А он существовал, что и подтверждает умопомрачительное количество отравляющих веществ, обнаруженное практически у всех ближайших родственников Ивана Грозного.

А вот как прослеживается травля самого Царя:

«...с отравлением Грозного Царя и его старшего сына... врагам приходилось действовать предельно осторожно, чтобы не навлечь на себя ни малейшего подозрения со стороны родственников, наследника престола и приближенных. И Государя и Царевича травили медленно, быть может, действительно на протяжении одного-двух десятилетий. Недаром Царевич Иоанн был болезненным и задумался о смерти достаточно рано — в 16 лет.

Владыка Иоанн (Снычев) пишет: “Еще в 1570 году болезненный и благочестивый Царевич... пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь... вклад в 1.000 рублей... он сопроводил вклад условием, что сможет, при желании, постричься в монастырь, а в случае его смерти его будут поминать” (Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. — СПб.: Царское дело. 1995, с. 135–136).

Интересно отметить, что незадолго до этого, в 1569 году, был раскрыт серьезный заговор против Царской семьи. “В записках иностранцев есть упоминание о якобы готовившемся Владимиром Старицким заговоре и что хотел он известить всю царскую семью именно ядом, для чего подкупил (за 50 рублей) одного из царских поваров” — пишет Т.Д.Панова (Панова Т. Указ соч.). Этот момент и может служить точкой отсчета — ведь неизвестно, удалось или не удалось подсыпать яд. В этом же, 1569 году умирает вторая жена Царя, Мария Темрюковна, и Государь считает, что ее отравили. Сам Царь испытывает затруднения со здоровьем, а шестнадцатилетний Царевич болеет и задумывается о смерти» [151] (с. 117).

«Около года тяжело болела Царица Анастасия. Тяжесть болезни и относительно короткий (по сравнению с Царем и Царевичем Иоанном) срок болезни вполне объясним гигантским количеством ртути, обнаруженным в ее останках (до 120 предельно допустимых норм). Но выявлено также и 10-кратное превышение по мышьяку. Видимо, убийцы торопились довести свое черное дело до конца, и ускорили смерть Царицы мышьяком» [151] (с. 118).

Но как такую просто потрясающую живучесть Царицы можно объяснить?

Так ведь уклад жизни тех эпох Русских Царей мало чем отличался от монастырского. А так как отравителей всегда у трона было в переизбытке, то ни для кого не было секретом, что от преждевременной смерти можно было спастись лишь одним единственным методом: постом и молитвой. И именно по этой причине чуть ли ни каждый второй наш Великий князь упоминается не иначе как *святой* и *благочестивый*. В том числе и потому, что в те времена на Руси раскрепостно знали про вскрываемую нами тему главное: «и что смертно испиют не вредит им».

Потому 120 смертельных доз для Царевны оказалось все же маловато! Потому, дабы ускорить задуманное мероприятие, к уже долгое время впрыскиваемым просто колоссальным дозам ртути пришлось добавить еще и 10-кратное количество смертельной дозы мышьяка, которого Скопину-Шуйскому хватило лишь полторы дозы!

Но кого же можно заподозрить в отравлении Царицы?

Вячеслав Манягин сообщает, что:

«В связи с этим можно вспомнить, что за полгода до смерти Царицы охлаждение отношений между Царем и его советниками, Сильвестром и Адашевым, достигло своего апогея. Именно два этих временщика были проводниками при дворе боярско-княжеской олигархической политики. Они же были близки к Старицкому князю Владимиру Андреевичу (двоюродному брату Царя) и князю-предателю Курбскому.

Именно высокородные покровители временщиков не желали во время тяжелой болезни Царя присягнуть на верность его первому сыну, царевичу Дмитрию, утонувшему затем при загадочных обстоятельствах» [151] (с. 119).

Вот, кстати говоря, еще и его ко всем отравленным следует присовокупить. Ведь для того, чтобы утопить наследника престола одной преступной халатности — маловато будет! Здесь чувствуется безжалостная рука все той же организации, так настойчиво стремящейся устранить династию, неудобную объединенной Европе.

И все вышеперечисленные умышленные убийства и отравления происходили в период очень длительного времени:

«...царскую семью травили на протяжении 60 лет!» [167] (с. 156).

И все это, судя по всему, связано все же с появлением на Святой Руси, аккурат к нами затрагиваемому времени, ереси жидовствующих, своими инициациями и мероприятиями очень напоминающей масонство.

Но ведь интересно же хоть попытаться приблизиться к разгадке этой спрятанной за толщей веков тайны: кем являются действующие в той древней трагедии персонажи.

Потому определяем вышеназванных лиц на семантическое звучание их фамилий:

АДАШЕВ — *внедряющий силами бесовскими число зверя.*

КУРБСКИЙ — *с блеском разрушающий единение.*

Ну, тут что скажешь? Все четко и недвусмысленно. А для описания предательской деятельности Курбского точнее фразу и не подыскать.

А вот с ваятелем Домостроя здесь все выглядит несколько иначе:

СИЛЬВЕСТР — *разрушитель сути знания душ небесных губительства.*

То есть он, получается что, выглядит реабилитированным. А тут, собственно, до его дел мирских, где он вполне мог в чем-то и ошибаться, нечего придирается: весь смысл его существования заключается в созидании им общего свода правил поведения русского человека — «Домостроя». Ведь лишь одна эта книга, в плане эстетического строительства Древней Руси, стоит деяния всей той эпохи. Которая, между прочим, несмотря на удивительнейшую энергичность Царя, никаких территориальных прибавок нашему Отечеству тогда так и не принесла. И все потому, что в плане наступательном ни на запад, ни на юг войску Ивана Грозного продвинуться так и не удалось: коалиция враждебных государств это сделать не позволила. И лишь первые успехи Царя так и

остались закреплены за нашей Державой. Потому войны Иоанна Грозного следует рассматривать именно как оборонительные, а не как наступательные. А вот Сильвестр желаемого результата достиг: его «Домострой» является вершиной общежительского закона взаимоотношений между людьми.

А как же быть с Борисом Годуновым, чья неслыханно бурная карьера удивляет и настораживает?

Пробуем определить:

«Предком будущего царя был костромской вотчинник XIV века Дмитрий Зерно» [151] (с. 133).

ЗЕРНО — *отрицание разрушения земли.*

ГОДУНОВ — *внедряющий отрицание дутого главенства.*

И именно эта фраза сочетается со всей его деятельностью, из числа известной нам доподлинно. В том, в чем его обвиняют, он, судя по всему, вовсе не повинен. Просто стоящие за его спиной силы сделали все возможное, чтобы измарать в причастности к своим преступлениям даже и его.

А вот где видны корни появления отравителей на святой Руси. Они упираются в ересь жидовствующих:

«Именно появление этой ереси в Московском Кремле вызвало династический кризис конца XV — начала XVI вв., когда в противоборство вступили две линии потомков Великого Князя Ивана III: от первой жены, Марии Тверитянки, и от второй — Софии Палеолог. Нет никаких причин сомневаться в том, что и в последствии представители ереси жидовствующих пытались сыграть на разногласиях в Великокняжеском (и Царском) семействе» [151] (с. 121).

То есть несколькими соборами осужденная ересь так до конца выкорчевана и не была.

«Таким образом, шестьдесят лет спустя после собора, осудившего ересь, перед Иоанном IV Грозным стояла та же задача, что и перед его дедом Иоанном III, отцом Василием III, святителем Геннадием Новгородским и преподобным Иосифом Волоцким: отрубить голову жидовствующей гидре» [167] (с. 95).

А эта самая *ересь жидовствующих*, при ближайшем рассмотрении, является самым настоящим масонством. То есть, во всяком случае, это вероисповедание от инициаций вольных каменщиков по внешним признакам не отличается вообще ни чем!

«Как считает Платонов, “в организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства, ритуал, включающий «обряд» поругания святыни... Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали свою ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушать его изнутри”. Обольщая астрологией и чернокнижием, Схария и другие прибывшие с ним иудеи хвалились каббалою, древними преданиями, якобы дошедшими до них от Моисея, уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, что знают все тайны природы, могут объяснить сновидения, угадывать будущее, повелевать духами» [167] (с. 90).

То есть, бороться Ивану Грозному предстояло именно с той организацией, которая в единую общность соединяет тамплиеров и приверженцев иудаизма. Ведь именно это религиозное сообщество именуют жидомасонством.

И вот какие средства в этой борьбе им были избраны. После ряда лет безуспешной борьбы с повсюду окопавшимися тайными отступниками:

«...царь Иоанн пришел к выводу, что для борьбы с еретиками необходима специальная организация. Такой организацией и стала опричнина, созданная в 1565 г.» [167] (с. 97).

И в Александровской слободе, куда Грозный Царь удалился от запродавшегося жидомасонам двора, порядки были установлены такие, где тайному адепту ереси корчить из себя верующего было бы достаточно нелегко. При его новом монашеского типа дворе:

«...богослужение занимало около девяти часов в день.

...А ведь Иоанн жил так годами!» [167] (с. 100).

Потому исполнять все эти длительные церемонии мог исключительно тот, кто до конца уверен был в их несомненной пользе.

А польза была и действительно колоссальная. Ведь столько яда вражьиими силами было изведено по сути дела зря: монашествующего Царя отравить все так и не удавалось.

А грозный для врагов русского человека Царь неуклонно продолжал гнуть свою линию:

«в 70-х годах XVI века правительство обставило степь цепью острогов... и под ее защитой крестьяне осмелились вторгнуться в области, бывшие доселе вотчиной кочевников» [167] (с. 109).

«Засечная черта представляла собой мощный комплекс оборонительных сооружений, протянувшихся на сотни километров в длину, и состояла из крепостей, острогов, сторожевых башен, валов, рвов, засек и прочих инженерных сооружений того времени, защищавших территорию государства от неожиданных нападений татарской конницы. Некоторые валы достигали в высоту 15 метров (пятиэтажный дом). По грандиозности эту засечную стену можно сравнить с Китайской стеной. Только выполнена Великая Русская стена была из земли и дерева, и по тому до сегодняшнего дня от нее сохранились лишь незначительные фрагменты.

Грозный царь, реформировав оборону южной границы, преподнес землепашцам поистине царский подарок — плодороднейшие черноземные степи, а также (и это еще важнее!) избавил людей от страха перед татарским рабством, за что народ поминал его добрым словом не одно десятилетие. С того времени силы крымской орды стали убывать, а созданная царем Иоанном и его соратниками система обороны прослужила России более ста лет — до Петра I» [167] (с. 109).

То есть южная граница была возведена Иоанном IV с таким тщанием и грандиозностью, что науськивание на Россию лишь южных наших врагов становилось просто бессмысленным. Потому вражьи силы стали втягивать в заговор и западные страны:

«...вместе с новгородцами и Старицким семейством в заговоре 1568–1569 гг. участвовали и поляки. Однако Польша всегда действовала по прямому указанию и под непосредственным руководством Ватикана. Весьма показательна в этом смысле роль папского нунция Антонио Поссевина, бывшего генератором идей, направленных на уничтожение Православия. Но веру Православную в России охраняла Царская власть. Поэтому все свои силы Поссевин бросил на борьбу с Грозным Царем.

Когда не удалось сломить его силой, и войска Стефана Батория обламали свои зубы о Псковскую твердыню, когда Царь отказался даже обсуждать возможность о “мирном слиянии” Православной Русской Церкви с еретиками-католиками, Поссевин стал клеветать на Государя и распространять слухи об убийстве старшего сына» [151] (с. 121).

Но клевета посланца папы является лишь каплей в том море лжи, чьи мутные «воды» в те времена постоянно изливались на Русского Царя, так непростительно неговорчивого с западными глобалистами. Здесь планировалось другое: втравить Россию в серьезную войну с могущественной в те времена Турцией. При этом делать вид, что и сами против нее ведут военные действия, а когда силы России истощатся,

неожиданно вломиться в пределы нашего государства и уничтожить его, придав мерзости запустения русские святыни.

Вот тогда и свершится столь лелеемая масонами идея: *мечь сия*. То есть придет править миром их долгожданные *мессия* — антихрист.

Между тем эта идея была предпринята один в один приведенным ими в Москву ставленником:

«...первым из “великих” государственных дел, к исполнению которых приступил Лже-Дмитрий I после захвата власти, была подготовка к войне против Турции (Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. — Петрозаводск, АО “Фолиум”, 1996. — с. 289–291). Самозванец просто рвался в бой. Еще в Польше он принял католичество, и если не спешил открыто окатоличивать Русскую Церковь, то только из чувства самосохранения...» [151] (с. 122–123).

Такие же походы затевал и Петр — его в самозванстве последователь: всех их странным образом тянуло куда-то в Палестину. Очевидно, требовалось отстроить там себе храм и воцариться над миром.

Грозный же Царь потому и не клюнул на эту удочку, что представлял совсем другой мир: противостоящий надвигающейся опасности. Потому:

«Сербские хроники называют Иоанна IV “надеждой всего Нового Израиля”, “солнцем Православия”, царем всех православных христиан (Стоянович Л. Стари српски родословии и летописи. Ср. Карловци. 1927. С. 57).

Это было признание священной вселенской миссии Русского Государя. Поэтому появление его изображения в центре иконы “Благословенно воинство Небесного Царя” было совершенно закономерно, учитывая его значение в возведении Третьего Рима и эсхатологическом исходе новозаветного Израиля из обреченного града мира сего» [151] (с. 172).

А вообще имеется множество икон, где Иоанн IV изображен с нимбом. Например, на фреске в Грановитой палате Московского Кремля. Там так и написано:

«БЛАГОВЕРНЫЙ И ХРИСТОЛЮБИВЫЙ, БОГОМ ВЕНЧАННЫЙ...» [151] (с. 175).

А вот и еще очень знаменательный момент:

«...в Архангельском соборе Московского Кремля все портреты князей из династии Рюриковичей написаны с нимбами вокруг головы, несмотря на то, что никто из них (кроме святого благоверного князя Александра Невского) не был канонизирован Церковью ко времени создания росписи. В то же время, портреты Царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, стоявшие в Архангельском соборе вплоть до 30-х гг. XIX века, были написаны без нимбов. Это свидетельствует о том, что нимбы на изображениях династии Рюриковичей не могли быть дописаны во время реставрации росписи в 1652–1666 гг., так как тогда, скорее всего, нимбы появились бы и на изображениях первых Царей из династии Романовых. Этого не случилось, но мастера, возобновлявшие росписи, сохранили нимбы в портретах Рюриковичей...» [151] (с. 176–177).

Вообще-то странный момент: новая династия сама себя признает не Богом установленной, а потому на святость своего царствования даже и не пытается претендовать. Тоже, как ни странно, подтверждают своими действиями и пришедшие в XX в. к власти в стране большевики. В древнем Китай-городе:

«Из всего исторического и архитектурного богатства сохранились **чудом** лишь палаты бояр Романовых» [169] (с. 276).

Чудом ли их сохранили большевики, переломав храмы, часовни и ворота с иконами в Китай-городе? Или все-таки вполне закономерно — в дань традиции, не признающей их земное жилище за святыню, а потому и легкомысленно оставленное в качестве музейного экспоната?

Таким образом, выясняется, что большевиков и первых Романовых связывает какая-то никому неведомая тайна.

Что это за тайна? Как нам ее разгадать?

Достаточно не сложно: стоит лишь определить какую-нибудь династическую заковыку, не позволяющую данной династии по всем правилам Святой Руси возглавлять свое Святорусское государство.

В этой области мы распрекрасно знаем, что браки, где претендент на трон женится на пряхе или стряпухе, не являются легитимными. То есть этот брак, пусть и освященный Церковью, не имеет права претендовать на продолжение Царской династии. И вот что случилось в тот самый момент, когда династия Романовых еще основывалась:

«В Москву съехались девицы из двадцати знатнейших семейств» [180] (с. 38).

Что и понятно, имеющих определенные династические корни. Однако ж избранный масонским «гласом народа» этот странный царь прервал династическое наследование одним из первых же своих повелений. Когда подошел финал состязаний по выбору невесты:

«...к выбору приступил сам Михаил. И совершенно шокировал матушку, выбрав не одну из барышень, а **служанку** одной из них!» [180] (с. 38).

Но совершенно аналогичная ситуация сложилась и с браком его отца — Федора Никитовича Романова:

«...жена его — Шестова, женщина бедная и **низкого происхождения**, на которой его **заставили** жениться, **чтобы унижить его род**» [196] (с. 84).

А точнее: чтобы не позволить ему оставаться *претендентом на царский трон!!!*

Как же, в таком случае, выбор Всероссийского Собора оказался остановлен именно на его сыне!? Явная подтасовка этого некоего «гласа народа» видна за версту — на царствование сын Филарета не имел никакого права. И это прекрасно знали все.

Но и в дальнейшем эта династия не имела никакого легитимного продолжения. Ведь избранный молодой царь так и вообще — женится на служанке...

То есть у Романовых, некогда захвативших власть в России, нет вообще ни малейшего легитимного права на царствование в этой стране, являющейся подножием Престола Господня.

«Но как же Николай II»?! — попробует возразить истинный патриот своего Отечества.

Династия Романовых была прервана смертью Петра II. Причем, что на сегодня выясняется, Павел I не является сыном Петра III, который со своей супругой, впоследствии Екатериной II, даже ложе не разделял — у него для этого была любовница. А зачала Павла I Екатерина, у которой был единственный шанс не угодить в монастырь — совершить государственный переворот, безпременно единственным способом — наставив «рога» мужу, от Салтыкова — Рюриковича.

Но не были родственниками уничтоженной масонами семьи Ивана IV захватившие власть в России Романовы. Но очень бы хотели ими быть. Что и пытаются внушить не осведомленным в родственных связях людям. Вот, например, как действуют они при попытке приписать свое родство к Ивану IV, заодно и оплевав своего заклятого убиенного их же родственниками врага. При канонизации св. Филипа:

«Грамота царя... просила святого об отпущении грехов царя Ивана IV, который, между прочим, не был родственником Алексея, а также и грехов самой царской власти... “еже разгрешити согрешения прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенные на тя нерассудно завистью и неудержанием ярости”» [308] (с. 153).

То есть масонская династия совершала здесь двойной ход: оплевание ненавистного масонству врага, приписывая ему убийство Филиппа, и, одновременно, просто

нахальное присвоение себе родства к совершенно чужому по крови человеку, поименовав его своим *прадедом*.

Но мы уже разобрали — кем они являются на самом деле.

Так что династия Романовых уже в самом своем зародыше является династией самозванцев, мало чем отличающихся от династии Лжедмитриев, порожденных Мариєю Мнишек.

А ведь их родоначальник, Филарет, является, ко всему прочему, еще и лжепатриархом! Что нами рассмотрено чуть выше.

Но и личность уже нынешнего претендента на Российский престол удивляет не менее. Ведь главный претендент, предложенный все той же масонской закулисой, является продуктом кровосмесительского блуда. Потому ни о какой причастности к этому Богом проклятому роду отпрысков сатанинских не может быть со стороны умученных жидами царственных мучеников. Ведь Николай II совершенно четко запретил этот кровосмесительный брак, ведущий нарушивших его запрет людей, как содомитов, исключительно в геенну.

Святость же как его самого, так и Ивана Грозного, несмотря на все усилия масонов, ни у кого сегодня сомнения не вызывает. Что является главным критерием при определении как истинных наследников Русского Престола, так и пытающихся напялить на себя чужие одежды самозванцев.

«Именно верность Православию является главным основанием для прославления государя как святого, а из русских князей никто никогда «ни смутится... о истинном законе никто никогда», поэтому многие из князей «еще и не празднуемы торжественно и не явлены суть, но обаче святы суть» — так Степенная книга объясняет то обстоятельство, что даже не канонизированных официально Церковью князей сочли возможным представить в росписи собора. Степенная книга и образы Архангельского собора формируют представление об идеальном правителе из рода праведных, который и после смерти продолжает оказывать помощь потомкам, ограждая их небесным заступничеством. Центральная идея эпохи — прославление Православия через святость государей...» (Самойлова Т.Е. кандидат искусствоведения, МГУ. Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля XVI в. Интернет публикация: Исторический вестник. 1999 г. (http://mf.rusk.ru/1st_vest/3/3_5.htm..))

Таким образом, древнерусская традиция с одной стороны, и Церковь в лице составителя Степенной книги, митрополита Афанасия с другой, признают почитание князей, как местночтимых святых без общецерковной канонизации» [151] (с. 177–178).

«...Иоанн IV, без сомнения, так же почитался в народе после своей кончины, как местночтимый святой благоверный Царь. Тем более что перед смертью он принял великую схиму с именем Иона.

Это почитание и отображают нимбы на нескольких известных ныне изображениях Государя. До 1917 года на гробницу Иоанна Васильевича в Московском Кремле приходили простые русские люди просить Царя о заступничестве в суде, как небесного предстоятеля перед Праведным Судьей (Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие Духа. — СПб., 1995. — с. 162).

“У гробницы его, по усердию многих богомольцев собора, служатся панихиды с поминовением или одного имени царя Иоанна Васильевича или же с прибавлением к оному имен своих родственников”, — пишет в своей книге “Московский придворный Архангельский Собор” протоиерей Н.Извеков в 1916 г.).

Документальным свидетельством этого почитания являются опубликованные газетой “Русский Вестник” “Святцы Коряжемского монастыря” (1624 г.), в которых на обороте 205 листа под датой 10 июня находится запись: “В той же день обретение святого телеси великомученика Царя Иованна” (“Историческое свидетельство”. Русский

Вестник, 2002, № 45–46, с. 11, фото). Церковный историк проф. Е.Голубинский (который без особого восторга относился к личности государя Иоанна Васильевича) в своем труде “История канонизации святых в Русской церкви” признает, что речь идет о мощах именно царя Иоанна Грозного, а также отмечает почитание его в лике местночтимых святых...» [151] (с. 180).

Так же с нимбом Иоанн Грозный изображен на иконе «Моление Царя Иоанна Грозного с сыновьями Федором и Дмитрием перед иконой Владимирской Божией Матери» (Флоря Б.Н. Иван Грозный. — М., 2002. — 403 с. См. илл) [151] (с. 182).

«В Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря, построенном при Великом князе Иоанне III в 1491 г. сохранилась еще одна фреска Государя, на которой он изображен с нимбом» [151] (с. 183–184).

Такие имеются просто поистине железные аргументы в пользу всего вышеизложенного.

«Можно считать доказанным фактом, что он был отравлен врагами Православного государства, пострадал именно как царь... и был убит со всей своей многочисленной семьей, подобно тому, как был убит и последний русский царь-мученик Николай Второй. Видимо, поэтому Святцы и называют Иоанна IV великомучеником. И посмертная судьба двух царей на удивление схожа. Оба они долгое время подвергаются клевете, долгое время священноначалие Русской Православной Церкви, вопреки очевидным фактам, противилось их почитанию церковным народом и не признавало факт их прославления (царя Иоанна в начале XVII века, а царя Николая — в 1981 г. собором РПЦЗ)» [167] (с. 193–194).

Но каким же образом пришедшие к власти в России революционеры нам все-таки внушили совершенно противоположную реальным картинам?

Кулик кулика видит издалика. А масон видит масона.

А кто пришел к нам в 1917 году?

Масоны.

И вот кем внушена эта историческая подделка:

«...Карамзиным (членом масонской ложи с 18 лет)...» [151] (с. 185).

Но лишь:

«Только с воцарением воистину русского Императора Александра III Миротворца, который усмирив нападки сил, враждебных Православию и России, вновь стала возрождаться подлинная Православная Государственность, Симфония Священства и Царства. Тогда-то, в 1882 г., и был обновлен образ Царя Иоанна IV в Грановитой палате Московского Кремля.

С восшествием на престол святого Царя-мученика Николая II была начата работа по подготовке общецерковного прославления Государя Иоанна Грозного. Об этом сохранились документы в отделе рукописей ГБЛ (Писатель Александр Николаевич Стрижев сообщил, что когда он работал в отделе рукописей ГБЛ с документами фондов Святейшего Синода десятилетия XX века — до Собора 1917–1918 годов, он обнаружил там список подвижников благочестия, к канонизации которых готовился Синод. Там были и блаженная Ксения Петербургская, и Святитель Игнатий Брянчанинов, и Святитель Феофан Затворник, и Святитель Филарет Московский, и Праведный Иоанн Кронштадтский, и... Царь Иоанн Васильевич Грозный. Всего в списке было более 25 имен. Естественно, никакой “политики” в решении Святейшего Синода усмотреть невозможно. В начале же девятых годов прошлого века дух народной любви к Грозному Царю возродился, и в этом также нет никакой “политики” (Леонид Болотин. Что есть дьякон “всея Руси” против Царственного игумена Земли Русской? — Москва, 19–20 Декабря 2002 года по Р.Х. Интернет-агентство “Русская

линия”)). Революция прервала этот процесс, который вновь возобновился только после падения коммунистической тирании, в начале 90-х гг. XX века» [151] (с. 186).

А вот какую кару получил соратник Карамзина и Некрасова по обогланию нашей русской старины — художник-пересмешник — автор знаменитых «Бурлаков». Вот что происходило с ним, когда он красками выплескивал на полотно очередную лжеверсию, на этот раз задуманное лжесвидетельство об убийстве сына Иваном Грозным:

«Репин писал его с горячечной одержимостью. А.В.Жиркевич свидетельствует: “Репин рассказывал о той горячке, с какой он писал эту картину, не дававшую ему покоя ни днем, ни ночью...” [167] (с. 202).

Припомним: точно такая же горячечность наблюдалась и у мадам Блаватской, когда она двумя руками переписывала диктуемый ей бесами бред, имевший своей целью возникновение новейшей религии — религии самого антихриста.

И вот чем для художника закончилось это «горение»:

«Мало кто знает, что столь вольное распоряжение талантом дорого обошлось и самому художнику: его правая рука стала сохнуть на глазах. Недаром в Священном Писании сказано: “не прикасайтесь к помазанным моим” [Пс 104, 15]» [167] (с. 203).

Вот когда еще в очередной раз подтвердилась святость убиенного врагами нашего святого Царя.

«Как считают многие в наше время, государь Иоанн Васильевич Грозный есть прообраз последнего Русского Православного царя апокалипсических времен, грядущего очистить Святую Русь, выгрызть на ней измену и вымести с нее предателей, оградить ее от антихриста» [167] (с. 155).

И будем надеяться на то, что этот Царь у нас скоро появится. В том следует усердно просить русских святых. В том числе и защитника Святой Руси от сил иноверных и иноплеменных, от ереси жидовствующих и масонства:

«Святой великомучениче (Так назван Государь в Святцах 1624 г...), Царю Иоанне, моли Бога о нас!» [151] (с. 186).

Но к сегодняшнему дню все в большем количестве появляются и иные ориентиры. И вот, судя по всему, к завершению времен, появился и еще один.

Святой мученик воин Евгений

«...23 мая 1996 года, произошло важное событие.

Воин Евгений Родионов прославился мученическим подвигом в Чечне. Много написано про эту подлую войну. Но события связанные с Евгением и его сослуживцами, захваченными в плен чеченскими бандитами, стоят особо в общем ряду.

Не снявший нательного креста с груди, вопреки требованиям озверевших ваххабитов, молодой пограничник Евгений Родионов и три его сослуживца выстояли, не отреклись от Православной веры. Сто дней и ночей их жестоко избивали, истязали чеченские бандиты, требовали, чтобы они предали свою Веру, перешли в ислам, стали “братьями”, начали воевать против своих. У пленников была возможность остановить побои и издевательства, остаться в живых. Нужно было только отречься от Христа. Наши солдаты этого не сделали. Не добились успеха мучители. Русские солдаты выстояли. Остались верными Православию.

23 мая 1996 года, в день рождения Евгения Родионова, исламские экстремисты отрезали ему голову. Казнили и троих его сослуживцев» [139] (с. 2).

Но как же так случилось, что четверо наших прекрасно обученных воинской наукой парней вдруг в одночасье оказались в плену? Неужели они не смогли с оружием в руках защитить свою свободу?

В руки врага их отдал закон, изобретенный исключительно для активизации деятельности бандформирований:

«Применять оружие первыми было запрещено приказом, стрелять на поражение — только после предупредительного выстрела вверх. Все это в условиях чеченского безпредела» [139] (с. 33).

То есть ночью подошел к блокпосту автобус с боевиками, как и обычно прикинувшимися мирными гражданами: благо войны пока еще не было. Солдаты, что и естественно, потребовали досмотра груза, провозимого шумной компанией инородцев. Нападавших было много больше солдат, перегородивших им дорогу. И нападение было произведено внезапно. А потому матерые бандиты без проблем скрутили руки четверым неопытным юнцам, лишь совсем недавно очутившимся на Кавказе и даже приблизительно не понимавшим — с кем имеют дело. Ведь средства массовой информации как им самим, так и их командованию, долго и упорно внушали, что никакой опасности со стороны местных абреков не существует. К тому же боевикам сильно помог приказ высшего командования о запрете открытия огня на поражение. Помогла и беспечность командования погранотряда, порешившего в качестве своей первоочередной задачи на новом месте своей дислокации вместо построения защитных сооружений на случай внезапного нападения организовать строительство баньки для командного состава...

Однако ж для настоящего русского человека, не изменившего вере пращуров своих, как показывает практика, никогда не бывает худа без добра:

«Защищая границу Отечества земного, воины Евгений, Андрей, Игорь и Александр обрели Отечество Небесное» [139] (с. 171).

И это вполне вещественно выражается уже сейчас. Примеров тому слишком много, чтобы хоть на мизинец попытаться усомниться в конечной судьбе погибших за Родину русских солдат на новоизобретенной врагами русского человека ленино-ельцинской границе, раскромсавшей живое тело России, пройдя по ее внутренним территориям.

Елена Григорьева:

«В 1997 году была издана книга “Новый мученик за Христа воин Евгений”. И сразу от священника Вадима Шкляренко из Днепропетровска пришел рапорт о том, что “фотография на обложке книги МИРОТОЧИТ... Мир светлого цвета, с легким запахом хвои”. Я сама почувствовала такой же неповторимый терпкий аромат, когда в доме Любви Васильевны приложилась к фотографии ее сына, Воина Евгения...» [139] (с. 137–138).

И даже вражья пресса, «New York Times», подтверждает, что:

«Мироточит икона в доме матери его» [139] (с. 246).

Владимир Мельник:

«В августе 2002 г. мне позвонил военный священник с горного Алтая — отец Варлаам. Ему срочно нужно было связаться с матерью Евгения Родионова, замученного в Чечне за отказ снять крест и принять ислам. Оказывается в одном из погранотрядов на Алтае решили открыть церковь во имя святого мученика Евгения — в память Евгения Родионова, и в память его тезоименитого Небесного покровителя. Маму Евгения Управление погранвойск России готово было за казенный счет отправить в Горный Алтай — на освещение храма. И все с Божьей помощью состоялось. Любовь Васильевну мы нашли, и она попала на освящение храма, построенного в честь ее сына, который хотя и не причислен к лику святых, но вполне достоин канонизации за свой христианский подвиг. И, видимо, канонизация эта со

временем состоится. Освящение храма состоялось 10 августа. И вот новый звонок отца Варлаама: 20 ноября в храме был молебен и крестный ход в честь мученика Евгения (храмовый праздник). Один из солдат, держал в руках храмовую икону с изображением св. мученика Евгения — воина. Молебен и крестный ход снимали на видеопленку. И прямо во время съемок крестного хода икона в руках солдата замироточила. Отец Варлаам говорит, что на пленке хорошо видно, как истекает миро по храмовой иконе. От иконы исходило сильное благоухание, несмотря на сильный холод и ветер. Миро истекало из нижней перекладины креста в руках святого мученика Евгения» [139] (с. 107–108).

И вот какое значение сегодня имеет подвиг, совершенный нашим простым русским парнем.

Священник Димитрий Дудко:

«Евгений Родионов принял мученическую смерть за Христа, за Веру Православную. Это подвиг редчайший. С одной стороны, его смерть вызывает скорбь, с другой вселяет бодрость. Константин Великий увидел крест и сказал: “Сим победиши!” Так и мы, видя, то, что свершилось, говорим: “Только Верой мы победим!” Потому что если оглянуться вокруг, — ничто нас не спасет...

Если есть такие люди в нашей стране, значит Россия не погибла и не погибнет никогда. Вера присуща русскому человеку, она будто спит, но в определенный момент пробуждается. Мы можем жить и побеждать только верой.

Даже в советское время, когда пришел час опасности, она пробудилась в народе. Зоя Космодемьянская — это тоже подвиг веры, пусть в коммунизм, вера в какую-то святую. Вера — всегда высота духа, поэтому она ведет и побеждает. Поэтому мы и в Отечественную войну победили. В русском человеке генетически заложены основы Православной Веры, христианской морали, нравственности. Люди часто считают себя безбожниками, не зная, что вера живет в них. И спасибо этому молодому человеку, который за всех нас пострадал и показал, чем мы можем победить» [139] (с. 175).

«Самое существенное, что можно сказать о войне Евгении — он участвовал в страданиях за Христа. Они убили его, потому что он был христианином. Его подвиг — оправдание нашего пребывания в сегодняшнем аду. Все золото мира, вся ложь средств массовой информации, вся военная мощь ненавистников России стоит за войной в Чечне, за тем, что происходит сегодня с нашей Родиной. И он показал, что православная вера сильнее» [139] (с. 264).

И так было всегда:

«Защищая свою веру, твердо уповая на Господа, на его Промысл, на заступничество Пресвятой Богородицы, смело выходил русский воин на неравную схватку, “и бился один с тысячью, а двое с десятью тысячами”. И это не аллегория — зачастую соотношение сил было именно таким. Как пример — битва дружины Евпатия Коловрата с огромным войском Батыя в земле Рязанской, бой 200 “детей боярских” против 20 тысяч конников Тебедей-мурзы в битве при Молоди, героизм защитников Баязета и Брестской крепости. Только благодаря крепкой и твердой вере в Господа нашего Иисуса Христа стали возможны такие невероятные с точки зрения обывательской логики чудеса мужества и героизма. Действительно, только вера в Бога, в обязательное последующее воскресение для жизни вечной, а, главное — нелицемерная, настоящая христианская любовь, любовь к Богу и ближним своим, к Отечеству своему могла подвигнуть русских воинов на подобные безпримерные подвиги.

Множество русских воинов прославлены Церковью в лике святых. Среди них и князья — полководцы Александр Ярославич, прозванный Невским, и Димитрий Иванович, прозванный Донским, храбростию своею побуждавшие воинов смело идти в

бой против более сильного по земным меркам противника; и простые воины-иноки Александр Пересвет и Родион (Андрей) Ослябя, павшие на Куликовом поле; и благочестивый адмирал, заслуженный флотоводец Федор Ушаков; и Иоанн Русский, попавший в плен к безбожным агарянам, но от веры Православной не отрекшийся. Сонмы святых русских воинов возносят молитвы свои к Воскресшему Господу за русскую армию, за победу русского оружия!» [139] (с. 289–290).

«Сим победиши». Что продолжилось и в самый тяжелый момент нашей истории — после внезапного нападения гитлеровской Германии:

«Многие воины, которые не отвергли Христа, удостоились видения Пресвятой Богородицы, покрывающей Своим омофором русские полки на поле Курской битвы; другие же свидетельствуют о том, что в самый критический момент боев за Кенигсберг в апреле 1945 года у немцев вдруг перестало стрелять все оружие, а над русскими полками появилась Сама Пресвятая Матерь Божия» [139] (с. 290).

Сколько мы должны были народу положить, чтобы, наконец, отобрать у врага эту цитадель экспансии на Восток? Ведь немцы укрепляли свой плацдарм веками. Мало того, в годы войны, когда получили от нас презрительно по зубам и ждали вполне прогнозируемого ответного удара, дополнили уже существующие защитные сооружения новейшими — по последнему слову фортификационной науки — согнанной со всей Европы армией рабов.

Но вместо чтоб напиться крови чужой, им пришлось отплатить кровью своей: русская штыковая атака немцам всегда несла только смерть. Так вышло и на этот раз, когда одновременно у всего вражеского войска заклинило огнестрельное оружие.

В том секрет и многих иных побед. В том числе и тех, когда горстка русских воинов выходила против безчисленных орд врага и одерживала победу.

И это все потому, что:

«...для Господа Сил нет ни малейшей разницы спасти многих или малых и что не многочисленностью войск, а укреплением духа их свыше приобретаются победы» [139] (с. 276).

Даже вражьи источники («New York Times») не могут не отметить полной тщетности попытки перековать русского человека в проектируемую Западом дворнягу. Ведь Евгений Родионов:

«...доказал, что сегодня, после десятилетий воинствующего атеизма, после многих лет необузданного нигилизма, **Россия, как и в прежние времена, способна рождать мучеников за Христа, а значит, она непобедима**» [139] (с. 245).

Николай Коняев:

«Девятнадцатилетний Евгений Родионов прошел через немыслимые мучения, но не отрекся от православной веры, утвердив ее своей мученической кончиной. Он доказал, что еще живо Православие, что еще и сейчас, после стольких десятилетий свирепого атеизма, после стольких лет безудержного демократического разврата, Россия — жива!» [139] (с. 110).

И это удивительнейшее событие увенчалось совершенно нигде до того небывалым явлением — сбором пожертвований для русских солдат, воюющих в Чечне. И все это произведено одним человеком — матерью воина Родионова.

Вот что она сообщает о своей деятельности:

«Я была в Чечне 25 раз, отвезла и раздала в солдатские руки 600 тонн груза, собранного и закупленного в основном на деньги небогатых православных верующих и просто добрых людей как в России, так и в других странах. В моей деятельности очень многие помогают. Это и батюшки, и самые разные люди. Я не представляю никакого фонда или политической партии, не принадлежу ни к какому политическому

движению. Может, поэтому люди и доверяют мне, что разуверились в подобных организациях!» [139] (с. 203).

А вот как она оценивает смысл ведущейся русскими солдатами войны:

«Если бы не было наших воинов в Чечне, если бы они не расплачивались своими безценными жизнями и искалеченными телами за преступления политиков, то теракты, подобные на Дубовке или последнему взрыву в московском метро, давно стали бы обыденным делом. Наша армия нужна нам. Но и мы ей нужны, необходимы, как воздух. Не перчатки и тельняшки нужны ребятам в Чечне, а знание того, что народ с ними, а они для народа; что они делают правое, богоугодное дело. А перчатки — лишь один из многих способов этого выражения нашей любви и благодарности им. И не столько мандарины или яблоки нужны в госпиталях раненым, сколько любовь, духовное утешение, признание в том, что искалечили парнишку не за нефтяную трубу или грязные доллары, а за Вас, за меня, за всех нас, за Россию-матушку; что не безцельна его жертва, его личная трагедия, она высока, полна смысла и нужна людям. Мы, которых Христос учил: “возлюби ближнего, как самого себя”, должны помочь безногую, безрукому инвалиду не потеряться в такой безжалостной к нему жизни» [139] (с. 206).

«— Кто, по Вашему мнению, боится прославления воина Евгения?

— Я думаю, что Жене не было бы стыдно за меня, за то, что я делаю. Всеми своими делами я стараюсь не посрамить честь сына. Женя — один из тысяч и тысяч достойно погибших за Отечество свое, за веру своих предков, за солдатскую честь. Я никогда не добивалась его прославления, больше всего на свете он нужен мне живой. Но если бы он был канонизирован, в его лице были бы признаны святыми и все погибшие воины во всех последних войнах за Отечество свое. Простой солдат, не полководец, не князь, не адмирал. Рядовой солдат России. Плоть от плоти родной земли, близкий и понятный миллионам. Как бы подняло это русский дух, как воодушевило бы армию на ратные подвиги, да и просто на добросовестную воинскую службу!

Есть силы, которые боятся этого как огня. Это и внешние, и, к сожалению, внутренние силы. **Они не препятствуют показному возрождению Православия**, но намертво стоят там, где появляются ростки внутреннего, где проявляется дух патриотизма и крепость в отстаивании отеческой веры. Борьба за души человеческие идет невероятная. Кто-то считает, что в России нет уже нормальных людей, все наркоманы или извращенцы, и у власти доллар. Слава Богу, это не так. У нас замечательных людей еще очень и очень много» [139] (с. 206–207).

Теперь рассмотрим, в чем же основная причина отказа этих самых враждебных нам «сил», как всегда основавшихся в верхах, но не просто в верхах, но в руководящем звене нашей Церкви, которые столь странным образом способствуют расцвету исключительно **показного Православия**.

Секретарь Синодальной комиссии по канонизации иерей Максим Максимов:

«Православная Церковь никогда не причисляла к лику святых тех, кто был убит на войне» [139] (с. 207).

Это что-то вроде заявления о том, что *мыло* никогда не бывает *мыльным*.

Что за глупость?! Ведь исключительно смерть «за други своя» и является **единственным** способом достижения Жизни Вечной! И даже в борьбе с силами зла чисто на духовном уровне никогда не произносится «я», но всегда «мы». То есть в любой православной молитве говорится о всех тех, кто защищает нашу Церковь, именуемую не иначе, как **в о и н с т в у ю щ е й** !

А потому сами немцы во времена первой мировой войны свидетельствовали, что приходилось им по ночам наблюдать, как души только что погибших на поле брани русских солдат забирали Ангелы.

А одного из подобных воинов, погибших на поле брани «за други своя», но уже из числа канонизированных, мы можем и по имени назвать. Это Пересвет. Можем и второго. Это Ослябя. И на их мощи может прийти и полюбоваться в Донской монастырь секретарь Синодальной комиссии по канонизации иерей Максим Максимов, каким-то весьма странным образом оказавшийся на таком ответственном посту в совершенно чуждой ему Церкви и в совершенно не свойственном для такой ответственной должности возрасте — в 20 лет. Чуждой, потому что он совершенно не понимает, в чем заключаются этой Церкви идеалы.

«...Церковь относит слова Спасителя о том, что **“нет большей любви, чем кто душу свою положит за други своя”** в исключительной степени к православным воинам» [139] (с. 220).

Но, может быть, он про такое нигде не читал, то есть не знаком со страницами Священного Писания? Тогда по какому праву он занимает столь ответственный в нашей (не его) Церкви пост?!

Далее ставленник темных сил в Московском Патриархате заявил, что для канонизации, де мол, нет:

«...фактов, подтверждающих их [четыре воинов — А.М.] мученическую — в церковном смысле — кончину...» [139] (с. 208).

То есть озверелые бандиты, по мнению этой самой комиссии, должны были выдать на руки расписку: как в способе убивания пленников, так и в назначении устраиваемых ими в течение ста дней пыток, заверив свою бумагу подписями и печатью!

Но ведь на обезглавленном теле русского солдата Евгения Родионова нашей поисковой группой обнаружен Крест! Какие ему еще необходимы факты?!

Факты мученичества.

Так ведь и они обнаружены. Переправленные из оккупированного чеченскими бандитами Бамута в Ростов-на-Дону:

«Тела всех четырех солдат... носили следы пыток и истязаний...» [139] (с. 239).

Далее сопредседатели Движения в защиту православной нравственности М.Ф.Бугай и В.Д.Сологуб в своем обращении к Патриарху считают, что наши солдаты, за Крест Христов казненные бандитами, отдав жизни *за други своя*, совершили:

«...самый высокий человеческий и христианский подвиг, который Господь приравнивает к Своему» [139] (с. 240).

Так что вообще все высказанные Максимом Максимовым против канонизации контраргументы не имеют под собой вообще никакой почвы.

Но такой священник там, в верхах, оказался, к сожалению, вовсе не один. А потому вполне справедливым выглядит высказывание А.Яковицкого:

«...аппарат Московского Патриархата делает все возможное, чтобы произвести раскол, и в том числе расколоть единство Патриарха и церковного народа» [139] (с. 210).

В свете вышеизложенного достаточно колоритно будет выглядеть фраза, в духе желтого МК отпущенная Максимом Максимовым в адрес матери Евгения Родионова со страниц газеты «Церковный Вестник», вроде бы считающейся русской:

«...она долго искала правды, пока, в конце концов, не встретила с чеченским главарем Хойхороевым» [139] (с. 212).

Вот у кого, следуя советам этого лжепастора, следует правду-то искать: у чеченских бандитов!

И хоть встречалась мать с убийцами пограничников чуть ли ни ежедневно в течение месяца, в попытке выторговать у работорговцев хоть тело умученного ими своего сына, лжесвященник Максимов зачем-то лжет, что она общалась с ними лишь в течение нескольких минут. При этом, добавляя к своим «контраргументам» против

канонизации уж и совершенно нелепую версию о некоей попытке в деле прославления своего сына лишь его матерью, которая, на самом деле, о мироточении икон и фотографий своего сына узнала много позже.

Антон Волынский:

«Очевидно, что фигура Евгения Родионова, как мученика, убиенного ваххабитами, это кость в горле тем, кто хочет превратить нашу православную Россию в “евразийский халифат”. Евгений Родионов как герой мешает тем, кто хочет ввести в Чечню “миротворческие силы” и отторгнуть Кавказ от России. Для них такие святые и герои опасны, ибо мешают пропаганде об “оккупационной Российской армии в свободной Чечне”. Этим планам “русского ислама”, отторжения Кавказа мешает активность Русской Православной Церкви, им необходимо “карманное Православие”» [139] (с. 234).

Владимир Мельник:

«У этих молодых солдат был выбор: принять веру врага и сохранить себе жизнь или мученически погибнуть. Они предпочли смерть предательству. Вместе встретили они самые страшные дни своей жизни, вместе сделали свой выбор — рядовой Евгений Родионов, младший сержант Андрей Трусов, рядовой Игорь Яковлев, рядовой Александр Железнов...

О подвиге русских воинов узнали миллионы людей не только в России, но и за ее пределами. Например — в Сербии, где среди югославского воинства очень чтится мужество этих мучеников и ищутся иконы Евгения Русского.

Воинский подвиг солдат-пограничников, пострадавших с Евгением Родионовым, был отмечен награждением каждого из них орденом Мужества, подвиг исповеднический отмечен вниманием Церкви к возможности их прославления в лике святых воинов-мучеников. Сотрудником Синодального Отдела по связям с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями в Комиссию по канонизации были предоставлены материалы для вопроса об их прославлении. Но, вопреки ожиданиям многих православных верующих, канонизация была отклонена.

Нужно отметить, что в подобных серьезных вопросах Церковь не имеет права на ошибку. Любая ошибка очень больно может ударить по авторитету Церкви, и осторожность, взвешенность в принятии подобных решений — необходимы.

Однако то объяснение, которое дал в своем интервью по данному вопросу секретарь синодальной Комиссии по канонизации, вызывает, мягко говоря, недоумение. Аргументы, которые звучат из уст священника, а тем более официального лица, настолько абсурдны, безграмотны и порой противоречат Церковному учению, что можно только недоумевать...

В плен к чеченским боевикам попал единственный сын и оказался не нужен никому, кроме матери. Конечно, ее действия были обусловлены любовью к сыну. А разве не любовью должны быть обусловлены все поступки христианина? Разве не безграничной любовью “до обожествления” обусловлены крестные муки Того, который изображен на наперном кресте иерея Максима?

Долгих десять месяцев под бомбежками, в голод, в разруху, рискуя жизнью, мать искала своего сына среди боевиков и ваххабитов. Только заложив свою квартиру, она получила необходимые деньги, чтобы найти останки ребят. Семнадцать раз она встречалась с Хойхороевым — убийцей русских воинов, чтобы выкупить тело сына, которое исламские бандиты превратили в товар. Чеченцы рассказывали ей, матери, страшные вещи о казни ее сына, десятки раз смакуя подробности отрезания головы. Лично из уст Хойхороева не один раз слышала мать, что был у ее сына выбор: принять ислам и воевать на стороне бандитов или принять мученическую смерть.

“Предупреждал его... — сказал Хойхороев Любови Васильевне. — В любом случае у них был шанс. Принять нашу веру, стать нам братьями. Твоему я сказал, чтобы снял с шеи свой крест. Он не снял. Не мы его, считай, убили, а он сам себя убил”.

Так зачем же иерею Максиму лгать о том, что встреча с бандитами продолжалась всего семь минут и что ничего о гибели неизвестно? Нет доказательств?

Конечно, сложно понять и прочувствовать этому “пастырю”, как ночью при свете фар мать Любовь Васильевна Родионова вместе с Ниной Ивановной, мамой Александра Железнова, собственными руками, со сжимающимся от ужаса и горя сердцем откапывала останки воинов-пограничников в могиле из авиаворонки, наспех засыпанной сверху. Доставали останки одного воина, затем другого, и мать беззвучно молилась. Не верила в страшное до тех пор, пока не нашли Женин крестик.

По этому нательному кресту, который Женя сделал своими руками и никогда нигде не снимал, мать и опознала обезглавленное тело своего сына. Затем нужно было собрать все, до единой косточки, чтобы перевезти на родину и предать родной земле по-христиански, как подобает русскому православному человеку. Это ли не подвиг христианской материнской любви? Может быть, в этот момент стоило попросить у боевиков справку с печатями об обстоятельствах смерти сына?

Мать осталась совсем одна. Только благодаря глубокой вере в Бога ей удалось выжить, не сойти с ума, не впасть в отчаяние. Сейчас Любовь Васильевна Родионова чем может старается облегчить тяготы службы нашим солдатам на Кавказе. Она была в Чечне 25 раз, отвезла и раздала в солдатские руки свыше 600 тонн груза, собранного и закупленного в основном на деньги небогатых православных верующих и просто добрых людей, как в России, так и в других странах. Это стало смыслом ее жизни — ее служением. Да разве не стоит за это в ноги поклониться этой самоотверженной женщине, настоящей христианке, за ее труды? Но нет, годящийся ей в сыновья молодой священник устраивает форменный допрос.

И вот, после общения с Любовью Васильевной иерей Максим выносит вердикт — не воцерковлена!

... Действительно, канонизация воина Евгения для некоторых лиц очень неудобна и нежелательна в наше время “по политическим мотивам”. Нам всячески пытаются навязать идеи так называемой толерантности и терпимости, а на самом деле война в Чечне имеет еще и религиозную окраску. Оказывается, и в наше время, когда “бандиты не имеют национальности и вероисповедания” появились христианские мученики, принуждаемые отречься от Христа. Если продолжать рассуждать на эту тему, то конечно уже не так уютно будет сидеть на соседних креслах с представителями ислама на всевозможных религиозных форумах.

И самое страшное будет, если признать святость этих русских ребят и поставить их на должную высоту для примера и назидания всем русским воинам. Окажется, что величие воинского подвига состоит не только в умении метко стрелять и быстро бегать, но и в крепости Православной веры, в стремлении исповедовать ее до конца, даже до самой страшной и мучительной смерти. Для врагов России будет самым страшным, если наша армия начнет осознавать себя не просто “вооруженными силами”, а христоролюбивым воинством.

Упорство, с которым иерей Максим пытается доказать, что канонизация невозможна, поистине достойна лучшего применения. Кстати, в резкости и нелепости суждений он не одинок: “Оснований для канонизации нет, — заявил ранее газете НГ-Религии еще один из членов Комиссии, протоиерей Георгий Митрофанов. — Все, что известно о смерти Евгения, записано со слов Хойхороева...”

Показательно, что, когда говорят о раздуваемой мифологеме, речь идет не о простых верующих мирянах, от которых можно запросто отмахнуться, обвинив в сектантстве,

“определенном толке” и неповиновении церковной иерархии. Документы в Комиссию подавались Отделом Московской Патриархии по связям с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, и к мнению сотрудников этого Отдела можно было бы хотя бы прислушаться. А мнение *прот. Димитрия Смирнова* — *Председателя Отдела и его сотрудников вполне однозначное*: “Подвиг Жени Родионова абсолютно хрестоматийный: человеку предлагают принять ислам, а он отказывается и идет на смерть. Как замечательно, что в наши дни это возможно. Когда я вижу его фотографию, у меня слезы выступают, для меня он ангел. Молодой мальчик, всего девятнадцать лет, и в то же время в нем такая дивная, такая непоколебимая твердость!.. Я верую и исповедую, что Евгений Родионов совершил подвиг, достойный канонизации. Я счастлив, что именно наш Отдел собирал материалы к его прославлению... Собственно, с подвигом Жени Родионова я познакомился через публикации и только потом начал общаться с Любовью Васильевной, и у меня никогда не было сомнений в том, что все было так, как она говорит. Я ей верю...”

Похоже, что иерей Максим скомпрометировать себя никак не боится. Подобными безапелляционными выпадами он не боится скомпрометировать так же и вышестоящих иерархов, под началом которых подвизается на поприще секретаря Синодального Отдела. Ну что ж, как заметил отец *Дмитрий Смирнов*: “...мы сделали все, что могли, а дальше действовать Господу. Все может измениться: и состав Комиссии будет меняться с годами, с десятилетиями; и процесс почитания Евгения, безусловно, будет шириться”» [139] (с. 228–232).

«Отец Михаил Дудко, секретарь отдела внешних церковных связей РПЦ, заявил, что... “почитать Евгения Родионова как мученика можно и без канонизации”. По словам отца Михаила, “Евгений Родионов широко почитается среди православных верующих по всей России”» [139] (с. 288).

«Причислить Евгения Родионова к лику святых предлагает и главный редактор газеты “Завтра” Александр Проханов. По его словам то, что солдат до сих пор не канонизирован, — ненормально. Он подтверждает “на могиле Евгения происходят чудеса: исцеляются больные, мирятся враги”» [139] (с. 288).

«Однако время идет, а народ живет все хуже. Украина вступает в НАТО. Латвия проводит парады местных эсесовцев, в России создали институт юных комиссаров, и начинается крупномасштабное гонение на Русских Патриотов... На фоне целенаправленного уничтожения 1000-летней Русской Империи все более странным выглядит отказ Комиссии по канонизации нашей же Русской Православной Церкви прославить Воина Мученика Евгения Родионова. Иконы Воина Евгения кровоточат на его могиле, в небе во время чтения акафиста появляется три больших белых креста, что говорит о том, что Евгений со товарищи уже прославлен там — на Небесах. Чины же из Комиссии ничего не хотят видеть и знать» [139] (с. 248).

Но жизнь идет своим чередом и чудеса, исходящие из потустороннего мира от мощей погибшего за Святую Русь воина Евгения, все множатся, указывая на то, что не в силе Бог, но в Правде. И вот вновь подошло 23 мая, день торжества у могилы рядового русского солдата, куда съехалась Православная Русь:

«Уже прошел крестный ход, много раз вновь прибывшие батюшки служили панихиды. Каждому приехавшему мама Жени Любовь Васильевна Родионова подарила иконы солдата-мученика. Иконки были заламинированы, и каждый обладатель считал необходимым приложить ее к Жениному кресту и таким образом освятить.

Приехавшая из украинского Житомира паломница К. тоже приложила свою икону к кресту, после чего с изображением произошло следующее. Под пленкой ламинита стал проступать красноватый контур изображенного на лицевой стороне воина.

Типографский брак исключался, потому что на обратной — чистой стороне его прежде не было. И второе. При написании иконы не использовались подобные краски. Поэтому происходящий буквально на глазах переход от пурпурного до насыщенно-вишневого цвета, мелкими точками повторивший Женин облик, вызвал потрясение у очевидцев события. Присутствовавшие при этом фотокорреспонденты многих столичных и центральных СМИ зафиксировали сенсацию.

Кстати, один из фотокоров ИТАР-ТАСС в этот же день приобрел собственный опыт познания святости девятнадцатилетнего мученика. Когда репортер приготовился к съемке могильного креста, в одно мгновение расступились собравшиеся над селом дождевые тучи, и яркий луч лег на крест. Этот свет исчез так же стремительно, как и появился, а у потрясенного фотографа осталось впечатление фантастического события, которому профессионал с многолетним стажем не смог дать разумного объяснения» [139] (с. 285).

Но и это еще не все чудеса, которые в памятный для всех день были зафиксированы православными людьми, собравшимися на могиле русского воина:

«...двадцать третьего мая, в день рождения и убиения Евгения, люди, собиравшиеся в Курилове под Подольском на панихиду, отслуженную несколькими священниками, могли видеть в небе играющее солнце. Православные люди знают, — такое же знамение наблюдалось в день прославления блаженной Матроны» [139] (с. 343).

Так что ждать чего-то от продавшегося масонству отдела по канонизации больше не за чем: в лике святых воина Евгения прославило само Небо! И это свершившийся факт.

Но Небу, в этот день, вторили и люди, совершенно в том между собой не сговариваясь:

«...в 9 часов утра, мы приехали в пос. Курилово Подольского района на могилу мученика, Воина Евгения Родионова.

Во главе со священником Олегом Строевым, мы выстроились вокруг могилы героя...

По канонам Церкви, до общецерковного прославления полагается служить панихиду, но само собой, как-то вдруг (сами запелись) слова Молебна. Со всех сторон нас окружили много людей и зазвучали у могильных крестов песнопения церковного хора. Над землей Русскою взлетел птицей тропарь безсмертному, святому мученику Воину Евгению: *“...Из плена земнаго восхищенный во обители райския, / и ныне предстоящий Престолу Божества Великаго дерзновенне, / страсотерпче Святый, воине Евгение, / буди молитвенником за воинство Русское и люди твоя, / благодарне память твою празднующи!..”*

Вдруг кто-то вскрикнул и показал на небо.

— Радуга! Радуга! — мы подняли головы и действительно, вокруг солнца, точно по кругу сверкала и искрилась лучезарная радуга. Мы еще никогда не видели такой. В ФОРМЕ КРУГА. Вокруг солнца. А чуть позже, над нами — во все небо появился Крест. Он тоже был необычной формы. В его основании четко была видна символическая Голгофа. Еще позже появилась нижняя косая перекладина, а затем произошло совсем невиданное: на главной перекладине появились как бы крылья, на левом конце вверх, на правом — вниз. Тот самый Гамматический Крест — символ Последней Священной Войны Воинства Христова с воинством сатаны. Вдохновенно зазвучали слова молитвы, которую читал отец Олег: *“О святой и всехвальный мучениче воине Евгение... От юности твоя Крест Животворящий возлюбив, даже до казни лютыя за крепкое исповедание веры твоя и правоты пострадавший, сопричтен был еси великим древним мучеником и свидетелем Славы Божия во торжествующей Церкви Христовой, подвизавшимся добрым подвигом мученичества. Ты также, славный Евгение, не отвергл еси знамения крестнаго, на телеси твоём носимаго, и*

предпочел еси смерть лютую и неправедную за честь и славу Бога твоего, неже житии с совестию уязвленной. Ныне же, радостнее торжествуяще прославление твое, веруем, яко вся силы небесные сорадуются нам!..” — вдохновенно звучали слова Молебна, единым духом и едины усты, возглашаемого нами. И сильнее разгоралась радуга на небесах и Крест Господень стоял над нами, и священные знамена трепетали на ветру. Мы двинулись Крестным Ходом вокруг храма и кладбища. Казалось, ангелы Господни шли с нами и рвались из сердец наших слова, мольба ко святому.

Святой мучениче Воине Евгение, дай нам во Имя Господа Бога нашего Иисуса Христа и светлого Христова Воскресения! Аминь» [139] (с. 378–380).

То есть прославление Воина Евгения Родионова, произошедшее чисто стихийно на земле, тут же было подтверждено Небом: радуга вокруг солнца, идентичная подобному же явлению при прославлении блаженной Матроны, и знамение Креста, указывающего о призыве к сплочению русского воинства для последней битвы против антихриста, уже готового вступить в обладание властью над миром.

Но мы к отпору ему сегодня не готовы: наша страна, наша Церковь — сегодня находятся в руках врагов. Мало того, складывающееся положение в мире с каждым днем все более напоминает приход страшных времен, указанных в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Повсеместно на крупных станциях устанавливаются турникеты и вместо армии создаются необычайно многочисленные жандармские структуры. Все идет по плану хозяев лжесвященника Максима Максимова, определенного в Московскую Патриархию с целью препятствия канонизации воина Евгения.

Да и просто подумайте сами: как смог бы сам умудриться двадцатилетний мальчик забраться на такой высокий пост, как Комиссия по канонизации?

Так ведь даже не просто еще в нее затесаться, но и возглавить ее?!

Да никак. То есть очередной виток коррупции позволил этому новорусскому молодому человеку забраться на более чем ответственное место — вы только вдумайтесь — *место умудренных сединами старцев*: заведовать причислением (или же отказом к причислению) к лику святых!

Но свидетельств лживости всего этого забравшегося в нашу Церковь лжесвященства более чем предостаточно. И случившееся стихийное прославление воина Евгения с полным набором необходимых для этого чудес, где свидетелями оказались тысячи, полностью подтверждает безошибочность собранных теперь воедино признаков, по которым следует производить канонизацию.

Но если Церковь земная, наводненная предателями, пока молчит, то за нее подтверждает подлинность мощей воина Евгения, принявшего мученическую смерть за Крест Христов, Церковь Небесная. И уж что может быть надежнее ее подтверждения?

То есть воин Евгений фактически канонизирован. Это случилось стихийно и вне воли Патриархата.

А вот как к этому прославлению причастны люди, оказавшиеся 23 мая 2006 г. в поселке Курилово в самом центре теперь уже свершившихся поистине эпохальных событий:

«Чтить Евгения Родионова мы начали давно. С первых известий о совершении им подвига. Тогда наш хоругвеносец Юрий Копосов сделал большую, красную хоругвь Воина Евгения.

Когда мы стали выходить с этой хоругвью на шествия; в честь 9 мая или 4 октября — в день расстрела Дома Советов, и другие даты... сразу к ней стали подходить люди и креститься. Назвали ее просто и тепло, от сердца, — хоругвь Жени Родионова. Самой простотой названия отождествляя себя с ней. Это было наше, общее, свое. Мы все это понимаем — и потому принимаем сердцем. Приняли — и поклонились [139] (с. 380).

То есть тогда еще, когда было лишь известно о выкопанном из земли трупe обезглавленного солдата с оставшимся на теле Крестом и рассказе убийцы о нежелании владельца этого тела снять с себя этот Крест добровольно, предать свою Родину и начать убивать своих прежних товарищей по оружию.

«Вот это и есть — живое, народное прославление. Признание народом русским, православным — это главное. Так должны возникать святые. Документальное подтверждение церковной иерархией всегда шло вслед за этим, а не диктовало по своему вкусу. С трепетом подходили все к этой хоругви.

Интересно, что простые люди, “отморозки”, как их называют дикторы на телевидении, — эти безхитростные парни сразу потянулись и встали под хоругвь Воина Евгения. Так происходит современное воцерковление молодежи с наших улиц, дворов и площадей...

Русские парни, за внешне грубой позой, скрывают добрую, нежную и пронзительную душу. Многим кажется, что кроме вызывающего вида у них нет ничего. А посмотрите, как старательно и торжественно они несут хоругвь своего сверстника Евгения Родионова. Вглядитесь в их лица и глаза... Неужели не видите, что это все те же русские ребята, которые с князем Святославом шли разбивать ненавистных хазар, с Александром Невским на псов — рыцарей, с князем Дмитрием татар на Куликово поле, с Суворовым, Ушаковым,.. Нахимовым, Ермоловым, Шамановым и Будановым на всех врагов нашего с вами непобедимого Русского Отечества?! Неужели не видите?..

Хотя нет... Видят Познеры, Сванидзе, Шустеры и прочие глашатаи из дьявольского, “голубого ящика”. Очень хорошо видят, и оттого ненавидят тех, кого они называют, “русскими отморозками” и “фашистами”.

Впрочем, так и должно быть. Ведь кто так враждебно настроен против русских, только так все видит и воспринимает. Ведь они — хазары, а мы — РУСЬ. Извечные антагонисты. И сегодня продолжается вечная, священная война...

“На Непрядве лебеди кричали,

И опять, опять они кричат...”

Хоругвь эта была с нами во многих святых местах. Везде мы видели одну и ту же реакцию. И сегодня свидетельствуем. Воин Евгений Родионов уже прославлен в сердцах простых русских людей. И именно он — Женя Родионов — является живым сердцем России, которое бьется днесь не только на Небесах, но и среди нас, здесь, у Креста на могиле его стоящих и поющих ему прекрасный, из самой души, вырвавшийся Молебен, обращенный к нему...

Свидетельствуя такое всенародное почитание, мы, Союз Православных хоругвеносцев, Союз Православных братств, Союз “Христианское Возрождение”, Православное казачье Братство во имя св. мч. Благоверного царевича Алексия, Русско-Сербское Православное братство во имя св. преп. Сергия Радонежского, святителя Саввы Сербского и святителя Петра Цетинского-Черногорского, Уральское (Яицкое) казачье Войско и ряд других Русских Православных организаций объявляем о создании Русского Всенародного Движения по всецерковному прославлению святого мученика воина Евгения Родионова в лике святых Русской Православной Церкви.

Предлагаем всем продолжать совершение Крестных Ходов по градам и весям России, Украины, Белоруссии и Сербии во имя мученика Воина Евгения Родионова. Аминь.

Л.Симонович. Союз Православных братств» [139] (с. 380–382).

Так что прославление Воина Евгения практически состоялось. Правда, вне присутствия официальных представителей Патриархата, но в присутствии официальных представителей Русской Православной Церкви.

Но не только представители Церкви земной прославили святые мощи в Курилове, но и Представители Церкви на Небесах. О чем могут свидетельствовать тысячи очевидцев.

А вот еще очередное свидетельство о чудесах на могиле Небом и русскими людьми прославленного святого (но пока все никак не проходящего сквозь кабинеты чиновников, официального руководства РПЦ). 23 мая 1995 г. подмосковный поселок Курилово:

«Могила воина — мученика вся в цветах, горящих свечах... На ограде поставлены иконы Спасителя, Богородицы, святых...

С раннего утра на могиле Жени совершается непрестанная служба, панихида по убиенному воину и иже с ним пострадавших. Священники в красных облачениях, которые одевают как на пасхальные дни, так и на празднование памяти мучеников, сменяя друг друга служат панихиды. Хоры величаво поддерживают их своим пением. Начиная и заключая радостным пасхальным тропарем “Христос воскрес из мертвых! Смертию смерть поправ и сущим во гробе живот даровах!..” Все твердо верят, что и Евгений с казненными соратниками воскресли! Смертью своей смерть попрали! И предстоят ныне перед Господом, ходатайствуя за нас грешных, за страдающую Россию.

С таким ликованием, подъемом проходит весь день.

Уже к вечеру, когда солнце ушло за гребешки кладбищенских деревьев, напоследок подхожу к могиле воина приложиться к его образу на кресте. Одновременно подходит мужчина и берет большой заламинированный образ — икону воина Евгения из вороха цветов на могиле.

Спрашиваю мужчину, нет ли у него еще такого образа Евгения. Он отвечает, что не имеется у него более такого, все роздал, а есть только маленький по формату. Протягивает мне его. Поясняю ему, что мне нужен образ крупного формата. Для общего поклонения прихожан в храме. Он печально заключает, что, этот, — последний, который он взял с могилы, каковый весь день простоял на могиле Воина Евгения при многих служениях. Он хочет оставить его себе. После этого чуть поколебавшись, протягивает мне, говорит: “Для храма — важнее! Берите”.

С благодарностью приняв благословенный дар, аккуратно упаковываю его, кладу в сумку.

Приехав на приход, распаковываю драгоценный подарок. Уже внимательно рассматриваю его и то, что мне там, у могилы Евгения показалось крепко прилипшей землей, теперь видится совсем иным... В центре более светлого, красного оттенка круглое, по форме и размеру напоминающее входное отверстие влетевшей в тело пули. И по сторонам от этого круглого центра, будто разлетевшиеся в стороны, как брызги удлинённые темно красные брызги-наросты. Рассматриваю пристальнее. Нет, это совсем не земля, не глина! Это вещество совсем другого цвета, состава... Кровь?! Присматриваюсь, точно, как рана от пули, с отвердевшей, брызнувшей в стороны кровью. Приблизившись, принюхиваюсь — да, пахнет едва уловимо, но несомненно как запекшаяся кровь.

Ни черная земля могилы, на которой стоял сей образ, ни окружающие цветы, ни даже горящие свечи, не могли бы сотворить такого. Более того, если бы была рядом горящая свеча, она, опалив прозрачный пластик, в который был заламинирован образ, сделала бы его белесым, белым, а, прожегши его, превратила бы в черный пепел, но не такое образование, какое создалось.

Прикрепив скотчем этот дорогой образ, в том виде, каков был, на стену храма, стал я искать подходящую рамку. Долго, около месяца мне это не удавалось. Тут произошло еще событие с этим образом.

После очередной службы, оставив храм на помощницу по иконной лавке, занялся я нуждами, приехавших издалека прихожан. Только часа через три освободился. Зашел в храм. Тут ко мне подходит помощница и сообщает, что среди заходивших в храм была небольшая группа людей, и они заметили “грязь” на образе Евгения Родионова, стали сковыривать ее ногтями, потом помощница подошла и стала помогать им мокрой тряпкой размывать “грязь”.

Ошарашенный этим известием я подошел к образу Воина и увидел, что действительно большая часть того, что было на иконе Евгения, сколупнуто и размыто, есть утраты. В том же месте, где было круглое “отверстие”, оголился особо яркий, красновато-розоватый фон, цвета свежего мяса (на желто-зеленом фоне!).

На этом чудеса не закончились. В этот же день розовое, где были утраты, снова само собой стало заполняться прежним сгустком темно-красного образования.

После этого я поспешил предохранить образ Евгения Родионова рамкой со стеклом. Не прошло и недели как повреждения восстановились наполовину, а через месяц — полностью! За стеклом. Без какого-либо воздействия извне!..

Сейчас этот образ остается в таком виде. Помещенный в рамку, под защиту стекла от заботливых “добродетелей”.

Свидетелями этого чуда являемся мы, прихожане церкви Покрова Богородицы с Чиркино Московской епархии — священник Виктор Кузнецов и прихожане.

Мы готовы свидетельствовать об этом перед Крестом, Евангелием и святыми иконами Спасителя, Богородицы и святых.

Сентябрь 2005 г» [139] (с. 391–395).

А вот вести из Сибири:

«Раб божий Михаил Ракин, проживающий в Иркутской области, в г. Усть-Илимске.

Утверждаю в своем письме, что в 2001 году я подарил своей духовной матери фотографию Евгения Родионова с обложки книги “Новый мученик за Христа Евгений”. И в сентябре 2004 г. на фотографии Евгения Родионова, на месте отделения головы от тела стали выступать кровавые пятна.

17.07.2005 г» [139] (с. 395).

Украина:

«Его Преосвященству Управляющему Криворожской Никопольской епархии епископу Ефрему от настоятеля храма Св. великомученицы Варвары иерея Владимира Шкляренко

Рапорт

Ваше Преосвященство, докладываю Вам о событиях, происшедших в жизни прихода. В конце апреля сего года в г.Днепропетровске у прихожан храма святого Пантелеимона замироточили иконы “Царя мученика”, “Царской семьи”, “Архистратига Михаила” и икона Божией Матери “Утоли моя печали”, которые мною, по просьбе многочисленных прихожан, были принесены в храм Святой Варвары для покаяния в грехе цареубийства. 7 мая у прихожан храма Св. Варвары Людмилы и Фотинии Ткаченко, после того, как им была дана вата, омоченная в миро с икон “Царской семьи” из г.Днепропетровска, произошло истечение святого миро из икон “Царя-мученика”, “Царской семьи”, “Касперовской иконы Божией Матери”, “Иверской иконы Божией Матери” и иконы Иоанна Богослова.

Во время этих событий мне случилось в г.Днепропетровске приобрести брошюру “Новый мученик за Христа воин Евгений”. Первоначально, до приобретения брошюры, увидевши изображение на фоне Российского флага воина Евгения Родионова, возникло

недоверие в содержании брошюры. В последующую ночь, а вернее, ранним утром, я увидел стоящего у моей постели воина в камуфляже, как на портрете в брошюре, с накинутым сверху красным плащом-накидкой, как изображают на иконах мучеников. Вопросивши мысленно: “Кто ты?”, я услышал ответ: “Я тот, о ком написана та книга”. Видение было четкое, цветное и не вызвало страха. Как возникло, так и исчезло. После этого, дождавшись первого транспорта в г.Днепропетровск, я поехал в церковную лавку и приобрел брошюру о подвиге Евгения Родионова, содержание которой меня поразило и потрясло. У меня лились слезы покаяния и умиления на протяжении всей этой книги, как потом впоследствии у всех тех, которым я давал читать эту книгу.

В один из воскресных дней я произнес проповедь о новомученике воине Евгении Родионове. Все слушавшие прониклись любовью к подвигу молодого воина-мученика за Христа, плакали. Придя домой после службы, книгу положил между полками книжного шкафа, и о месте ее нахождения знал только я. На следующий день, после утреннего правила, решивши переложить брошюру в книжный шкаф к другим книгам, я увидел, что лицевая сторона брошюры с портретом новомученика за Христа воина Евгения была усеяна каплями миро, которые светились под лучами утреннего солнца.

В подтверждение этого целую Честный Животворящий Крест и Слова моего Господа Иисуса.

*Смиранный послушник Вашего Преосвященства
священник Вадим Шкляренко 17.07.2000 г» [139] (с.
395–397).*

Еще раз окунемся в сам процесс отыскания в чеченском плену содержащегося в зендане русского солдата:

«Она денно и ночью искала возможность отыскать проклятые деньги, чтобы снова иметь возможность затыкать ими подлые, ненасытные глотки вырождающихся и взамен получать от них малые, ничтожные вести о сыне. Для этого она продала все, что можно было продать...

Так, в горестях, не находя никакого выхода, Любовь Васильевна потянулась в храм. И именно там произошло — главное.

Церковь, через своих служителей, включилась в напряженную битву за нее. Совершилось то, что не смог сделать при жизни ее сын. Она пришла к Вере, к Спасителю, за Которым до конца шел ее Женя» [139] (с. 306–307).

Однако же христианская мысль о прощении врагов пришла к ней отнюдь не сразу. Но как пришла, так начали собираться уголья на головы людоедов, отмывающих с подачи Ковалевых свои грязные деньги на горе матерей, честно отправивших служить в армию своих детей:

«Легко сказать “прости”. А как такое прощать?.. Если почти вся жизнь ее стали болью и страданием. Одна растила сына. Единственного. Отраду. Доброго, любящего. Забрали в армию. Послали в эту... Чечню. Бросили четверых юнцов, почти безоружных, среди гор, по-существу — на произвол судьбы. Когда на них напали, никто не пришел на помощь. Оклеветали и назвали “дезертирами”. Никакой помощи в поисках... Поездки в Чечню, на поиски сына и “общение” с бандюгами, надругательства этих вырождающихся... — Это все за гранью самых страшных ужасов.

Что значит — “простить”? Как вычеркнуть из себя, из памяти прошлое, пережитое?.. Это — невозможно человеку! Только смерть, которую она так искала, так жаждала, сможет стать тем “выключателем”, который сотрет все в ней. Мало радостей видела она в жизни и много скорби, горести, унижений, боли, потерь. Не могла она... даже слышать о прощении врагов. Какое прощение всем этим нелюдям, которые сотворили столько зла ей и ныне продолжают нести всем зло?!... Простить? Это абсурд!.. Несправедливо, невыносимо!!

К счастью, в этой борьбе, мать погибшего солдата потерпела поражение. Трудно, медленно, упираясь всем существом своим, как давно заржавелый механизм, процесс воскресения ее ожил. Со скрипом стал подвигаться, оживлять испепеленное, омертвевшее нутро.

Любовь Васильевна стала исповедоваться, причащаться. Замкнутая, отчужденная, она потянулась к людям, а они к ней с участием и помощью. И переступив “через себя”, предельным усилием воли, выпустила из себя месть на тех, кто соделал ей столько горя и зла. Это было решающим рубежом и самым главным. Оставила она желание возмездия, кары злодеям. Во всем положила на Бога. Отдала в Его руки суд и наказание преступников.

“Мне отмщение и Аз воздам”. (“Отдай Мне отмщение и Я воздам”), говорится в Писании. Отдала. И Бог стал совершать суд и наказание извергов.

Начало свершаться то, что она никаким образом не смогла бы сделать.

Настало время и место Божьему правосудию, каковому Любовь Васильевна все передала.

Вначале был убит брат убийцы ее сына. Кара Божия постигла его на том самом месте, где бандиты захватили почти безоружных солдат — Евгения и троих его сослуживцев.

Потом был убит брат БЕСаева, который, как “настоящий горец”, так избивал измученную мать убиенного солдата, что перебил ей позвоночник и почти бездыханную выбросил на дорогу.

В бандитском междусобойчике — разборке “братьев в Аллахе”, в пригороде Грозного был застрелен и непосредственный изверг, убийца солдата Евгения Родионова. Тот, кто обезглавил Женю в день его рождения, за отказ снять нательный крестик, отречься от Веры, и похвалялся об этом его матери.

Убит был и жесточайший наемный араб Хаттаб — исчадие ада и другие пособники главарей. Был осуществлен еще один Божий приговор. Шакалы продолжают грызться между собой еще более остервенело. Убит изворотливый Масхадов — “президент” этой каверзной “республики” абреков. К нему тоже обращалась Любовь Васильевна за содействием и получила грубый и наглый отказ. Получил свое и грозный с виду, ген. Лебедь.

Что, как не одно из ярчайших проявлений особого Божиего благоволения, Чуда по отношению к Матери солдата, является и такой случай.

Когда ей указали, где закопаны истерзанные тела Евгения и его союзников, она ни о чем не думая, бросилась через заминированное поле. Желая удержать ее, за ней кинулся солдат и подорвался на mine. Она же пробежала через поле невредимой. **Саперы при разминировании поля нашли восемь неразорвавшихся мин в тех местах, где были ее следы!** В том материнском, безоглядном порыве, беге по заминированному полю, к тому месту, где был закопан так мучительно искомый ею сын. Разве нет здесь Божьего чуда?...» [139] (с. 306–310).

Но даже и подрыв пытавшегося ее остановить солдата имеет свое в этом удивительнейшем чуде совершенно определенное значение. Жалко, конечно же, так отчаянно рискнувшего помочь русской отчаявшейся матери русского паренька, совершившего свой героический поступок, чья оценка должна быть не меньшей, чем разбираемый нами подвиг четырех русских солдат. Но если бы он не подорвался на первой же mine, то многие малoverы могли бы предположить, что заложенные в землю заряды не были исправны, а потому де и чуда не было, а была лишь кем-то проявленная при исполнении своих обязанностей халатность.

Но сколько таких минных полей прошла за долгую дорогу к могиле своего сына Любовь Васильевна Родионова?

«Солдатская мать, настоящая, великая русская мать по Промыслу Создателя, через великие беды и скорби восходила духом из силы в силу, достигла, наконец, своей Голгофы. Отрыла еще незатвердевшую землю, достала из ямы обезглавленное тело сына и его соучеников.

Так, через такие горнила огненные провел Господь ее сына, русского Солдата и мать его к славе и великой чести. Соделал живым, ярким Примером всем нам в России и вовне, среди царящих хаоса, разбоя, предательства, беззакония... Вернул нам через них смысл жизни, бытия нашего здесь, погибающим от безверия, наглого беззакония властей, силы сатанинского искушения и поругания Веры.

Испытывая на себе резкие перепады от бед и скорбей, до неожиданных, удивительных благотворений, Любовь Васильевна воцерковилась. Во всем полагается на Спасителя. Она то знает, не понаслышке, что иного пути просто нет. Никакой человек без помощи Божией не может такого как она понести, не лишившись разума или жизни. Предупреждал же Господь: “Без Мене не можете делать ничесоже”.

Так Господь вел и помогал отважной Матери. Так совершалось возмездие Божие, которому полностью вверилась мать убиенного и забытого всеми тогда солдата — мученика.

Так Всемилостивый сотворил и нам великое благо — дал нам необходимейших в наше смутное, предантихристово время два высочайших образа — Воина-мученика и солдатской Матери.

Как нужны они нам ныне, в содомском хаосе земного бытия!..

Возблагодарим же Всемилостивейшего за ту надежду и опору, которую они являют нам в нашем горестном житии. Возблагодарим Создателя всего и всея. За то, что Он по Милосердию Своему дал нам их, а через них — утешение и твердость нам на нашем скорбном пути по распутиям беззаконий этого мира.

Священник Виктор Кузнецов» [139] (с. 310–311).

Но вот что значит собою тот самый Крест, который Евгений Родионов так и не пожелал снять в угоду религии бандитов, понуждающей своих адептов заставлять Православных Христиан отречься от своего Бога:

«...Крест обратил на истинный путь вселенную, изгнал губительное заблуждение, возвратил истину, землю сделал Небом... Поэтому демоны уже не страшны, а презренны... все, что враждовало с нами низринуто и попрано» [139] (с. 13).

То есть бесы потеряли свою былую до Христова Воскресения силу. А потому эту силу в предантихристовы времена архитекторами глобализации и было решено вложить в самих людей.

Мать Евгения Родионова в поисках пропавшего своего сына несколько раз обошла всю Чечню. Но вот что о характере тамошнего туземного населения можно было из ее уст уяснить:

«Характеристика, которую дает эта женщина встреченным ею людям, поистине ужасна: “Был там один хороший чеченец — Учитель. Я потом видела на распространявшихся на территории Чечни видеокассетах его расстрел. Басаев застрелил его, как врага ичкерийского народа”.

Один человек повстречался, — почти за год блужданий! Мы все как-то пытаемся сгладить острые углы этого вопроса, дипломатично утверждая, что режим и некие силы пытались поссорить чеченский и русский народы. Все это не так! Вопрос не в том, что вайнахи воевали против славян. Вопрос в том КАК они воевали. Дома у матери хранятся видеокассеты о войне, снятые самими чеченцами, кассеты о борьбе с “Российской Империей”. Эта “борьба” заключалась в съемках бесконечных казней русских солдат. “Русский Дом” показал часть одной такой кассеты, явно щадя наши души.

На этой же кассете запечатлена казнь другого солдата. Любви Васильевне все кажется, что это ее сын. На левом боку лежит связанный русский солдат. Над ним склоняется с огромным ножом чеченский бандит, поднимает голову солдата, проверяя — в кадре ли он, и начинает отрезать голову, но не до конца... Голова застывает, а тело бьется в конвульсиях. Бандит помоложе хочет добить тело из автомата, но головорез говорит: “Не надо”, и они тащат еще живого солдата в могилу, чтобы закопать. Живого... Эти кассеты они снимали для себя, так сказать для “внутреннего пользования”» [139] (с. 130–131).

Для чего они это делают? Почему запечатлевают на пленку не воинские подвиги своих лихих “джигитов”, но исключительно расправу с беззащитными, связанными по рукам и ногам? Взрослых, изрезанных ножами, заживо закапывают в землю, у детей отрубают кончики пальцев и рассылают их родителям. Но ведь даже Адольф Гитлер до такого еще не доходил: из истории мы знаем, что по-немецки аккуратные сложенные в конверт фаланги отрезанных у сына Сталина пальцев в Москву так и не были доставлены. Это у него, изобретшего индустрию убийств, фантазии не хватило? Или же «мирные» чечены все же переплюнули своего по этой части недавнего предшественника?!

Мать солдата Родионова об этих нелюдях свидетельствует:

«— Это не люди — убийцы. Что за человек, например, Арби Бараев, 1972-го года рождения, который детям, крошкам вырывал волосы и отрезал пальцы? Моего сына Женю и трех его друзей держали в подвале жилого дома. Не в лесу, не в блиндаже!» [139] (с. 369).

То есть над ее пленным сыном издевались: «мирные чеченцы»!

«И если вы спросите тех людей, которые вышли из плена, кто больше всех над ними издевался? Они ответят: эти самые мирные жители» [139] (с. 369–370).

Их кто-то долго приучал к зверствам над беззащитными связанными по рукам и ногам людям или они такими всегда и были?

В том-то все и дело, что *были такими всегда!* Ведь убийство беззащитных сидит у них просто в крови. И отнюдь не зря глава вторгнувшихся к нам культуртрегеров, Адольф Гитлер, свою палаческую нацию считал произошедшей именно от чеченов: чувствовал что-то родное.

Между тем даже своей патологической любовью к наживе эти вроде бы и разные нации — один в один. Потому как:

«...когда генерал Скобелев в прошлом веке воевал с мусульманами, он несколько раз отдавал их города на разграбление. И не потому, что он был жестоким человеком. Нет. Он просто понял психологию дикаря-бандита. Можно убить всех его родственников — он переживет. Но вот когда ты лишаешь его имущества, он чувствует себя побежденным» [139] (с. 370–371).

А ведь немецкая Ганза и эта их усердная «пфенюжку к пфенижке» один в один обнажает свое полное родство к нации, которая в своих действиях руководствуется все тем же торгашеством:

«...боевикам платят по полторы тысячи долларов. Для них это просто работа. А если он еще и пленника возьмет, и продаст, то еще больше денег будет» [139] (с. 370).

И тянут они свои жертвы не в упрятанные в горах бункера — это излишне. Но в свое логово, где у него и все иное его награбленное барахло и юные подрастающие людоедики — прекрасные помощники в его кровавой работе по истязанию пленника в целях вымогания с его родственников денег. То есть они ведь своему папе помощь оказывают: мучают пленника такими страшными муками, после чего и фаланги пальцев отрубить не потребуется! Родители пленника, прочитав письмо, написанное дрожащей рукой страшными муками истязаемого узника, чтобы вызволить из звериных

лап *чеченских детишек* свою кровиночку, продадут все что имеют. Мало того, заложат и перезаложат уже все то, чего нет, предпочитая лучше сесть на всю жизнь в долговую яму, чем впоследствии казнить свою совесть тем, что не все сделал для освобождения подвергающегося таким страшным пыткам узника — родного человека.

А у чеченов — все нормально: эдакий людоедский «семейный подряд» — папа ловит узника, а «детишки», вместе с кишками, выколачивают из его нищих родителей последнюю копейку. И всем (им) хорошо! Стоит лишь краем глаза взглянуть на поистине падишаховского размаха их немереных размеров «сакли бедного горца»!

Как же с ними быть? Как от них избавиться? Может отгородиться сверхграницами и попытаться за ними как-нибудь отсидеться?

Да нет:

«...если они закончат войну здесь — то начнут ее в другом месте. У нас под окнами» [139] (с. 369).

Но может все же следует попытаться с ними как-то «полюбовно» договориться?

«Переговоры с бандитами — бесполезны. Их можно только уничтожать» [139] (с. 369).

Ничего не поделаешь, справедливые слова. Ведь нынешнее поколение людоедов перестанет убивать людей, благополучно канув в геенну, лишь при одном единственном условии: если будет истреблено тотально — под корень! Иного завершения этой войны ее организаторами не предусмотрено. Вторым вариантом ее исхода, запланированным заказчиками этого вооруженного противостояния, следует считать тотальное уничтожение уже теперь иного народа: русского. Что чечены нам наглядно уже и продемонстрировали, истребив русское население Грозного и отданных Чечне во владения наших русских казачьих станиц!

Вот что по этому поводу имеет сказать мать, у которой эти нелюди замучили ее единственного сына, чье даже тело удалось забрать из Чечни за огромные деньги и с большим риском не только для своей жизни, но и тех, кто ей в этом нелегком деле оказывал содействие:

«...нельзя преступников обмазывать шоколадом. Вы знаете что в том доме, в Бамуте, над подвалом, где мучили, издевались над Женей и его товарищами, жены бандитов развешивали сушить белье своих детей? Как это — “нормально”?..

Можно, конечно, как это делают некоторые наши священники, обниматься, фотографироваться вместе с их муллами. Но я при этом думаю, что в это время тысячи пленников страдают, как мой Женя в ямах, наверняка у кого-то из родственников этих магометан. И они что-то не помогают освобождению тех, над кем там издеваются. Они что, об этом не знают?.. Притворяться этим сторонам не трудно, привычно. Но честно ли это? Можно, конечно, все приглаживать. Много можно. Сегодня возможно и такое, что семья убийцы Жени — Хойхороева — получает пособие на детей, как на потерявших кормильца» [139] (с. 329).

А этот “кормилец”, как теперь выясняется, кормил своих детенышей (или если точнее — зверенышей) человеческим мясом. То есть питал свое людоедское семействе за счет средств, изымаемых способом шантажа от родственников замученных им русских людей, которые получал лишь еще за изуродованные тела убитых им пленников. А его детки-людоедки, пока еще совсем крохотные звереныши, с упоением ежедневно наблюдали как их папа упражнялся в палаческом искусстве, выпытывая у попавших к нему в лапы русских мальчиков адреса их родителей: истошные крики и стоны услаждали их людоедский слух. И никто не поручится за то, что и сами они папе связанных пленников пытать не помогали: они ж связанные — что им бояться! А ведь спасшиеся из лап бандитов люди в один голос утверждают, что наиболее кровожадно с ними обращались именно дети этих каннибалов. Ведь если папа

периодически и уходил на «охоту», то его детеныш оставался в родимом гнездовье и имел возможность, в свое детское удовольствие, издеваться над пленниками сколько его «детской душеньке» вздумается. Вот это о ком, вне всяких сомнений, сказано в древней Псалтири:

«Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» [Пс 136, 9].

Ну а что с ними можно еще сделать, чтобы от них избавиться? Сослать на необитаемый остров, чтобы кушали там приспокойненько сами себя? Может тогда их вовсе не останется? Чисто «природно»? Типа: естественный отбор.

Так ведь в том вся и проблема, что они друг на дружке кровной мезью все эти свои порядочки столетиями подрихтовывали — «естественный» отбор в своем волчьем логове производили. Потому их пусть пока еще и малые детеныши — уже достаточно опасные волчата, вскормленные отнюдь не безобидной зайчатинкой, но человеческим мясом.

А разбираемое нами семействе этих людоедов даже после смерти своего кормильца не слишком-то и тужит. После гибели Хойхороева в межбандитской разборке, оно исправно получает пособия с русского налогоплательщика. В том числе, конкретно, и с родителей русских людей, замученных этим людоедским семейством!

То есть именно этим вырождакам, прямым наследникам палача, выманившего у русской матери крупную финансовую сумму только еще за труп ее сына, родители замученных им детей обязаны теперь выплачивать пособие!!!

Но кто ж такое над нами издевательство учредил? Ведь это все равно, что назначить выплату пенсии детям Бормана или Геринга, Геббельса или Манштейна! Учредить пенсии всем палачам, потерявшим свое драгоценнейшее здоровьице в «горячих цехах» Треблинки и Освенцима, Дахау и Бухенвальда. Тоже ведь — трудились — миллионы трупов из душегубок разгребали да все сжигали, сжигали, сжигали...

Здоровье попортили на вредном производстве. Потому их семействам требуется выплата некоей такой компенсации за раннюю де утрату кормильцев.

Так ведь и охраняющим лагеря смерти эсесовцам тоже компенсация необходима: в мороз, в стужу — они всегда на посту — на продуваемых всеми ветрами вышках. При деле, значит. То есть при исполнении. От того кашель, простуды, ревматизм и прочие ухудшения их людоедским организмам и приключились. И все по вине пленников! Которые, обезумев от голода, очень часто пытались вырваться из этого ада, а потому охранникам приходилось их подкарауливать, а затем стрелять, стрелять, стрелять...

Работа тяжелая, что и говорить — требует финансовой реабилитации за денно и ношно исполняемые тяжелые обязанности.

Ловкиньюко получается?

Так ведь один в один с чеченами они на равных. А потому выплачивать деньги семье Хойхороева, все равно, что определить некую компенсацию одному из военных преступников, чья деятельность была рассмотрена в Нюрнберге:

«...эсесовец Олендорф, начальник эйзатцгруппы «Д». Этот заявил, что на юге Украины, в районе Николаева, он успел убить только... девяносто тысяч человек» [91] (с. 406).

Совсем «немного». А может у него душа ранимая? Может он сильно морально страдал, когда людей убивал? Компенсацию бы ему за этой «души» совершеннейшую «потраву»...

Ну а за мастеров заплечных дел тут и говорить нечего. Ведь «работали» в душных плохо проветриваемых помещениях в холоде и бетоне здоровье свое портили. А потом за моральные издержки им особую компенсацию учредить следует: эти умучиваемые ими люди всегда так ужасно кричат, стонут. А в особенности «непотребно» себя ведут,

когда им вытягивают жилы, забивают иголки под ногти, травят собаками, снимают с живых кожу...

Но вот беда-то: немца как-то все эти миротворческие комитеты все же умудрились стороной обойти. Обидели.

Так что не получили компенсацию по потере кормильцев потомки лютых освенцимских палачей: то «беда».

Зато чечен теперь отыгрывает все это дело в обратку. Но вряд ли кто теперь определит что лучше: газовая камера или зиндан.

Так ведь эта же выплата, что уже и совершенно не смешно, выплачивается чеченским бандитам именно не кем там еще-нибудь, но **нами же самими!!! Безропотно...**

И не когда-нибудь, но **сегодня!!!**

А “мирные” чеченские женщины, в это самое время, когда их мужа, Басаевы и Хойхороевы, «трудились» на ниве захвата зазевавшихся русских граждан, исправно помогали запечатывать в конверты отрубленные у русских детей фаланги пальцев и рассылать по адресатам, требуя за свой “космический” труд и космического вознаграждения.

Потому вот что об этом говорит солдатская мать, на себе самой испытавшая результаты этой их “космической” работы:

«Многим русским матерям, на старости лет потерявшим, там, в Чечне, своих сыновей, честно защищавших страну и нас с вами, настоящих кормильцев, а не бандитов, не платят пособий, пенсий. Их разворовывают чиновники. А жены бандитов исправно получают пособия и за детей, и за дома, в которые они вселились, убив настоящих хозяев, русских, терских казаков. И что, любить их теперь прикажете?»

К этому легко призывать тем, кто не был там... Все эти “миротворцы”, “добренькие” и храбрые только здесь, в далеком тылу, под надежной защитой наших мальчиков, которые брошены там на произвол судьбы, преданы, окружены врагами. Пишут и говорят, что Женя погиб, а я считаю, что это не так. Он не “погиб”. Его предали и убили! Это большая разница. Говорят что нации ни при чем. Но почему-то там, в Чечне, ненависть просто клокочет, даже в малых детях» [139] (с. 330).

Именно эта причина понуждала Адольфа Гитлера заявлять о своем кровном родстве исключительно к этой нации. Ведь она уже тогда всеми, и им самим в том числе, считалась нацией прирожденных убийц. Ведь если сын свиненок, то уж непременно вырастит в большую и мерзкую тварь, именуемую не иначе как свиньей. Ну а если он *зверенок?*

А помощником у этого клана людоедов оказался весь нам противостоящий мир. И именно иноверный: мусульмане и ваххабиты, католики и жидо-коммуно-демократы. Сюда же входят как Ротшильды-Рокфеллеры, так и иные «миротворцы»: Ельцины, Горбачевы, Ковалевы, Лебеди и иже с ним. Так что предателей хватает. Потому в помощь чеченам на Кавказ за большими деньгами кинулись:

«...платные убийцы со всего света. А наши мальчики защищают нас. Сдерживают страшную массу, чтобы она не хлынула сюда» [139] (с. 330).

Как нам защититься от этого на нас **нашествия**, судя по всему именно — **третьего**; ну, и, что понятно, именно **масонского?**

Предыдущие **два**, как подетально разобрано в книгах серии «Победа русского оружия», а также: «Тайная миссия Кутузова» и «Три нашествия» — удалось отстоять при помощи святоотеческого вероисповедания. Именно Православие всегда стояло на страже нашей страны:

«Не предаждь нас, Господи, не предаждь поганым в разорение, и земли наша в разделение» [139] (с. 332).

Так что смысл очень такого обстоятельного постепенного вырезывания чеченами населения наших казачьих станиц и захвата их домов лежит в основе политики политиков, управляющих всеми процессами «мирного урегулирования» данного конфликта, именуемого военным. Где пострадавшая от внезапного нападения сторона теперь обязана выплачивать пособия наголоу разбитому ею агрессору — потомкам убитых в противостоянии бандитов, размеренно вырезавших казачьи станицы и заселявших их пустеющие при этом дома. И все это при полном попустительстве властей!

И ничего в позиции правительства и по сей день не меняется. Но при всем при этом мы им выплачиваем эту возложенную на нас Путиным хазарскую дань для того, чтобы в как можно большем объеме взрастить уже теперь новое поколение убийц еще более изощренных. И у нас есть все основания на это надеяться: ведь избранная Гитлером раса звероподобных людей уже с самого раннего детства чуть ли ни полным своим составом прошла опыт по пыточно-палаческим наукам в многочисленных зенданах, которыми обладала, и до сих пор обладает, чуть ли ни каждая чеченская семья. Потому и сказано, что самым ужасным пленом является именно чеченский плен. Ведь когда в пытках участвуют не поднаторевшие в данном вопросе гестаповцы, лишь выполняющие кем-то возложенную на них *работу*, но маленькие еще дети, и исключительно в свое детское такое *удовольствие*, то понимаешь, что страшнее такого плена уже ничего быть не может.

Но все нами уже полученное было только еще *цветочками* — *ягодки* нас ожидают впереди. **Ведь эти самые «детки»,** между прочим, **скоро уже взрастут...**

А о том нас вполне откровенно предупреждает и заграница, многими нашими «миротворцами» столь сегодня усердно лелеемая:

«Новый мировой порядок будет строиться против России, за счет России и на обломках России»

(З.Бжезинский)» [139] (с. 349).

То есть заселение русских станиц чеченами, истребившими их население до единого человека, и является основой политики уже начавшегося *третьего* на нас *нашествия масонов*. Того самого, которое нам, пока еще оставшимся в живых исключительно благодаря Родионовым и Шамановым, еще предстоит отбить.

Между тем, очень возможно, оно может быть остановлено достаточно несложной процедурой, не обещающей нам вообще никаких жертв:

изъятием сатанинских мощей из места их жидомасонами сохранения, то есть из мавзолея на Красной площади, и предания их земле.

МАВЗОЛЕЙ — суть внедрения злобного божества: Люцифера.

ЛЕНИН — учредитель света Люцифера.

А потому:

«Пока Кремль осеняют звезды Люцифера, пока на Красной площади, внутри точной копии пергамского алтаря сатаны, находится мумия наиболее последовательного марксиста, мы знаем, что влияние темных сил коммунизма сохраняется» [149] (с. 58).

То есть **сатанинские мощи, хранящиеся на Красной площади под охраной Люциферовых звезд, следует как можно быстрее прижать к земле!**

И этот вариант, когда вместо сотен тысяч, а может быть впоследствии и миллионов трупов следует зарыть в землю лишь останки одного, хотим мы этого или не хотим, является единственным выходом из создавшегося достаточно безрадостного

положения. Но именно такой исход данного затянувшегося конфликта предсказан величайшим подвижником Русской Земли — Серафимом Саровским. То есть нам остается лишь одно: претворить его предсказание в действие, не позволив затеваемой масонством мировой войне отнять у России последних немногочисленных ее защитников.

И лишь этим целиком зависящим от нас самих мероприятием мы можем отвести от нашей страны воцарение в ней антихриста!!!

Нет... Готовьте шкуру к основательной «порке». А она будет основательной — в том не следует сомневаться — исполнители будущих над нами глумлений уже (август 2009), с помощью Ковалевых, прекрасно выросли, в семейных зенданах необыкновенно отточив свое пыточное мастерство!

Что же касается Небом причисленного к лику святых нашего русского солдата, то:

«Если говорить о масштабе его подвига на духовном уровне. То тут значение его неопределимо! Он поднял дух у всей нашей униженной, проданной, преданной политиками, чиновниками и генералами — Армии. И не только у ней. Во время тотального насаждения в нашей стране через СМИ всеобщей бездуховности и безверия, особенно в молодежи, а от того ее самоубийственного алкоголизма, разнузданности страстей, он остановил собой этот обвал. Вот почему его так боятся поработители наши. Почему они во что бы то ни стало хотят и делают для этого все, чтобы он и его подвиг Веры и верности остался неизвестен никому. Он дал Пример веры в то, что можно противостоять злу даже в чудовищной форме насилия над телом и самой душой человека. Он показал, что можно побеждать врагов даже безоружным. Он возрождает надежду на возможность победы над темными силами у всех узнающих о нем, в нашей обобранной, разворованной, поруганной Руси. У всех оставшихся еще Ей верными, но сникшими перед торжеством беззакония антихристовых слуг.

А какую силу, импульс мученик Евгений, подобный первомученикам первых веков христианства, придал Вере предков наших, вере истинной, апостольской, — единственной богоспасаемой — вере Православной. Вот кто влил в Нее новое вино, пусть пока в еще довольно обветшавшие, не обновленные мехи. А сегодня нужно новое, свежее вино. Срочно!.. Пока все не разложилось, не распалось совсем, окончательно. Нужна новая кровь! Чтобы тело страны выжило, не умерло *сейчас*. Нужна, необходима живая, чистая кровь страдальцев. Как в первые века христианства, когда тоненький ручеек нарождающейся веры Христианской только начинал жить, в смраде языческого мира, среди массовых, жесточайших гонений на христиан. Так и ныне, на закате мира, который “во зле лежит”, наступили времена такого оскудения истинной Веры, что только такими средствами, подвигами, кровью святых мучеников ее можно еще удержать, сохранить для спасения желающих спастись. И Россия отдает лучших своих детей; Оптинских мучеников, воина Константина и Ольгу в “Норд осте”, моряков “Курска”, псковских десантников, воина Владимира Наумова, замученных чеченцами священников Анатолия Чистоусова, Петра Сухоносова, Игоря Родина... Женю с сослуживцами,.. и скольких еще — безвестных нам, лучших Своих чад!.. Это — наши знамена. Мы должны их держать над собой и нести, и соотносить себя с ними, поступать как они.

Даст Бог, найдутся при необходимости им продолжатели, добровольные доноры для поддержания жизни Матери нашей — Руси святой, Православной.

Чистые юноши, мужи и девы, жизнь свою за други, Отечество и Веру положившие. Молниями они озарили обволакивающую нас тьму. Вывели из оцепенения трусости, рабства нашего не перед Творцом, а перед пришлой тварью, опутавшей нас сетью

подлости, парализовавшей страхом. Мученики наши, освежили дуновением озона застоявшийся смрад наших беззаконий и духовной заразы.

Легче стало дышать!

Вера и надежда, уже покидавшие нас, задержали свой исход. Вновь обрелись, утвердились в душах наших!

Сила исходившая от нас осталась и укрепилась! Можно еще стоять! Можно верить в победу над все охватившим у нас разъедающим, зловонным спрутом бесовским. Этого-то больше всего боятся наши враги. Главная их сила — парализация нас страхом, безверием, отчаянием — уходит! Нашими героями, нашими мучениками, безстрашием, подвигами их, наших славных соотечественников, разжимаются гибельные тиски врагов, разрывается смертельный узел. Воспрянем же братья и сестры! Восстанем как наши мученики!..

С нами Бог!

Разумейте языцы и покоряйтесь! Яко с нами Бог!

Потому что дает Он нам еще таких исполинов духа! Рождает еще Русь таких сыновей-героев! Дает Православная вера праведников и исповедников! Есть значит в нас еще сила! Есть мощь! еще повоюем!..”

Священник Виктор Кузнецов» [139] (с. 350–352).

Так кем же является погибший солдат из подмосковного поселка Курилово?

Уточним:

РОДИОНОВ — *отказавшийся от высшей степени человеческого двуличия [предательства].*

За то и зверски убит подопечными Ковалевых и К^о.

Но погиб русский солдат со своими союзниками совершенно не зря: именно место его захоронения является тем плацдармом, который через покоящиеся здесь святые мощи воина Евгения связывает Русскую Землю с ее Небом. О том более чем красноречиво говорит расшифровка семантики данного населенного пункта:

КУРИЛОВО — *сосредоточение сконцентрированной силы русского объединения.*

Но и как может быть иначе? Ведь там, на мощах погибшего за Веру солдата, воина Евгения, в момент прославления Небом и Его народом нового богатыря русского духа, появилось именно то знамение, которое должно сплотить Божий народ и повести в самую последнюю битву.

Оглавление

Престолонаследие.....	2
Подмененное слово.....	6
Тайная миссия Романовых.....	12
Наука побеждать.....	45
Глобализация XVI века.....	55
Святой мученик Евгений.....	74